

Александръ Амфитеатровъ.

ФАНТАСТИЧЕСКІЯ ПРАВДЫ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТЪ АВТОРА.....	2
ПОБѢГЪ ЛИЗЫ БАСОВОЙ.....	4
ВЪ ГРОЗОВЫЕ ДНИ.....	28
ПОПУТЧИКЪ.....	28
ИСПОВѢДЬ ЖИВОГО МЕРТВЕЦА.....	31
РАСПЛАТА.....	34
МЕЖДУСОСЛОВНЫЯ ПАРЫ.....	42
КЕЛЬНЕРША.....	42
НЕЛЛИ РАИНЦЕВА.....	52
МЕЧТА.....	62
ДОМАШНІЯ НОВОСТИ.....	74

ОТЪ АВТОРА.

Въ сборникѣ «Фантастическія правды» нѣтъ ни одного разсказа, въ основѣ котораго не лежалъ бы дѣйствительный случай, — какъ одно изъ зеренъ той сумбурной, невѣроятной, именно фантастически заваренной каши, что зовется современно русскою жизнью. «Побѣгъ Лизы Басовой» и всѣ эпизоды «Грозовыхъ дней» записаны мною въ Парижѣ со словъ лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ этихъ приключеніяхъ. По всей вѣроятности, ихъ узнають нѣкоторые, даже сквозь ретушь, наложенную беллетристическую формою и нежеланіемъ автора писать портреты.

Разсказы, объединенныя подъ общимъ заглавіемъ «Междусословныя пары», написаны мною въ разные годы, на общую тему о «любви — разрушительницѣ кастъ», по сюжетамъ, собраннымъ дружескою анкетой. Еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ я заинтересовался сказанною темою подъ впечатлѣніемъ случая, изложеннаго въ разсказѣ «Домашнія новости». Тогда я обратился къ нѣсколькимъ друзьямъ моимъ, разсѣяннымъ въ безпредѣльности русской провинціи, съ просьбою, — если имъ извѣстенъ или станетъ извѣстенъ однородный фактъ демократической любви — брачной или внѣбрачной, — не отказать мнѣ сообщить о немъ, сколько возможно, подробно. Въ результатѣ, я въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался обладателемъ 49 сюжетовъ, основанныхъ на «человѣческихъ документахъ». Изъ нихъ я использовалъ около трети. Сюжетъ «Мечты», — посвященной мною Льву Николаевичу Толстому, потому что онъ былъ заинтересованъ разсказомъ, узнавъ въ героинѣ дѣвушку, ему знакомую, — сообщенъ мнѣ извѣстнымъ народовольцемъ, болгаринномъ Гавріиломъ Беламезовымъ, «правою рукою казненнаго Лизогуба», какъ аттестовали его «Московскія Вѣдомости», полемизируя со мною по балканскимъ вопросамъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что, по словамъ Льва Николаевича Толстого, Беламезовъ слишкомъ идеализировалъ «Мечту», и, въ дѣйствительности, ея двигали мотивы, хотя и не дурные, но гораздо менѣе «не отъ міра сего», чѣмъ изображено въ моемъ разсказѣ. Думаю, что, по истеченіи почти четверти вѣка, не будетъ нескромностью указать, что разсказъ «Нелли Раинцева», у меня имѣющій мѣстомъ дѣйствія Петербургъ и написанный съ петербургскою бытовою обстановкою, построенъ на, фактической основѣ многошумнаго, — гораздо грубѣйшаго, чѣмъ рискнули изобразить мои смягченныя краски, — скандала не въ петербургскомъ, но въ московскомъ большомъ свѣтѣ второй половины восьмидесятыхъ годовъ. Этому разсказу, впервые появившемуся въ покойной «Недѣлѣ» Гайдебурова, почему-то очень повезло за границую. Съ легкой руки «*Berliner Tageblatt*» и «*Temps*», «Нелли Раинцева» переведена едва ли не на всѣ европейскіе языки. *Habent sua fata libelli!*

Sestri Levante 4 | VII 1907.

ПОБЕГЪ ЛИЗЫ БАСОВОЙ

ПОБѢГЪ ЛИЗЫ БАСОВОЙ

1.

Храповицкій мѣщанинъ Тимоѳей Курлянковъ стоялъ на колѣняхъ въ глубинѣ «котла», вывѣтреннаго въ пластовой скалѣ надъ Енисеемъ, и чинилъ рыболовную сѣть. Онъ былъ очень не въ духѣ. Сегодня утромъ не ждано, не гадало пожаловала къ нему изъ города на одинокую заимку жена его Ульяна, баба еще молодая, но пьяная и гуляющая. Тимоѳей, человекъ степенный и работающій, ея терпѣть не могъ. Жили они давнымъ-давно врозь: Ульяна — въ городѣ по мѣстамъ у «навозныхъ»; Тимоѳей — приказчикомъ-сторожемъ на глухой заимкѣ, брошенной настоящимъ хозяиномъ, красноярскимъ купцомъ, чуть не въ полную собственность Тимоѳея. Купецъ, великій фантазеръ и запивоха, весьма уважалъ Тимоѳея за честность и еще больше за то, что, «однако, курносый, какъ Сократъ». Прежде, чѣмъ спиться, купецъ успѣлъ поучиться въ красноярской гимназій, а можетъ-быть, именно тамъ-то и спился, какъ весьма многіе сибирскіе юноши. Визиты Ульяны къ мужу на заимку всегда означали одно и то же: что бабу бросилъ очередной любовникъ, а она съ досады и горя запьянствовала, потеряла мѣсто, безобразничала недѣли двѣ по улицамъ и валялась хмельная у всѣхъ кабаковъ славнаго города Храповицка, пока, наконецъ, пропившись до тла, не вспомнила о существованіи гдѣ-то въ глуши, за сорокъ пять верстъ, своего законнаго супруга. Сегодня Ульяна пришла въ довольно приличномъ видѣ, то-есть имѣла на себѣ юбку и башмаки. Два года назадъ, въ послѣднее свиданіе супруговъ, она явилась очамъ изумленнаго Тимоѳея почти Евою: всю одежду замѣнялъ ей рогожный куль, который она носила, какъ попъ ризу. А на дворѣ потрескивали уже сентябрьскіе морозы. Другая бы замерзла, либо простудилась насмерть. Но этой желѣзной, да къ тому же насквозь проспиртованной, бабищѣ все было сполгоря: хоть бы лишній разъ чихнула! При встрѣчѣ мужъ и жена, послѣ краткихъ и не весьма ласковыхъ привѣтствій, быстро переходили къ пререканіямъ, отъ пререканій — къ дракѣ. Побѣждалъ въ продолжительномъ бою, въ концѣ — концовъ, разумѣется, Тимоѳей, — все-таки мужчина — но не безъ труда и урона, потому что Ульяна была не по-женски сильна и въ дракѣ звѣрѣла, такъ что надо было ее связывать. Вся обычная послѣдовательность супружескаго свиданія повторилась и сегодня утромъ, о чемъ выразительно свидѣтельствовали царапины на лицѣ Тимоѳея и подбитый глазъ. Тимоѳей продержалъ жену связанною больше трехъ часовъ, покуда она утомилась ругаться, заснула, выспалась и, проснувшись, взмолилась о помилованіи. Тимоѳей явилъ великодушіе и развязалъ Ульяну, за что въ благодарность та немедленно плюнула ему въ глаза. Драка имѣла всѣ данныя возобновиться, но Тимоѳей, какъ опытный стратегъ, сообразилъ, что, покуда связанная Ульяна спала и отдыхала, онъ три часа работалъ во дворѣ, не покладая рукъ, и, слѣдовательно, со свѣжими силами врага ему, утомленному, не сладить. И, осторожный, какъ Куропаткинъ, онъ благородно ретировался къ сѣтямъ своимъ на Енисей, оставивъ за торжествующею Ульяною поле сраженія и фортецію заимки. Ульяна воспользовалась своею побѣдою прежде всего за тѣмъ, чтобы разыскать имѣвшуюся въ хатѣ бутылку спирта, которую и осушила по-сибирски — чайною чашкою. Алкоголь умягчилъ ея бранное сердце и расположилъ мириться съ мужемъ. Къ тому же на заимкѣ ни души не было, и пьяной бабѣ стало скучно. Однимъ словомъ, каковы бы ни были намѣренія Ульяны, мирныя или воинственныя, но Тимоѳей, около обѣденнаго часа, увидалъ изъ своего котла, что жена взбирается къ нему въ убѣжище крутою тропинкою по обрыву надъ Енисеемъ. Ульяна едва держалась на ногахъ, качалась, шаталась, падала на четвереньки, ползла. Тимоѳей пришелъ въ ужасъ: онъ зналъ, что тропа узкая, невѣрная, осыпчатая, по ней и трезвому-то пройти не шутка. И не успѣлъ онъ крикнуть Ульянѣ, чтобы та остереглась, какъ несчастная баба и въ самомъ дѣлѣ оступилась и полетѣла, пе-

рекувыркнувшись въ воздухѣ, внизъ, а за нею грянулъ цѣлый обвалъ слоистой вывѣтренной породы.

Тимоѳей, едва помня себя отъ ужаса, бросился на помощь къ женѣ. Она лежала близь самага Енисея, на галькѣ, полусасыпанная, неподвижная. Пока мужикъ добрался къ ней черезъ сыпучую дыру, которую сдѣлалъ въ тропинкѣ обвалъ, прошло довольно времени. Блѣдная синева лица, оскаль зубовъ и лужа крови вокругъ холодѣющаго тѣла выразительно сказали Тимоѳею, что онъ овдовѣлъ.

Тимоѳею нисколько не жаль было Ульяны, но онъ былъ потрясенъ внезапностью катастрофы и, кромѣ того, струсиль. Не покойницы струсиль, во — что засудять. Мужикъ онъ былъ неглупый и сразу смекнулъ, что въ несчастный случай тутъ начальство плохо повѣритъ. О скверныхъ отношеніяхъ Тимоѳея съ женою было извѣстно далеко въ околоткѣ. Заглянулъ Тимоѳей въ лужицу, наплесканную Енисеемъ между галькою: вода показала ему курносое лицо, исковерканное смущеніемъ и страхомъ, а, что хуже всего, избитое и исцарапанное такъ усердно, что не у всякаго настоящаго убійцы бываетъ худо!

Одна надежда, что никто не видалъ. Кругомъ пустыня. До ближайшаго жилья — села Прощи — семь верстъ. Спустить Ульяну, хорошенько загрузивъ крупною галькою, въ Енисей, и концы въ воду. Но тутъ Тимоѳей сообразилъ, что Ульяна, прежде чѣмъ добраться отъ города до заимки, прошла рядъ сель, въ которыхъ ее знали. Значить, извѣстно, что она у мужа находится. Значить, не сегодня — завтра узнается, что Ульяна пропала съ заимки не вѣсть куда. Значить, явится спросъ къ Тимоѳею: куда дѣвалъ жену? А Енисей — рѣка сумасшедшая: не груженое онъ грузить, а груженое разгружаетъ. Какихъ камней ни наверти на покойницу, это похороны не вѣрныя, — теченіе очень можетъ развязать трупъ и выбросить его гдѣ-нибудь на мель, въ протокѣ.

Покуда Тимоѳей горевалъ и раздумывалъ, къ заимкѣ, со стороны ближняго села, подходилъ человекъ. Былъ онъ богатырскаго роста, въ грубомъ пиджакѣ домотканнаго сукна, штаны засучены въ высокіе сапоги. Изъ-подъ московскаго картуза глядѣли глаза орлиные — суровые, смѣлые и зоркіе. Сивые усы, сивая борода. Звали этого человека... впрочемъ, все равно, какъ его звали, а кличка ему въ округѣ была Потапъ. Былъ онъ старый политическій ссыльный — бомбистъ, отбывшій долгую каторгу и поселеніе и потомъ брошенный подъ гласный надзоръ въ степное село. Жилъ на Прощѣ много лѣтъ, омужичился, сталъ хозяиномъ и, какъ часто бываетъ съ поднадзорными властнаго ума и характера, если они попадаютъ въ очень глухое захолустье, сдѣлался человекомъ, необходимымъ для крестьянства, — своего рода моральнымъ начальствомъ, которое иной разъ повліятельнѣе начальства короннаго. Тимоѳей зазривъ Потапа издали на буграхъ.

Сперва испугался, потомъ обрадовался. Потапъ былъ какъ разъ человекъ, подходящій Тимоѳею для помощи и совѣта. Что Потапъ повѣритъ ему и не подумаетъ, будто онъ убилъ Ульяну, Тимоѳей не сомнѣвался.

Потапъ повѣрилъ. Положеніе трупа, характеръ ушибовъ и ранъ на тѣлѣ Ульяны убѣдили старика, что Тимоѳей говоритъ правду. Сомнѣнія и страхи Тимоѳея онъ тоже понималъ очень хорошо. Безъ вины разорять и засудять.

— Прежде всего «это» надо зарыть. Подняли мужчины мертвую Ульяну и перенесли ее на заимку, во дворъ. Тамъ Потапъ приказалъ Тимоѳею разметать огромную кучу назема и на расчищенномъ мѣстѣ рыть яму. Дѣлалось такъ за тѣмъ, что подъ наземомъ земля талая, рыхлая, и легче, скорѣе беретъ ее заступъ. Вѣдь по Енисею, и лѣтомъ, уже на аршинъ вглубь, почва промерзлая, что камень, хоть разбивай ее ломомъ и руби топоромъ. А стояло не лѣто уже, ранняя осень: дни бѣжали къ Покрову. Работали часа два. Къ вечеру тѣло Ульяны навсегда исчезло отъ глазъ міра сего въ глубокой ямѣ, плотно засыпанной пескомъ. Поверхъ песка; мужчины снова навалили бугоръ назема.

— Теперь, — сказалъ Потапъ, — сядемъ да померекаемъ, какъ избывать бѣду твою дальше. Я такъ полагаю, Тимоѳей, что оставаться на заимкѣ тебѣ никакъ нельзя.

— Страшно, Потапъ Ильичъ, — сознался Тимоѳею. — Хотя баба была самая лядущая и никакой вины моей въ ея смерти нѣту, а все же...

— Разумѣется. Кому пріятно жить одному въ пустынь и трупъ подъ ногами чувствовать? Но, помимо того, опасно, что родня, знакомцы, начальство вскорѣ хватятся твоей Ульяны, начнутъ ее искать..

А передъ слѣдствіемъ и допросомъ, — я тебя знаю, — ты спасуешь... ну, и готовъ чорту баранъ: ни за что ни про что Сахалинахватишь... Надо тебѣ уѣхать, другъ любезный. Уѣзжай.

— Я бы съ радостью, Потапъ Ильичъ, только боязно: не подать бы на себя еще большаго подозрѣнія? Скажутъ люди: что за диковина? Пришла къ Тимоѳею жена и какъ. въ воду канула, а самъ Тимоѳей ускакалъ не вѣсть куда, будто оглашенный? Это не иначе, что онъ ее извелъ да бѣжалъ...

— Да, — спокойно возразилъ Потапъ, — ты совершенно правъ. Бѣжать одному, безъ жены, я тебѣ не посоветую: прямая улика, — накроютъ. Но тебѣ слѣдуетъ не одному бѣжать, а именно вдвоемъ съ женою.

— То есть какъ же это съ женою, Потапъ Ильичъ?

— Такъ, съ женою, съ Ульяною.

— Позвольте, Потапъ Ильичъ? Мнѣ невдомекъ. Ослышался я, что ли, или плохо васъ понялъ? А зарывали-то мы: съ вами сейчасъ кого же?

— Ульяну зарывали.

— Ну?

— Чудакъ! Ульяну зарыли, а паспортъ отъ ея, небось, цѣль остался? Нешто не знаешь, что на Руси человѣкъ состоитъ изъ души, тѣла и паспорта? Теперь, — покуда не станетъ извѣстно, что Ульяны твоей больше нѣтъ на свѣтѣ, которой женщинѣ ты дашь паспортъ Ульяны, та и будетъ Ульяною... Понялъ?

— Однако понялъ.-протяжно сказалъ Тимоѳей.

— Покуда ты наземъ ворочалъ, я твое дѣло обмозговалъ. Слушай: тебѣ совсѣмъ не «бѣжать» надо, а просто уѣхать, открыто уѣхать, у всѣхъ на вѣсти, ну, въ Красноярскъ, что ли, скажись, будто за покупками. И дамъ я тебѣ въ попутчицы одну женщину, то есть дѣвушку. Она изъ нашихъ, политическихъ, только въ политику-то совсѣмъ не по характеру своему попала, а больше какъ куръ во щи. Тоскуетъ здѣсь ужасно, а сослана на пять лѣтъ. Человѣкъ хорошій, но воли большой въ себѣ не имѣетъ, страдать и терпѣть не охоча, да и не понимаетъ хорошо-то, за что терпитъ. Вообще лишняя она здѣсь. Я давно уже порѣшилъ устроить ей побѣгъ при первой же возможности. И если ты согласишься, то счастливіѣ случая найти нельзя. По примѣтамъ она съ Ульяною сходится. Ты ее знаешь: это — Лиза Басова. Моложе покойницы немножко, да это пустяки, сойдетъ. Вся твоя обязанность стало быть, сводится къ тому, что ты увезешь ее изъ нашихъ мѣстъ, какъ будто бы свою жену, и доставишь, куда мы тебѣ назначимъ. А затѣмъ, пожалуй, хоть и домой возвращайся, на заимку. Скажешь людямъ, что жена поступила служить къ господамъ, на мѣсто, въ Красноярскъ или Томскъ. Можно, пожалуй, и паспортъ ея тамъ прописать. А то просто жалуйся, что, молъ, запила, бросила меня въ губерніи... Всѣ знаютъ, какая шалая и непостоянная была твоя Ульяна. И если ты все это исполнишь, то не только спасешь себя отъ всякой опасности, но еще и доброе дѣло сдѣлаешь и заработаешь рублей пятьдесятъ, даже сто. У Лизы есть маленькія деньжонки, да и я согласенъ помочь. И заранѣе говорю тебѣ: этой твоей услуги я, пока буду живъ, тебѣ не забуду.

Тимоѳей очень задумался. Планъ Потапа казался ему простъ и ясенъ. Если и было что трудное къ выполнению, то развѣ вначалѣ: какъ провезти Лизу Басову подъ именемъ Ульяны по тѣмъ деревнямъ и селамъ, гдѣ Ульяну знаютъ въ лицо? Но, сообразивъ разстояніе и свои знакомства, Тимоѳей высчиталъ, что послѣдній пунктъ по тракту,

опасный ему въ этомъ отношеніи, находится верстахъ въ 50, — станокъ Кошмино: у Ульяны была выдана туда замужъ старшая сестра. Дальше Кошмина Ульяна никогда не бывала. На доброй парѣ сытыхъ сибирскихъ степныхъ коньковъ Тимоѳеѣй рассчитывалъ сдѣлать этотъ перегонъ въ ночное время, выѣхать съ вечерѣра, покормить коней «на степену», въ дорогѣ, и такъ приноровить, чтобы къ свѣту очутиться уже далеко за Кошминымъ.

— Если опозднимся, ободняетъ, то дамъ крюку по степи, объѣду Кошмино стороною... Ничего! можно! Вотъ только, Потапъ Ильичъ, не было бы за вашей барышнею погони отъ начальства?

— За три дня я тебѣ ручаюсь, что не будетъ, можетъ-быть, и четыре и всѣ пять дней, даже недѣля пройдетъ, покуда ея хватятся. Это-то намъ устроить всего легче. И сами цѣлы будемъ и добрыхъ людей не подведемъ. А за пять день вы будете уже верстахъ въ пятистахъ, если не больше. Да, разъ всѣмъ будетъ извѣстно, что ты уѣхалъ со своею женою, какое же у кого можетъ быть на тебя подозрѣніе?

Въ такихъ соображеніяхъ и переговорахъ провели они — Потапъ съ Тимоѳеемъ — цѣлую ночь, а наутро окончательно ударили по рукамъ, рѣшились и принялись дѣйствовать.

Побѣгу Лизы Басовой было назначено быть трое сутокъ спустя. За это время Тимоѳеѣй нарочно то и дѣло показывался на Прощѣ всѣмъ, въ томъ числѣ и помощнику станowego, говорилъ о своей скорой поѣздкѣ въ Красноярскъ, будто хозяинъ-купецъ вызываетъ къ себѣ по торговому дѣлу, рассказывалъ, что жена къ нему возвратилась, и жаловался, что никакого терпѣнія съ нею не стаеть, — такъ безобразно пить и буянить.

— Одно оставить невозможно: боюсь, займку сожжетъ. Мнѣ передъ отъѣздомъ хлопотъ, заботъ выше головы, а отлучиться отъ дома не смѣю. Спасибо Потапу, что заходить присмотрѣть. Только въ то время я и свободенъ.

— Ты бы ее, однако, полѣчилъ? — совѣтовали ему.

— И то въ Красноярскъ съ собою везу, — лѣкаръ тамъ, сказываютъ, чудотворный проявился, хорошо пользуетъ отъ запоя травами. Хотя большой надежды не имѣю, однако, авось! Этакая обуза и убытокъ, а нечего дѣлать, везу. Да и все равно: какъ ее, проклятую, одно дома оставить? Она займку сожжетъ.

Нѣкоторыя любопытныя кумушки сунулись было на займку посмотрѣть, какъ пить и безобразить Тимоѳеѣва молодуха, но наткнулись тамъ на сумрачную и грозную фигуру Потапа, который вытурилъ ихъ безъ церемоніи:

— Нечего, нечего хвосты трепать, о чужомъ срамѣ любопытствовать. Когда вытрезвимъ Ульяну, тогда милости прошу, а представленій дѣлать изъ пьянаго человѣка не позволю: стыдно вамъ, тетки.

Потапа боялись, — кумушки ушли, не солоно хлебавъ, а легенда о беспросыпномъ запоѣ Ульяны еще болѣе окрѣпла, выросла и покатила отъ хаты къ хатѣ.

Что касается Лизы Басовой, ея побѣгъ былъ обставленъ очень просто. Въ назначенный день она обратилась къ помощнику станowego съ просьбою объ отлучкѣ на три дня въ сосѣднее село, верстъ за восемнадцать, къ знакомой попадѣ. Отлучки эти разрѣшались ей уже не разъ, — у полиціи Басова была на счету «смирной» и выигрывала тѣмъ маленькія поблажки. Да и вообще ссылка въ сибирскомъ селѣ только скучна ужасно и для людей, не имѣющихъ своихъ средствъ, голодна; въ разсужденіи же общаго «прижима» она, пожалуй, легче городской: начальства меньше и калибромъ оно мельче. Помощникъ станowego совершенно спокойно разрѣшилъ Басовой навѣстить попадю, а Басова, тоже совершенно спокойно, отойдя версты двѣ за паскотину, спустилась въ балку, гдѣ ждалъ ее Потапъ, съ платьемъ, которое должно было превратить Лизу въ Ульяну. Платье Лизы Потапъ зарылъ тутъ же въ балкѣ и камнемъ завалилъ. Падали сумерки, когда, окруживъ село по степи, они вдвоемъ спустились къ Тимоѳеѣвой займкѣ. А полчаса

спустя затарахтѣла по тракту кибитка, унося двоихъ путниковъ. Проѣхать пришлось черезъ все село, почти двухверстную Прощу, — на томъ настояль Потапъ. Слыша грохотъ колесъ, глядѣли люди въ окна и говорили:

— Тимоѳей въ губернію покатилъ: жену отъ пьянства лѣчить. Ишь, шельма, до чего себя довела: даже сидѣть въ кибиткѣ не можетъ, колодою лежитъ. Ай-ай-ай! Однако и бабы же пошли нонѣ.

Помощникъ становаго тоже смотрѣлъ въ окно и тоже жалѣлъ Тимоѳея и ругательски ругалъ его пьяницу-жену.

Лиза Басова кончила свою ссылку!

II

Лиза Басова, такъ романически бѣжавшая изъ ссылки въ селѣ Прощѣ, — правъ былъ Потапъ, — попала въ революцію, дѣйствительно, «какъ куръ во щи», — совсѣмъ нечаянно и, пожалуй, что почти не ко двору. Была она москвичка (не городская, — изъ уѣзда), происходила изъ духовнаго званія, училась въ московскомъ Филаретовскомъ училищѣ, курса не кончила, по непріятностямъ съ начальницею, и семнадцати лѣтъ поступила продавщицею въ игрушечный магазинъ. Въ качествѣ сироты, жила у тетеньки, которая весьма строго наблюдала за ея нравственностью, но обращалась съ нею, почти какъ съ прислугою. Да и приходилось, въ самомъ дѣлѣ, помогать прислугѣ. Тетенька держала на Бронной студенческія мебелированныя комнаты съ столовою, пансіонеры къ ней валили валомъ, потому что дама была довольно добросовѣстная: кормила дешево и почти съѣдобно. Со студенчествомъ весело, — Лиза своею полу-прислужническою ролью не тяготилась. Дѣло у тетеньки процвѣтало и росло, а сама тетенька старѣла и болѣла. Лизѣ пришлось бросить магазинъ и превратиться въ экономку мебелированныхъ комнатъ. Окруженная студентами, она ловила отъ нихъ кое какія «идеи времени», но, правду сказать, была слишкомъ неразвита, чтобы ихъ сознательно усвоить, а развиваться было некогда: съ утра до вечера кипѣла въ хозяйствѣ, какъ въ котлѣ. Изъ себя дѣвушка была не то, чтобы ужъ очень красивая, но — пресимпатичной миловидности, рослая, статная, дышащая здоровьемъ и силою. Темпераментомъ природа наградила ее холоднымъ, къ влюбчивости не расположеннымъ, а для дружбы и товарищества весьма приспособленнымъ. Поэтому студенчество очень уважало и любило Лизу Басову, несмотря на ея простоту и почти темноту, и даже ревниво берегло ее отъ черезчуръ предприимчивыхъ «развивателей». Такимъ образомъ, досуществовала Лиза Басова до двадцать второго года жизни, не выйдя замужъ и не имѣвъ романа, — просто «добрымъ товарищемъ» и «хорошею дѣвкою». Съ своей стороны, она почти суевѣрно обожала студенчество, какъ нѣкую высшую силу, инстинктивно, именно только за то уже, что оно — студенчество; и не понимала, но глубоко уважала на вѣру рѣшительно всякую «революцію», потому что огромное большинство студенчества, у нея квартирующаго и столующагося, было революціонно. Она знала кое-что по слуху — напимѣръ, что у однихъ — «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», а у другихъ — «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». Какая разница между тѣми и другими, это оставалось выше пониманія Лизы, но она одинаково сочувствовала тѣмъ и другимъ, трепетала за тѣхъ и другихъ, вмѣстѣ съ тѣми и другими ненавидѣла полицію, опасалась и подозрѣвала шпионовъ а, въ случаѣ надобности, очень могла за тѣхъ и другихъ собою пожертвовать. Ну, и случай представился. Былъ обыскъ въ мебелированныхъ комнатахъ, искали шрифтъ и ничего не нашли. Присутствуя при обыскѣ, за хозяйку, Лиза Басова замѣтила скромный тючокъ, до котораго полицейское вниманіе еще не достигло. Она хорошо знала, что тючокъ — съ только что отпечатанными прокламаціями болѣе, чѣмъ энергическаго призыва. Тогда Лиза Басова тючокъ очень ловко скрыла и вынесла въ прачечную. Жандармы удалились съ пустыми руками, забравъ на всякій случай двухъ обысканныхъ студентовъ. Но на завтра они возвратились уже за Лизой Басовой: номерная горничная подмѣтила ея продѣлку и

нашла выгоднымъ донести. Въ тюрьмѣ Басова вела себя опять-таки не героинею какою-нибудь, но съ достоинствомъ, «хорошею дѣвкой»: никому ни словомъ не повредила, ни въ чемъ не обмолвилась, а, не надѣясь на свою изворотливость, больше отмалчивалась: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Арестованные студенты, искренно жалѣя Лизу, усердно и постоянно заявляли на допросахъ, что Басова въ ихъ дѣлѣ — не при чемъ, человѣкъ не партійный, и ровно ничего революціоннаго мы ей не открывали и не довѣряли. Мудрое начальство и само видѣло съ ясностью, что треплеть совсѣмъ непричастнаго человѣка, но, — за молчанку, въ которой «упорствовала» Басова, — распорядилось съ дѣвушкою такъ сурово, какъ только имѣло возможность «по закону»: швырнуло ее въ порядкѣ административной ссылки въ Восточную Сибирь, на Енисей, въ Процу. Потапъ немножко слукавилъ, когда увѣрялъ Тимоѳея, что ему хочется сбыть Басову изъ Прощи только потому лишь, что дѣвушка очень тоскуетъ. Что Лиза умирала въ Прощѣ отъ тоски по Россіи, — это правда, но кто же не тоскуетъ въ административной ссылкѣ? А бѣгутъ, однако, весьма рѣдкіе. Больше того, еще недавно было время, когда подобные побѣги, тѣмъ болѣе отъ опредѣленнаго срока, считались въ ссылкѣ почти неприличными и вредными, потому что отзывались на остающихся товарищахъ лишеніемъ льготъ по свободному жительству и разными мстительными притѣсненіями «по закону». Я испыталъ это на самомъ себѣ. Въ Минусинскѣ я очень дружилъ съ мѣстными татарами. Они два раза предлагали мнѣ выкрасть меня и переправить, черезъ Саяны, въ Китай.

— Только скажи — самъ не услышишь; какъ очутишься въ Сойотіи.

Соблазнъ былъ огромный, а риска почти никакого. Но — посоветовался я съ однимъ милымъ человѣкомъ, другомъ всѣхъ политическихъ, и отказался.

— Потому что, — говорить, — пять, лѣтъ ссылки не такой ужъ безнадежный срокъ, чтобы его не вытерпѣть. Тѣмъ болѣе, что средства у васъ есть, живете сыто. А если вы сбѣжите, то мѣстныя власти получаютъ еще небывалую нахлобучку отъ верхняго начальства: вы вѣдь человѣкъ нашумѣвшій на особомъ положеніи. И нахлобучка эта цѣликомъ выместится на остальныхъ политическихъ, изъ нихъ здѣсь тогда послѣднюю кровь выпьютъ.

Такимъ образомъ, если срочный ссылный бѣжить, то обыкновенно не для личнаго благополучія, а вытребованный «дѣломъ». Дѣло было дано и Лизѣ Басовой. Оно висѣло у нея на шеѣ, вмѣстѣ съ крестомъ и образками (это ужъ на случай обыска, для полнаго грима «мѣщанки Ульяны Курлянской»), зашитое въ ладонку, въ видѣ бумажки, мелко исписанной цифровымъ шрифтомъ. Бумажку Лиза должна была передать товарищу въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Пермской губерніи. Съ товарищемъ этимъ она была незнакома, и, что въ бумажкѣ значилось, было ей неизвѣстно. Посылъ свой Потапу давно хотѣлось отправить, но не имѣлось подходящаго гонца. Въ Лизѣ Басовой онъ угадалъ одну изъ тѣхъ пассивно-рѣшительныхъ женскихъ натуръ, которыя созданы для революціонной дисциплины, съ неразсуждающею исполнительностью, способною до самопожертвованій почти баснословныхъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ былъ случай, что подобная «рядовая» революціи, командированная Желябовымъ изъ Петербурга въ Москву, по приѣздѣ — ночью въ гостиницѣ — была застигнута преждевременными родами, на восьмомъ мѣсяцѣ беременности. Она имѣла геройство выдержать ужаснѣйшія боли, даже не пикнувъ, такъ что и ближніе сосѣди ничего не слышали и не подозрѣвали. Ребенокъ родился мертвый. Женщина уничтожила трупикъ въ печкѣ, прибрала и вычистила свой номеръ, а поутру, какъ ни въ чемъ не бывало, поѣхала шнырять по порученію, безконечно трясясь по ужаснымъ московскимъ мостовымъ и конкамъ. Исполнила, что велѣно, и въ тотъ же день отбыла обратно въ Петербургъ. И только тутъ уже, окончивъ миссію и давъ по ней отчетъ, свалилась, полумертвая, и выдержала долгую, тяжкую болѣзнь.

Тимоѳея Курлянковъ и Лиза Басова находились въ пути уже седьмой день. Такъ

какъ они передвигались не перекладными, а собственною Тимоѳеевой парочкою, то отдалялись отъ Прощи гораздо медленнѣе, чѣмъ могли бы, но Тимоѳеѣй почиталъ, что такъ вѣрнѣе. Вопросами о возможности погони, ареста и неприятныхъ встрѣчь бѣглецы волновались только въ первый день, который — покуда не смерклось — Лиза сплошь пролежала въ кибиткѣ ничкомъ, притворяясь спящею или пьяною. Но вотъ переѣхали они Енисей, очутились въ другомъ округѣ, степь перемѣнила названіе, — бѣглецы пріободрились: сзади выиграно большое разстояніе, впереди — никакой опасности, значить, поѣзжай, не поторапливай, понапрасну коней не мучь! Тѣмъ не менѣе, къ седьмому дню странствія кони сильно сморились и обили копыта. Тимоѳеѣй рѣшили вымѣнять ихъ на первомъ же базарѣ, который будетъ по пути, хотя бы и съ малою приплатою, на свѣжую животину. Въ Россіи мѣна конемъ, продажа или покупка лошади для крестьянина — жизненный вопросъ первой важности, а въ степной Сибири конь — это своего рода живой денежный знакъ, четвероногая, ходячая, если не изъ рукъ въ руки, то со двора во дворъ, оборотная монета. На третій день Тимоѳеѣй оставилъ красноярскій трактъ и свернулъ на западъ, взявъ новую степную дорогу — «наРассею».

Ѣхать день за днемъ, осеннею степью, уставленною могильниками исчезнувшихъ народовъ, которыхъ и имена-то исторія забыла, — невеселое занятіе. Встрѣчниковъ путники имѣли врядъ ли двухъ или трехъ, считая отъ станка къ станку, на разстояніи тридцати и болѣе верстъ, а то и совсѣмъ никого. Лиза отъ скуки старалась, какъ можно больше, спать и засыпалась до одурѣнія. Проснется: пара коней трусить мелкою рысцою, бубенцы звенять, будто мѣдныя собачки лаютъ, мѣрно и жалобно, сѣрое небо, сѣрая степь и каменные круги могильниковъ на горизонтѣ. Стоило просыпаться! Только и развлеченія, что поромы черезъ могучія степныя рѣки, самоваръ да заѣдки на станкахъ у «дружковъ» и ночлеги въ неопрятныхъ избахъ, съ любопытными хозяйками, дымящими керосиновыми лампочками и угарными печами. Тимоѳеѣмъ Лиза была очень довольна. Потопъ не ошибся, поручивъ ему дѣвушку. Мужикъ оказался вѣжливый, «знающій свое мѣсто», услужливый, не наянливый. Былъ отъ природы не глупъ и, за сорокъ пять лѣтъ жизни, повидалъ и узналъ не мало любопытнаго, какъ всякій работящій и торговый сибирскій человѣкъ. Долгое путешествіе на лошадяхъ вдвоемъ, мужчины и женщины, — дѣло фамиллярное, особенно въ условіяхъ, если они должны слыть за мужа и жену и выдерживать эти роли предъ чужими людьми. Развивается невольное общеніе, устанавливается извѣстная короткость, упраздняются или сокращаются разные мелкіе фізіологическіе секреты и условныя лжи быта. Такимъ сближеніемъ недолго злоупотребить, не мудрено въ немъ зазнаться мужчинѣ, особенно, когда онъ сознаетъ, что женщина — вся въ его рукахъ и кругомъ отъ него зависитъ. Но Лиза не могла нахвалиться скромностью и почтительностью своего фиктивного «супруга». Съ самаго начала пути было рѣшено между ними, — во избѣжаніе обмолвокъ предъ посторонними, — говорить другъ другу «ты» даже и наединѣ, и совершенно позабыть, что Лиза — Елизавета Прокофьевна, а не Ульяна Дмитріевна. На станкахъ, ночлегахъ и при дорожныхъ встрѣчахъ Лиза играла свою нетрудную роль молодой городской мѣщанки очень удовлетвори-тельно. Пьяницею ей уже не надо было притворяться, какъ скоро они покинули кругъ «своихъ мѣсть».

— Эхъ, сударыня! — съ искренностью говорилъ ей Тимоѳеѣй. — Кабы Ульяна и впрямь была на тебя похожа, то не радовался бы я теперь тому, что она въ землю легла.

На ночлегахъ онъ очень искусно и деликатно покидалъ «жену» свою въ хатѣ съ хозяйскими бабами, а самъ удалялся спать въ кибитку, отговариваясь, будто не любитъ ночевать въ теплѣ. Осень, на его счастье, стояла погожая и еще безъ морозовъ.

Къ концу недѣли дорога изрядно изломала и коней, и путниковъ. Чувствуя себя въ совершенной безопасности, они рѣшили передохнуть день-другой, чтобы ѣхать дальше со свѣжими силами и на свѣжихъ вымѣнянныхъ коняхъ. Впереди было огромное

торговое село, Дагна. Въѣхавъ въ него, какъ разъ на самый Покровъ, путешественники застали и базарный день, и престольный праздникъ.

Кому не извѣстно, что «батюшка Покровъ» — всероссійская годовая эра крестьянскихъ свадебъ? Но мало кому «въ Россіи» извѣстно, что такое сибирская крестьянская свадьба въ хлѣбныхъ округахъ подсянскихъ и подьалтайскихъ благодатныхъ степей. Върнѣе, впрочемъ, сказать надо, чѣмъ была тамъ крестьянская свадьба-и была еще очень недавно, лѣтъ десять тому назадъ, къ какой именно давности и относится странствіе Лизы Басовой. Въ настоящее время обѣднѣніе коснулось и этихъ молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами — Минусинскаго, Абаканскаго, Кузнецкаго края. Неурожай, переселенчество, земельныя ограниченія заставили пооскудѣвшихъ чалдоновъ укротить размахъ стариннаго веселья. И все же, даже и теперь, въ хлѣбные годы, это — былинный пиръ на весь міръ, продолжающійся не менѣе недѣли воистину гомерическимъ разгуломъ, съ непросыпными попойками. Плохая крестьянская свадьба въ Кузнецкомъ округѣ обходится въ 400 руб., средняя-въ 1.000 руб., порядочная-въ 1.400, богатая, о которой потомъ цѣлый годъ молва гуломъ идетъ по степямъ, — до 4.000 руб! И, собственно, свадебные, прямые расходы составляютъ не болѣе 10 — 20% этихъ суммъ: остальное пропивается. На каждого гостя своего — поѣзжанина — хозяинъ отпускаетъ не менѣе 1^{1/2} бутылки водки въ день, на каждую гостью — не менѣе ^{1/2} бутылки, не считая «прочаго». Разорительность свадебнаго обычая и пьяная утомительность его настолько велики, что даже чалдоны-толстосумы кряхтятъ лодъ ихъ тяжестью, да и народъ совсѣмъ дурѣетъ отъ гулянки. Одинъ сельскій богатей подъ Красноярскомъ думалъ выдавать дочь замужъ послѣ Покрова. Вдругъ является къ нему депутація односельчанъ.

— Батюшка, Иннокентій Ѳомичъ, не будетъ ли твоей къ намъ милости — отложить свадьбу на зимній мясоѣдъ?

— А вамъ что?

— Да, кромѣ твоей, три свадьбы у насъ на селѣ...

— Ну?

— Не выдержимъ, однако, сопьемся. Тамъ, гдѣ предвидится рядъ богатыхъ свадебъ, хозяева уговариваются объ ихъ срокахъ и очереди, чтобы не совпадали. Это создать, на срокъ мясоѣда, своего рода заколдованный свадебный кругъ, попавъ въ который, не легко выкрутиться. Сибиряки вообще мало стѣсняются разстояніемъ:сдѣлать сотню, другую, третью на лошадяхъ — у нихъ и путешествіемъ не почитается, — дѣловая или увеселительная поѣздка. На богатыхъ и многообѣщающія свадьбы гости приглашаются и сами пріѣзжаютъ иногда изъ-за пятисотъ, даже изъ-за тысячи верстъ. Присутствіе такихъ рѣдкихъ и издалека гостей, конечно, затягиваетъ срокъ и усиливаетъ напряженіе свадебнаго разгула. Пріѣдетъ человекъ кутнуть на одной свадьбѣ, а гуляетъ на трехъ, четырехъ и больше. Есть любители кружить по свадьбамъ, которые въ томъ и проводятъ осенній и зимній мясоѣды, что катаются отъ села къ селу, со свадьбы на свадьбу на тѣлѣгахъ или саняхъ, обвѣшанныхъ цвѣтными платками, и пьянствуютъ изо дня въ день на чужой счетъ. Но есть и несчастные, которые поработаются той же участи совсѣмъ не по своему доброму желанію, а потому, что они — почетные гости, уважаемые люди, и отпроситься или бѣжать отъ кошмарныхъ пировъ этихъ для нихъ значитъ жестоко оскорбить хозяевъ и нажить себѣ злопамятныхъ враговъ на всю жизнь. И, наконецъ, весьма многіе сибиряки, вполне искренно ругавшіе и проклинавшіе безобразіе свадебнаго обычая, признавались мнѣ, однако, что есть въ его пьяномъ, длительномъ вихрѣ своеобразная затягивающая сила: создается въ цѣлой группѣ людей то, что на юридическомъ языкѣ называется «привычкою къ праздной и порочной жизни», будто какой-то стихійный и массовый запой. Декадентъ назвалъ бы это «оргіазмомъ», а я думаю, что дѣло просто въ хроническомъ алкогольномъ отравленіи.

Едва въѣхали въ село Дагну, Тимоѳей былъ окликнуть рослымъ мужикомъ, на-

ряднымъ, какъ купецъ, и здорово выпившимъ. Сперва путники струсили было, но, взглянувшись, Тимоѳеѣй призналъ въ мужикѣ мелкаго золотопромышленника Миронова, съ которымъ вмѣстѣ «старательствовалъ» когда-то за Байкаломъ. Тому прошло уже лѣтъ пятнадцать, съ тѣхъ поръ товарищи не видались и вѣстей другъ о другѣ не имѣли. Ульяны Мироновъ не видывалъ и, что была или есть такая на свѣтѣ, не знавалъ. Слѣдовательно, опасности отъ него Лизѣ не предвидѣлось. Обрадовался старому товарищу Мироновъ, настоялъ, чтобы заѣзжали къ нему во дворъ, и — какъ ты хошь, что ты хошь, однако, ты у меня погости.

Напрасно Тимоѳеѣй и Лиза настаивали и отговаривались, что нельзя — очень спѣшать, и далеко еще имъ путь держать: на самый Барнаулъ. Мироновъ только кланялся въ поясъ, да повторялъ умиленнымъ басомъ:

— Не обезсудь! Уважь! Погости. Ужь такъ мы тебѣ рады, такъ тебѣ рады. Господи! Я тебя, можетъ-быть, сколько годовъ въ мертвыхъ почиталъ?! Однако, вдругъ вижу: ѣдетъ. И — супружница съ нимъ. Ахъ, ты! Ахъ, ты!. Не обезсудь! Уважь! Погости!

— Душою бы рады, Василій Мироновичъ, но поспѣшаемъ въ Барнаулъ.

— Что тебѣ въ Барнаулѣ дѣлать? Барнаулъ такъ Барнауломъ и останется, съ мѣста не уйдетъ. У меня погости! Ты, другъ, посмотри, какъ живу, чаша полная! Царю завидно!.. Господи! Небось, дружками были, камратами звались, изъ одного котла кашу ѣли, изъ одной бутылки спиртъ глотали. Чтобы все вмѣстѣ, значить, и на землѣ и подъ землею. И вдругъ, однако, вижу: ѣдетъ!.. И супружницу съ собою везетъ, — экую добыль кралю писаную. Ахъ, ты! Ахъ, ты!.. Какъ же намъ съ тобою, по всему этому случаю, теперь не выпить? Тимоѳеѣй Степановичъ! Ульяна Митревна! Уважь! Погости!

Онъ кланялся самъ, заставлялъ кланяться жену, дѣтей, работницу, работника.

— Что же, Ульяна Митревна? — нерѣшительно обратился Тимоѳеѣй къ «женѣ». — Вѣдь мы все равно хотѣли на день-другой себѣ роздыхъ дать. Такъ лучше, можетъ, и впрямь погостить у Василя Мироновича, ничѣмъ у чужихъ людей?

— Лиза помолчала, подумала. Она чувствовала себя страшно усталою съ дороги. Всѣ кости болѣли.

— Хорошо, я согласна. Ваши гости, Василій Мироновичъ, только ужъ — заранѣе уговоръ, хозяйшкѣ милый: больше трехъ день вы насъ у себя не задерживайте.

— Ульяна Митревна! Сударыня ты моя! — возопилъ Мироновъ. — О чемъ твои коннѣ слова? Напрасныя твои коннѣ слова! Да ты только проживи у насъ три дня то, — такъ ты и Барнаулъ свой и все на свѣтѣ забудешь, съ нами не разстанешься. Вотъ какіе мы люди, сударыня моя!

Опять же теперь свадьба у насъ наладилась: однако, племянницу изъ своего дома выдаю за хорошаго молодца: купецъ-парень! — въ Плющу, село, за нами будетъ сорокъ верстъ, слышали, аль нѣтъ? Какъ же мнѣ, сударыня, теперь возможно тебя, хотя бы и въ Барнаулъ, отпустить? Ты у меня на свадьбѣ первый человекъ будешь. Уважь! Погости! Не обезсудь!..

Такимъ-то манеромъ попали наши путники въ сибирскій свадебный смерчъ. И началъ онъ ихъ съ того дня шатать и мотать-отъ Василя Миронова къ Мирону Васильеву, изъ Дагны въ Плющу, изъ Плющи въ Дагну. И, благодаря тому, что вся Дагна видѣла, какъ высоко чтить и цѣнить Тимоѳеѣя Курлянкova и супругу его, Ульяну Митревну, Василій Мироновъ, первый на Дагнѣ, а, пожалуй, что и на всей прилегающей округѣ, человекъ, — только и слышали теперь путники со всѣхъ сторонъ, что:

— Не обезсудь! Уважь! Погости!.. Или — какъ въ Сибири хозяйская формула гласитъ:

— Поелозьте, поелозьте,
Милы гости!

На что порядочный гость долженъ, по этикету, отвѣчать съ учтивостью:

— То и знаемъ,
Надвигаемъ, То и знаемъ,
Надвигаемъ, — Наелостились!..

Прошло три дня.. Прошла недѣля. Прошло десять дней. Прошло двѣ недѣли. Тимоѳей и Лиза были, правда, уже не въ Дагнѣ и даже не въ Плющѣ, а въ какой-то Опустоши, но Опустошь, какъ двѣ капли воды, походила и на Дагну и на Плющу, и былъ съ ними тотъ же Миронъ Васильевъ, и былъ тотъ же Василиій Мироновъ, и шло кругомъ все то же-одно на одно, вино на вино.

Какъ въ Дагнѣ, Плющѣ — потомъ въ чемъ-то еще — потомъ въ Опустоши, Тимоѳей и Лиза, по почину Василия Миронова, всюду оказывались самыми почетными гостями. Ихъ больше всѣхъ и чуть не первыми послѣ родителей потчевали, усерднѣе всѣхъ угощали и отводили имъ лучшую свободную каморку для ночевки. Въ разыгрываніи супружеской комедіи прибавился новый, непріятный и щекотливый моментъ. Но Тимоѳей опять-таки показалъ себя молодцомъ и настоящимъ рыцаремъ. Онъ каждый вечеръ очень, ловко умѣлъ задержаться и заговориться съ кѣмъ-либо, въ моментъ отхода ко сну, чтобы дать «женѣ» время свободно раздѣться и улечься въ постель подъ одѣяло. А самъ, затѣмъ, проникая въ «супружескую» камору, цѣломудренно тушилъ ночникъ и свертывался колачикомъ, не раздѣваясь, на какомъ-нибудь сундукѣ, лежанкѣ, либо просто на полу, сунувъ подъ себя армякъ, а подъ голову шапку. Поутру онъ столь же скромно и деликатно удалялся, якобы «до вѣтра», — чтобы освободить Лизѣ срокъ спокойно одѣться и привести себя въ дневной порядокъ. Но потомъ, выждавъ достаточно времени, непременно возвращался, и тогда уже онъ Лизу настойчиво просилъ удалиться изъ каморы. Какъ-то разъ, забывъ что-то, она — только что вышла — сейчасъ же возвратилась и застала Тимоѳея валяющимся, съ усерднымъ и дѣловитымъ видомъ, точно онъ обязанность исполняетъ, на ея, едва покинутой, постели.

— Что ты, Тимоѳей Степановичъ? Ты еще спать намѣренъ? — изумилась Лиза: было уже около шести часовъ утра, и все село встало на ноги.

— Нѣтъ... я такъ. Тимоѳей сконфузился.

— Зачѣмъ же?

Тимоѳей сконфузился еще больше:

— Для людей...

Лиза поняла: Тимоѳей старался придать ихъ «супружескому» ложу «естественный» видъ, будто на немъ спали два тѣла, а не одно...

— Ты меня, Ульяна Митревна, извини, пожалуйста, — виновато оправдывался Тимоѳей, — однако, понимаешь, я вѣдь не дурное что мыслю, а для тебя же стараюсь. Какъ мы, значить, супругами считаемся предъ людьми. Этому, хоть всю Сибирь обойди, никто не повѣритъ, чтобы мужъ съ женой врозь спали. Ну, и того, оберегаю, значить, твою честь и свою амбицію. Стараюсь такъ для тебя устроить, чтобы все къ лучшему, для надлежащаго вида. А то засмѣютъ тебя за распутную, меня за дурака почитать станутъ. Да и подозрѣнія опасуюсь. Ты не обижайся: ничего.

Лиза вспыхнула, но обижаться было не на что: наоборотъ, скорѣе она могла лишь быть и, дѣйствительно, была тронута такою заботливою предупредительностью «супруга» Вообще, — и въ осѣдломъ состояніи, какъ въ кочевомъ, — учтивый, сообразительный и трезвый Тимоѳей менѣе всего затруднялъ ей супружескую комедію. Гораздо щекотливѣе для Лизы была свадебная среда, въ которой они съ ранняго утра до поздней ночи обрщались.

III.

Нѣкогда Ганнибалъ зазимовалъ въ Капуѣ и, — твердятъ всѣ учебники исторіи для младшаго и средняго возраста, — тѣмъ самымъ погубилъ весь свой итальянскій походъ, ибо въ изнѣженной средѣ капуанскаго обывательства суровые карагенскіе воины излѣ-

нились и, съ позволенія сказать, обабились, Нѣчто въ родѣ капуанскаго упадка энергіи переживали и прощенскіе бѣглецы — Тимоѳей Курлянковъ и Лиза Басова -въ свадебномъ вихрѣ, крутившемъ ихъ по Дагнамъ, Плющамъ и Опустошамъ.

Долго напряженные нервы не выдержали. Заговорила потребность реакціи. Сказалась огромная усталость физическая и нравственная, жажда сна, отдыха, покоя, животнаго прозябанія. Только очутившись въ полной безопасности, истомленный и потрясенный необычными впечатлѣніями и сверхсильными напряжениями энергіи, организмъ оцѣнивалъ самочувствіемъ, какъ много онъ пережилъ и утратилъ въ короткій срокъ, и настойчиво просилъ возстановить свою потерю. Каждое утро свое Лиза начинала угрызениями совѣсти, что пора ѣхать дальше, но съ тайною въ глубинѣ души надеждою: авось, что-нибудь помѣшаетъ, — и еще день, два будутъ длиться и сонъ въ теплѣ, на мягкой постели, и люди кругомъ, и чистая пища, а не сѣрая степь, сѣрое небо, могильники, звяканье бубенцовъ и дорога, дорога — холодная сибирская дорога безъ конца. Когда человѣкъ самъ непрочь встрѣтить помѣху къ своей цѣли, помѣхи находятся очень легко и принимаются очень покорно.

— Ну, что за бѣда, въ концѣ концовъ? — разсуждала Лиза. — Бѣгство мое уже совершившійся фактъ, а въ этомъ, — думала она о своей ладонкѣ на груди съ зашитою запискою, — Потапъ не связалъ меня никакимъ срокомъ. Еще даже неизвѣстно, найду ли я въ N-скѣ этого товарища. Быть-можетъ, его давно перевели.

Что касается Тимоѳея, лишь бы Лиза не торопила, а онъ готовъ былъ плавать въ свадебной атмосферѣ, какъ рыба въ водѣ. Было тепло, сытно, почетно, работать не приходилось, деньги лежали въ кошелѣ цѣлыя, непочатыя: гуляй — не хочу на чужой счетъ, — чего еще желать? куда гнать? Надъ нами не каплетъ! Не каждый годъ выпадаетъ человѣку этакая нечаянная благодать! Ужъ куда ни шло, пробѣсимся мясоѣдъ, а дорогу оставимъ на филипповскій постъ.

Тимоѳею замѣтно хотѣлось тянуть путешествіе. Сперва было условлено, что онъ проводить Лизу только до Барнаула, а тамъ сдать ее знакомому Потапа, полуинтеллигентному купцу — сочувственнику, который уже позаботится переправить бѣглянку дальше на Каинскъ или на Курганъ, куда въ то время дошла желѣзная дорога. Но въ пути бѣглецы услышали навѣрное, что Потапова купца-сочувственника въ Барнаулѣ нѣтъ-уѣхалъ въ Петербургъ и врядъ ли будетъ назадъ даже къ новому году. Это извѣстіе совершенно измѣнило и планы и маршрутъ путниковъ. Имъ уже не для чего стало уклоняться такъ далеко на западъ. Тимоѳей предлагалъ теперь просто подняться на сѣверъ къ таежной полосѣ и затѣмъ катить въ Россію, какъ всѣ добрые люди въ то время ѣздили, прямикомъ — по большому Иркутскому тракту. Новая путина предстояла тоже огромнѣйшая, но все же короче прежде намѣченной дуги — верстъ на 600. Чтобы осуществить ее легче и съ меньшею потерею времени, слѣдовало подождать, покуда кончится осенняя распутица и стануть рѣки. А то вѣдь извѣстное дѣло, что въ Сибири путешественникъ не столько дорогою ѣдетъ, сколько выжидаетъ паромовъ.

Лѣнь двинуться изъ юта въ степь сдѣлала новый проектъ этотъ очень соблазнительнымъ и для Лизы.

— Хорошо, Тимоѳей, я согласна. Мнѣ безразлично, какимъ трактомъ ѣхать и куда именно выѣхать — лишь бы къ Россіи ближе. Но мнѣ за тебя совѣстно: ты, такимъ образомъ, очень отдаляешься отъ Храповицка, тебѣ трудно будетъ возвращаться.

— А я, Ульяна Митревна, въ Храповицкѣ-отъ, можетъ быть, еще и не возвращусь.

— Какъ? А заимка твоя?

— За заимкою Потапъ Ильичъ покуда присмотритъ, а потомъ хозяину письмо пошлю, онъ другого приказчика поставитъ. Богъ съ нею. Мнѣ о заимкѣ и вспомнить противно послѣ того случая. Не жилецъ я больше на заимкѣ. Я человѣкъ чувствительный. Тамъ теперь вся земля покойницею пропиталась. Какъ я по ней ходить буду? По-

дошвы сожжетъ.

— Гдѣ же ты, въ такомъ случаѣ, намѣренъ поселиться и чѣмъ займешься?

— А гдѣ? Доставлю тебя до Рассеи и самъ въ Рассеѣ остануеъ. Деньжонки у меня есть, руки, — не хвалясь, скажу тебѣ, — золотыя: къ какому дѣлу меня ни приткни, къ промышленному ли, къ торговому ли — нигдѣ не ударю въ грязь лицомъ. Въ Сибири пожито, попробуемъ счастья, какъ въ Рассеѣ люди живутъ. Ты не смотри, что я курносый: я счастливый. Опять же, однако, и тверезый — смѣю себя аттестовать: безъ разсудка не пью, знаю свою дозу.

— Ну, давай тебѣ Богъ!-шутила Лиза. Осядешь у насъ въ Россіи, пожалуй, опять женишься — на російской?

Тимоѳей отвѣчалъ ей не сразу, помолчавъ, и съ какимъ-то страннымъ взглядомъ:

— Нѣтъ, жениться мнѣ больше никакъ нельзя.

— Но вѣдь ты же вдовый?

— Я вдовый, да паспортъ-отъ у меня женатый. Это правду говорилъ Потапъ Ильичъ, что русскій человекъ состоитъ изъ души, тѣла и паспорта. И паспортъ-отъ, пожалуй точно оказывается дѣйствительнѣе всего прочаго. Теперь, скажемъ, Ульянино тѣло въ землѣ гніетъ, душа въ горнихъ витаеъ, либо бѣсы ее по мытарствамъ водятъ, а паспортъ живъ. Сама знаешь, кто теперь по паспорту, Ульяною-то оказывается. И, стало-быть, выходитъ теперича такъ, что въ тѣлѣ и душѣ я съ Ульяною смертью разведенъ, и вѣнецъ нашъ кончился, а на паспортѣ-нѣтъ, дудки, женатъ! И теперь я на всю жизнь свою осужденъ къ тому, чтобы — ежели въ разсужденіи бабьяго случая — пребывать въ беззаконіи, а насчетъ, чтобы честнымъ бракомъ, — нѣтъ! Какого попа ни проси, всякій тебя съ крыльца прогонитъ: съ ума сошелъ, свѣтъ? двоеженцемъ желаешь быть? Хоть и на духу признайся насчетъ Ульяны, — все одно: самый жадный попъ — даже и для модели — вѣнчать не станетъ. Потому что таинство таинствомъ, а паспортъ паспортомъ. Предъ Богомъ оно, конечно, таинство главнѣе, ну, а въ людяхъ паспортъ покажи. Да! Умно я себя устроилъ! Могу сказать!

Лизѣ было очень неловко слушать это разсужденіе, тѣмъ болѣе, что она находила его справедливымъ. Конечно, паспортная женатость Тимоѳея «на всю жизнь» обусловлена, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не рѣшился объявить смерть Ульяны. Это его вина. Но она, Лиза Басова, воспользовалась страннымъ юридическимъ положеніемъ Тимоѳея, и часть вины какъ будто перелagается на нее, самозванку, злоупотребляющую документомъ о женатости уже неженатаго человека, пользующуюся формальнымъ правомъ, которое въ дѣйствительности погасло. Чтобы скрыть невольное смущеніе, дѣвушка отшучивалась:

— Ничего, Тимоѳей, Богъ милостивъ! У тебя рука счастливая. Умерла настоящая Ульяна, теперь я въ Ульянахъ слышу, по паспорту. А въ Россіи найдешь себѣ новую Ульяну, чтобы была уже и по паспорту и по сердцу.

Тимоѳей покраснѣлъ всѣмъ своимъ курносимъ лицомъ.

— Нѣтъ, ужъ спасибо, покорно благодарю. Конечно, мнѣ до стариковъ еще далеко: пятого десятка не переломилъ, силу въ себѣ чувствую, человекъ грѣшный. Безъ бабы не проживу. Но — чтобы опять комедь эту ломать, насчетъ паспорта, нѣтъ, не согласенъ, оставьте! Если Богъ пошлетъ согласную сожительницу, почему не взять? Но въ Ульяны ее производить... нѣтъ! довольно!

— Что же, тебѣ имя надоѣло? — насмѣшливо спросила Лиза, даже уколота немножко почти задорною горячностью Тимоѳея.

Онъ объяснилъ, не смутившись:

— Не надоѣло, но что мнѣ въ немъ пріятнаго? О первой своей Ульянѣ я и думать-то ненавижу: вѣдьма была, одного теперь въ жизни своей боюсь, не вздумала бы по ночамъ сниться. А вторая Ульяна — ты то есть, — чего лучше не надо, да не свой человекъ,

чужой кусь... Я къ тебѣ со всѣмъ моимъ глубокимъ уваженіемъ и никогда тебя не забуду; но ничего въ тебѣ къ удовольствію своему я имѣть не могу. Что лестнаго? Отъ людей-то прячешься, прячешься, хитришь, мудришь, чтобы не замѣтили, что мы съ тобою не въ совѣтѣ живемъ. Ты нашего сибирскаго глума не вкушала. У Сибири языкъ — бритва. Какъ начнутъ издѣваться, каждый человѣкъ сбѣситься можетъ, ежели имѣетъ свою амбицію. Ужъ и безъ того меня травятъ мужики, что я предъ тобою больно шибко робѣю, выходитъ, будто покорствую подъ женинымъ башмакомъ. Я имѣю свой характеръ, могу вытерпѣть всякую насмѣшку, но истинно тебѣ, Ульяна Митревна, говорю: бываютъ насмѣшки непереносныя. Нехотя озвѣрѣешь, среди звѣрей звѣремъ себя выкажешь. Ты, Ульяна Митревна, ужъ снисходи ко мнѣ, — пожалѣй маленько, если при людяхъ, въ такомъ разѣ, нагрублю тебѣ, не взыщи: не я грублю, амбиція грубитъ, потому что по нашимъ понятіямъ — самый ничтожный тотъ человѣкъ, которымъ баба командуетъ!

Неловкое положеніе Тимоѳея, въ качествѣ «супруга», среди мужчинъ Лиза понимала тѣмъ лучше, что самой ей, въ качествѣ «супруги», приходилось не веселѣе отъ бабьихъ стай, которыя теперь окружали ее сорочимъ стрекотомъ ея ранняго утра до поздняго вечера. По части нравственности у сибирячекъ скверная репутація, но врядъ ли вполнѣ заслуженная. По крайней мѣрѣ, сколько знавалъ я сибирское крестьянство и мѣщанство, бабы въ нихъ и на языкъ довольно сдержаны и дѣломъ распутничаютъ только тамъ, гдѣ много «навозныхъ»: своего рода «экзогамическая проституція» во вкусѣ и тонѣ древнихъ жриць Астарты¹.) Пресловутый сибирскій развратъ — достояніе безобразныхъ слоевъ коммерческой и промысловой буржуазіи, съ случайными состояніями, съ случайными банкротствами, «сегодня — на возу, завтра — подъ возомъ», — шикъ «Наполеоновъ тайги» и связанныхъ съ ними соотвѣтственныхъ Жозефинъ. Въ крестьянствѣ сибирскомъ я ничего подобнаго не наблюдалъ. Напротивъ, не надо забывать, что южныя сибирскія степи — классическій край крестьянскаго гражданскаго брака, очень прочно и честно соблюдаемаго по простой силѣ обычая, безъ всякихъ принудительныхъ узъ. Если въ сибирскихъ женщинахъ что и коробитъ нравственное чувство, то не полая распущенность и безалаберность, а, наоборотъ, холодная способность оцѣнить свое тѣло, какъ товаръ въ спросѣ, и поставить его на городской рынокъ совершенно точно обусловленнымъ предложеніемъ. Извѣстна поговорка о Сибири: «птицы безъ пѣнія, цвѣты безъ запаха, женщины безъ сердца». Да и то, все это, по преимуществу, въ полосахъ, развращенныхъ «навознымъ элементомъ».

Но бываютъ въ году сезоны, когда сибирская баба «дурѣетъ». Это — масленица и свадебныя мясоѣды. Я говорилъ уже о пьянствѣ, которымъ сопровождаются сибирскія свадьбы. Но и помимо пьянства, или, вѣрнѣе сказать, по подстрекательству пьянства, — это какой то хаосъ распущенности въ словѣ, жестѣ и дѣлѣ. Большинство сибирскихъ свадебныхъ пѣсень, остротъ и прибаутокъ совершенно неповторимы въ печати, между тѣмъ поютъ, острятъ и лясы точатъ, по преимуществу, женщины. Въ Минусинскомъ уѣздѣ до сихъ поръ уцѣлѣла старинная свадебная пляска «Козель», съ такою выразительною мимикою, что канканъ, кэкъ-уокъ и матчишь, сравнительно съ ея первобытнымъ цинизмомъ, не болѣе, какъ шведская гимнастика для дѣтей средняго возраста. Въ кузнецкомъ округѣ посейчасъ молодую — для показанія «честности» — выводятъ къ пирующимъ гостямъ въ одной рубахѣ. Высокоторжественная демонстрація эта сопровождается грохотомъ въ тазы и котлы, пляскою въ присядку, воплемъ, гиканьемъ и пѣніемъ своеобразнаго хора, что ли, подъ названіемъ «Бѣда». Эту «Бѣду» началъ было мнѣ диктовать одинъ минусинскій обыватель, но, произнеся четыре стиха, сконфузился и отказался продолжать.

¹ См. въ моихъ «Сибирскихъ этюдахъ» (Спб. 1907 Тов. «Обществ. Польза» изд. 2-е. Очеркъ «Гальтиморы»)

— Нѣтъ, знаете, чортъ ее побери! Однако, совѣстно. Когда ее на свадьбѣ, пьяный, орешь, какъ будто и ничего, а у трезваго языкъ не поворачивается...

Словомъ, кто хочеть вообразить себѣ настроеніе «хорошей и лочестной» сибирской свадьбы, тому надо возвратиться изъ XX вѣка въ XVII и XVI — къ Олеарію, Петру Петрею, Корбу, Разница одна: все то, въ чемъ на Москвѣ обличали эти старинные иностранцы родовитое боярство, въ Сибири стало пороками богатаго «чалдонскаго» крестьянства. А то — тожество «настроеній» полнѣйшее. Включительно до знаменитой сцены Олеарія: «Когда мужья спяна попадали на полъ, жены сѣли на нихъ и продолжали пьянствовать, пока не упились донельзя». Включительно до пьяной путаницы, кто чья жена, кто чей мужъ, до такъ называемой «вумовщины». Ревнивый мужъ злобится на жену, замѣченную имъ въ амурахъ съ какимъ-то молодцомъ на свадебной пирушкѣ у родственниковъ. Обыкновенно въ Сибири на этотъ счетъ — строго: всѣ за мужа и противъ невѣрной жены. Но тутъ только пожимають плечами:

— Дуракъ Блажныхъ! Кто же тиранить бабу за свадебный грѣхъ? Извѣстно, что бабы на свадьбахъ — сумасшедшія. Это ихнее время. Царствуютъ подлыя!

Когда Лиза впервые очутилась среди хмельныхъ, полухмельныхъ и похмельныхъ бабъ-поѣзжанокъ, она прямо струсила: ей показалось, что она въ домѣ сумасшедшихъ, — такихъ словечекъ она наслушалась, такіе невозможные вопросы ей задавались. Оскорбляться она не имѣла права, потому что видѣла, что обращаются къ ней такимъ образомъ не со зла, а, напротивъ, съ полнымъ радушіемъ, какъ къ ровнѣ, которой добра желаютъ. Узнали, что «Ульяна Митревна» замужемъ седьмой годъ, а дѣтей нѣтъ, и наперерывъ осыпали ее супружескими совѣтами и наставленіями — хотъ провалиться отъ нихъ сквозь землю — въ ту же пору! Застыдилась, растерялась, — дружнымъ хоромъ поднимають насмѣхъ: седьмой годъ баба замужемъ, а краснѣеть, какъ молодуха! Ишь, городская модница! Не разревись, поди, со стыдобы. И вправду, нѣсколько разъ атмосфера прятныхъ словъ и мыслей доводила Лизу до слезъ. Совѣтовалась Лиза съ Тимоѳеемъ, какъ ей вести себя, чтобы не было себѣ зазорно и бабъ не обидѣть. Но тотъ только руками развелъ:

— Бабы, Ульяна Митревна!.. Время свадебное... Пьяныя онѣ... Ты отмалчивайся...

Такъ и рѣшила Лиза: напустить на себя глупый видъ и ровно ничего не понимать, — пусть лучше круглою дураю считаютъ, но оставятъ въ покоѣ. Подѣйствовало, отвязались. Къ великому своему удовольствію и, Лиза вскорѣ удостоилась слышать собственными ушами такую себѣ аттестацию:

— Красивая жена у Тимоѳея, а ужъ куда не умна! Ни она слова сказать, ни она компанію раздѣлить: сидитъ, какъ сова, да глазами хлопаеть! Скука съ нею скученская! А еще городская!

— Ее, миленькія, кажись, и мужъ-то не любить?

— А за что любить? Разума въ головѣ нѣтъ, дѣтей не рожаетъ... напрасно на свѣтѣ живетъ, — только небо коптитъ.

Свадебныхъ пирушекъ Лиза окончательно не выдержала. При первой же демонстраціи молодой съ аккомпаниментомъ «Бѣды», ею овладѣлъ паническій ужасъ. Къ счастью, Тимоѳей былъ близъ «жены». Онъ замѣтилъ, что Лиза бѣлая, какъ мертвецъ, — еще минута, и упадетъ въ обморокъ. Онъ выхватилъ «жену» изъ толпы, увелъ, будто «сомлѣла». Такъ какъ сомлѣли уже многія женщины, то никто не обратилъ вниманія. Лизѣ же это приключеніе стоило сильнаго — и едва ли не перваго въ жизни — истерическаго припадка. Тимоѳей хорошо понялъ, что потрясло Лизу, и задумался, какъ избавить ее отъ подобныхъ зрѣлищъ.

Уговорились «сомлѣвать» на каждомъ пиру и какъ можно раньше. Какъ только пированіе начинало переходить въ оргію, Лиза симулировала обмырокъ. Тимоѳей подхватывалъ ее и уводилъ, извиняясь, что «баба ослабѣла». Репутацію Лизы эти обмороки

окончательно уронили: мало, что «полудурье», да еще и больная! Тимоѳея же всё жалѣли, что — польстился на красоту! навязалъ себѣ на шею сокровище!.. Въ каморкѣ Лиза спокойно укладывалась спать, а Тимоѳею возвращался на пирушку. Такъ было и въ Дагнѣ и въ Плющѣ. Такъ устроилось и въ Опустоши.

Лиза спала уже часа полтора, когда ее разбудило внезапно наполнившее каморку громыханье и бормотанье. Въ испугѣ она открываетъ глаза, приподнимается, садится на кровати и — въ мерцаніи ночника — видитъ наклоняющагося къ ней Тимоѳея, но — какого Тимоѳея! Отъ смирнаго, вѣжливаго «Сократа» не осталось и слѣда: лицо пылаетъ огнемъ, носъ — какъ вишня, голубые глаза остеклянѣли и налились кровью, борода всклокочена, какъ войлокъ, дыханіе — будто пожаръ въ кабацѣ. Тимоѳею былъ совершенно пьянъ! Стоя передъ изумленною, испуганною Лизою, онъ качался на ногахъ, какъ трость, вѣтромъ колеблемая, цѣплялся за, кровать, за подушку, за самое Лизу, и лопоталъ полумертвымъ языкомъ:

— Жена... супруга... сударыня... желаю, чтобы, значить, все по закону... Уль? а Уль?.. Ульяна... а?

Лизу обуялъ страшный гнѣвъ. Недолго думая, она ударила Тимоѳея кулакомъ въ переносицу съ такою силою, что бѣдняга, будучи совсѣмъ слабъ на ногахъ, рухнулъ навзничь и остался на полу въ сидячемъ положеніи, крѣпко стукнувъ затылкомъ о сундукъ.

— А, б..., паскуда, ворона сибирская! — возопилъ онъ. — Такъ то? А въ полицію хочешь?

Лиза обмерла. Но Тимоѳея ужъ охватило сномъ. Онъ положилъ голову на тотъ самый сундукъ, о который едва не раздробилъ себѣ затылка, и захрапѣлъ.

Дверь пріотворилась. Въ каморку заглянуло морщинистое лицо старухи бабки, матери домохозяина. Она слышала крикъ и грохотъ упавшаго тѣла и растревожилась.

— Что тутъ у васъ, молодка? Захмелѣлъ, видно, сожителъ-то твой? У взволнованной Лизы едва достало силы найти подходящій отвѣтъ.

— Напился, свинья, и безобразничаетъ!.. На ногахъ не стоитъ, а туда же командовать желаетъ, драться полѣзъ!.. Прекрасно какъ: валяется на полу, какъ собака!.. Глаза бы мои его, постылаго, не видали!

И завыла. Она рассчитывала, что старуха, удовлетворивъ свое любопытство, уйдетъ. Не тутъ-то было. Бабка, въ качествѣ человѣка стародавняго, въ отвѣтъ на Лизино вытье, разразилась предлиннымъ увѣщаніемъ, что ревѣтъ, моль, тебѣ не о чемъ, — видно, слезы дешевы; и глаза на, мокромъ мѣстѣ; мужъ у тебя, молодка, человѣкъ прекраснѣйшій, а ежели выпилъ лишнее, то съ кѣмъ грѣха не бываетъ? И какія, право, ну, недотроги стали нонѣ молодыя бабы! Ты на меня гляди: я смолоду отъ сожителя своего только тѣмъ не бита, чего въ дому поднять нельзя, а сорокъ лѣтъ прожили вмѣстѣ, развода не просили, дѣтей подняли, внучатъ дождались. Чѣмъ голосить безъ толку, ты лучше сожителя пожалѣй: пьяный, что хворый. Нешто можно такъ, чтобы больной человѣкъ собакою на полу валялся? Ты его обряди, ты его уложи. Какая же ты жена, если къ мужу жалости не имѣешь? И пошла, и пошла.

Лиза убѣдилась, что отъ сибирской патріархальной матроны ей не отвязаться иначе, какъ войдя въ смиренную роль покорной жены-сидѣлки. При помощи бабки, она взгромодила безчувственнаго Тимоѳея на кровать, сняла съ него сапоги, а сама осталась доночевывать до солнца, сидя безъ сна на сундукѣ. Непривычный къ пьянству Тимоѳею, дѣйствительно, сдѣлался ночью ужасно боленъ. Лизѣ пришлось возиться съ нимъ, какъ съ малымъ ребенкомъ. Отравленный алкоголемъ, Тимоѳею горѣлъ, охалъ, стоналъ, метался, рвало его. Словомъ, ночка выпала такая веселая, что и настоящей женѣ много надо имѣть любви къ мужу, чтобы безропотно выдержать подобное испытаніе, а каково же было терпѣть ни за что ни про что отъ совсѣмъ посторонняго человѣка женѣ по паспор-

Назавтра, когда Тимоѳей проспался, между «супругами» произошло жестокое объясненіе. Тимоѳей былъ смущенъ до дна души, чувствовалъ себя глубоко виноватымъ, просилъ прощенія чуть не со слезами, божился и зарекался, что больше напиваться не будетъ. Вѣрить было можно, потому что, — Лиза знала, — въ обычныхъ условіяхъ жизни, спутникъ ея, дѣйствительно, былъ — по сибирскимъ понятіямъ — человѣкъ рѣдкой трезвости. Но свадебныя оргіи и не такихъ людей выворачиваютъ съ липа наизнанку. Послѣ этой исторіи Лиза уже только о томъ и думала, какъ бы вырваться изъ засосавшей ихъ вакхической обстановки, — и ничего не могла сдѣлать: ихъ перекатывали, какъ шары какіе-нибудь, изъ села къ селу, съ одного свадебнаго пира на Другой, отъ тысячника къ тысячнику. И всюду было одно и то же: разлитое море водки и пива, галдежь, пѣсни, непристойная пляска свахъ, «Бѣда», «Козель». И — когда всѣ перепьются нагорланять, насквернословятъ и напляшутся до изнеможенія — мертвый сонъ до слѣдующаго утра, опять открываемаго полубутылкою водки на похмелье. А чтобы переутомленный гость не могъ убѣжать отъ тягостнаго хлѣбосольтва, каждый хозяинъ спѣшилъ, первымъ долгомъ, обезлошадить поѣзжанъ: выпряженные изъ повозокъ кони угонялись табуномъ въ степь, — копытить кормъ.

Тимоѳей держалъ данное слово и велъ себя прекрасно, хотя Лиза втайнѣ уже не такъ довѣряла ему и немножко побаивалась его съ той пьяной ночи. Роль фиктивной «жены», разыгрываемая въ грубыхъ условіяхъ степной фамильярности, надоѣла и опротивѣла ей до тошноты. Нельзя притворно фамильярничать безъ того, чтобы на отношеніяхъ не остался осадокъ фамильярности настоящей. Лиза такъ привыкла быть Ульяною по цѣлымъ днямъ, что только ночь возвращала ей самое себя, Лизу Басову, съ ея сознаниемъ, мыслями, чувствами, возвращала на короткій предсонный промежутокъ. А съ утра-чуть ступила за порогъ своей «супружеской» каморки — опять уже позабудь, что ты Лиза, влѣзай въ кожу Ульяны Митревны.

Свадебная волна незамѣтно увлекла «супруговъ» отъ намѣченнаго ими пути въ сторону верстъ на полтораста. Это еще не такъ много. Въ Минусинскѣ я зналъ не крестьянина даже, но полицейскаго чиновника, который поѣхалъ на свадьбу за шесть верстъ отъ города, а очутился затѣмъ, самъ не зная какъ, за восемьсотъ верстъ, въ Кузнецкомъ округѣ, у совсѣмъ незнакомыхъ мужиковъ. Но, тѣмъ не менѣе, когда бѣглецы подочли свой уклонъ отъ маршрута, Лиза пришла въ ужасъ, да и Тимоѳей почесалъ въ затылкѣ. Рѣшили дальше ни къ кому ни за что не ѣхать и, по возможности, немедленно удирать.

Но тутъ произошло нѣчто непредвидѣнное и нелѣпое, что опрокинуло всѣ ихъ расчеты и планы.

Свадьбѣ, на которой они теперь гостили, шелъ уже третій день. Невѣста взята была съ ближней, верстахъ въ десяти, заимки, и поѣзжане проводили время въ томъ, что напьются у свекра, ѣдутъ пить къ тестю, напьются у тестя, ѣдутъ пить къ свекру. Гдѣ темный вечеръ пристигнетъ, тамъ и ночлегъ. Въ одномъ изъ такихъ переѣздовъ засталъ ихъ внезапно ударившій крѣпкій морозъ. Лиза, не очень тепло одѣтая, страшно перезябла, пріѣхала къ мѣсту совсѣмъ синяя, и голоса нѣтъ, — только стучитъ зубами. Струсила, не схватить бы горячку. Стали отпаивать ее горячимъ чаемъ, принудили выпить большую рюмку знаменитой сибирской наливки изъ облѣпихи. Лиза ожила, простуды ея какъ не бывало.

Раньше Лиза никогда не брала въ ротъ крѣпкихъ напитковъ, развѣ пригубливала для приличія. Облѣпиха покорила ее быстро. Вообще это ужасная ягода, для непривычнаго человѣка настоящій дурманъ, — тѣмъ бодрее, въ спирту. Сперва опьянѣніе облѣпихою даетъ очень короткій періодъ веселыхъ возбужденій, потомъ чувственный или буй-

ный бредъ и, наконецъ, долгій мертвый сонъ: хоть ножами разойми челоуѣка — не услышитъ. На другой день — даже у крѣпкихъ питуховъ — жестокая головная боль.

Одуренная облѣпихою, Лиза сама не помнитъ, какъ очутилась въ постели. Потянулась вереница тяжелыхъ, дикихъ, постыдныхъ кошмаровъ. Раннимъ утромъ Лиза очнулась, какъ отъ электрическаго толчка. Еще не раскрывая глазъ, она почувствовала, что она не одна въ постели. Открыла глаза и на ситцевой подушкѣ увидала, рядомъ съ своею головою, курносое лицо, съ широко разинутымъ ртомъ, въ густой курчавой бородѣ. Холодѣя отъ ужаса, Лиза убѣдилась, что изъ фиктивной жены Тимоѣя Курлянкова она сдѣлалась фактической. А голову какъ желѣзными обручами ломить, и въ глазахъ прыгаютъ снопами зеленыя искры.

Тимоѣй проснулся и помертвѣлъ отъ пристально уставленнаго на него страшнаго взгляда Лизы:

— Уля, что ты? Богъ съ тобою, что ты? Уля, Улинька...

— То со мною, что убью тебя, подлеца!.. Мало тебя убить! — вырвался хриплый стонъ изъ груди Лизы. Но Тимоѣй вдругъ облился гнѣвнымъ румянцемъ и подступилъ къ «женѣ» рѣзко, смѣло, почти гнѣвно:

— То-есть за что же это, однако, ты убивать меня желаешь, Ульяна Митревна? Вся твоя воля, но это съ твоей стороны не по чести. Что было, то было; однако никакой вины моей противъ тебя нѣту. Я, однако, не варнакъ какой-нибудь, не въ лѣсу силкомъ тебя взялъ. Сама пожелала.

— Что?!

— То, что хоть чужихъ людей спроси; мало ли ты съ вечера чудесила? То смирная, воды не замутишь, отъ каждаго стыднаго слова огнемъ вспыхиваешь, а тутъ разгулялась — не унять. Волосы распустила! Платье съ себя рвать начала! Весь народъ смѣху дался. Я тебя отъ срама силкомъ увель, спать уложилъ. А что не ушелъ отъ тебя, какъ обыкновенно, ты же не отпустила. Что же я, каменный, что ли?.. Оно, конечно, ты вчера не во все въ себѣ была, да вѣдь и я облѣпихи этой проклятой грѣшнымъ дѣломъ глотнулъ изрядно. Пьянъ не былъ, этого нѣтъ: я тебѣ обѣщаль, что напиваться больше не буду, и слово мое крѣпко. А въ головѣ пошумливало, мысли веселыя пошли, владаніе ослабло. Кабы я вовсе трезвый былъ, можетъ-быть, и остерегся бы. А во хмелю бѣсъ сильнѣе челоуѣка... Кто своему счастью врагъ?..

— Ты слушай меня, Ульяна Митревна, — -уговариваль онъ, — ты не кручинься, сердца своего напрасно не бери. Стыдиться тебѣ ни передъ кѣмъ не приходится: что мы съ тобою не мужъ и жена, это мы одни знаемъ. А для прочихъ мы въ законѣ. Паспортъ вотъ онъ. По паспорту ты — моя законная супруга. И какъ мы съ тобою живемъ, никто намъ въ томъ не указъ предъ людьми ни на мнѣ, ни на тебѣ никакого грѣха нѣтъ. Что мы вдвоемъ знаемъ, то при насъ двоихъ и останется, а по паспорту ты — моя законная жена...

— Дьяволь въ твоёмъ паспортѣ сидитъ! — отвѣчала. рыдающая Лиза. — Будь онъ проклятъ, твой паспортъ! Поработилъ ты имъ меня! Что отъ меня теперь осталось? Сперва твой паспортъ имя мое съѣлъ, теперь тѣло погубилъ... Куда я теперь годна? Какъ я покажусь роднѣ и друзьямъ?

— Ты не кричи, усмири себя... не кричи.. Обнаружишься, - твердилъ поблѣднѣвшій, съ трясущимися холодными руками, Тимоѣй.

— Все равно мнѣ теперь! Кого мнѣ беречься? Чего бояться? Хуже, чѣмъ ты поступилъ со мною, мнѣ ни отъ кого быть не можетъ. Все равно!

— Да мнѣ-то не все равно! — почти зарыдалъ Тимоѣй. — Матушка! Ульяна Митревна! Вѣдь, если ты теперь себя обнаружишь, слѣдствіе начнется, никакіе свидѣтели мнѣ не помогутъ, никакой присягѣ судъ вѣры не дастъ. Убийцею меня сдѣлаютъ! На Сахалинъ мнѣ итти! За что? Матушка! Ульяна Митревна! Себя погубишь, меня погубишь.

Усмири себя! Пожалѣй!

Онъ сталъ на колѣни и ползаль, цѣлуя подоль ея рубахи.

— Уйди, — хрипѣла она, — уйди, тварь!.. Видѣть тебя не могу. Убью я тебя! Уйди...

Она повалилась ничкомъ на постель. Тимоѳеѣй вышелъ. Несмотря на все свое самообладаніе, на этотъ разъ онъ оплошалъ — на немъ лица не было, такъ что хозяева переполошились:

— Что? Храни Богъ, не захворала ли сама-то? Тимоѳеѣй сдѣлалъ страшное усиліе и отвѣчалъ съ натянутою усмѣшкою:

— Не то, чтобы захворала, а блажить съ похмелья... Приступа къ бабѣ нѣтъ!

— То-то, слышимъ, шумите въ каморѣ...

— На томъ простите...

— О, нешто къ тому? Дѣло житейское. Домохозяинъ, пятидесятилѣтній сивый чалдонъ, хитро подмигнулъ Тимоѳеѣю веселыми глазами:

— Маленько поучиль, стало-быть, благовѣрную?

«Поучиль звонарь протопопа, какъ же!» со злостью подумаль про себя Тимоѳеѣй.

Но вслухъ произнесъ съ важностью:

— Не безъ того...

— Ты вожжу возьми, — рекомендовалъ чалдонъ. — Я всегда вожжею. Баба вожжу любить, потому что вожжа — вещь крѣпкая.

Лиза пролежала до самаго полдня, какъ пласть, уткнувшись лицомъ въ подушку, ни разу не перемѣнивъ положенія. Тимоѳеѣй заглядываль къ ней время отъ времени, но думаль, что она спить, и оставляль ее въ покоѣ. Навонецъ рѣшился окликнуть. Лиза взглянула на него потухшими усталыми глазами.

— Тимоѳеѣй Степановичъ, — сказала она тихимъ глухимъ голосомъ, — я тебя прощу, только увези ты меня отсюда сегодня же.

— Какъ сегодня, Ульяна Митревна? — забормоталь изумленный Тимоѳеѣй. — Кони въ степи, шубы тебѣ нѣту-надо шубу купить: холода пали, никакъ не управиться намъ сегодня. Да и хозяевамъ обидно.

— Видѣть я ихъ не могу! Видѣть не могу! — скрипѣла зубами Лиза и мотала головою.

— Пойми: противно мнѣ мѣсто это, бѣжать я хочу отъ него!.. Позорно мнѣ здѣсь! Страшно! Не могу!

Но не уѣхали они ни сегодня, ни завтра, ни послѣзавтра. Изъ лошадей одна хромала, шубу продажную нашли, но пришлось ее перешивать. Желая угодить тоскующей Лизѣ, Тимоѳеѣй старался искренно и налаживаль отъѣздъ усердно, сколько ни пеняли ему за то радушные хозяева. На четвертый день Тимоѳеѣй вошелъ къ Лизѣ сумрачный, какъ туча, и съ досады даже шапку бросиль оземь.

— Что еще?

— А то, что по Чулыму¹ сало пошло: парома больше нѣтъ, почту сегодня кое-какъ на лодкахъ перевезли, а завтра уже не берутся, до самаго ледостава теперь коннаго пути не будетъ.

Лиза блѣдная сидѣла, стиснувъ зубы, уставя глаза въ одну точку, Потомъ тихо-тихо и зло, нехорошо засмѣялась.

— Везетъ же мнѣ, Тимоѳеѣй Степановичъ!

— Да, ужъ точно, что и говорить! — вырвалось у того невольное согласіе.

— Сама природа пути загоразиваетъ. Я уже не вѣрю, что мы бы когда-нибудь вырвемся отсюда. Судьба! Если я была суевѣрна, то подумала бы, что это Ульяна твоя мститъ мнѣ, зачѣмъ я имя ея украла, не выпускаетъ меня изъ Сибири проклятой...

¹ Притокъ Оби

— Ой, не поминай ты ее не къ добру.

— Долго ли ждать ледостава?

— День десять. Если морозы будутъ. Раньше ледъ не сдержитъ. Лиза засмѣялась еще горше и злѣе.

— Ты не убивайся, Ульяна Митревна! — попробоваль утѣшать Тимоѳею, — зато теперь въ тайгу подыдемся, по снѣгу поѣдемъ, на саняхъ. Не увидишь, какъ дорогу скоротаемъ. На солнцеворотъ¹, слово тебѣ даю, уже будешь въ Рассеѣ.

— А мнѣ теперь все равно! — тихо возразила Лиза. — Раньше, позже, все равно!

Тимоѳею глядѣль на нее съ изумленіемъ. Она продолжала:

— Ты еще не знаешь, какая бѣда со мною случилась. Я ладанку свою потеряла!.. Гдѣ — не знаю. Всѣ углы, всѣ щели осмотрѣла: нѣту! Уже на тебя думала: не ты ли сняль?

— Зачѣмъ мнѣ? — оскорбился Тимоѳею.

— То-то знаю, что не зачѣмъ. Крестъ, образки цѣлы всѣ до одинаго, а ладанка оторвалась, пропала, я второй день ищу. Нѣту! Судьба!

— Авось, найдется, хозяевамъ надо сказать...

— Нѣтъ, не найдется, — упрямо возразила Лиза. — Это судьба!

— Мощи тамъ у тебя были, что ли, какія?

— Да, мощи, перстъ угодника Потапія!.. — горько усмѣхнулась Лиза.

По именѣ Потапа Тимоѳею догадался, что тутъ совсѣмъ не то, и деликатно умолкъ. Но въ то же время взялъ про себя нѣкоторое рѣшеніе. Вдвоемъ съ Лизою они еще разъ обшарили каморку, сѣни, углы, сорныя кучи, отхожія мѣста. Не иначе, какъ чортъ укралъ! — говорилъ Тимоѳею. Лиза холодно и злобно повторила:

— Судьба!

Эта потеря добила молодую женщину. Ее охватила какая-то суевѣрная, болѣзненная апатія, выражавшаяся полнымъ бездѣйствіемъ упадкомъ силъ и страхомъ людей. Буквально по цѣлымъ днямъ Лиза лежала въ каморкѣ на постели, бессмысленно глядя на стѣну, молчала и даже не думала; считала спиленные сучки въ бревнахъ, пятна, разводы. Если къ ней входили, спѣшила притвориться спящею. Если вызывали ее Тимоѳею или хозяева, выходила полусонная, дикая, зѣвающая, старалась сѣсть особнякомъ, выбирала уголь потемнѣе, молчала, какъ рыба, была людямъ тяжела и себѣ непріятна.

— У Тимоѳеевой хозяйки въ головѣ не всѣ дома! — давно уже говорили по селу, многозначительно указывая на лобъ.

Чулымъ сталъ. Санний путь открылся. Извѣстіе, что можно ѣхать, Лиза приняла равнодушно, точно оно ея не касалось. Машинально собрала пожитки, машинально распростилась съ хозяевами. Только передъ самымъ отѣздомъ еще разъ обыскала до нитки, до самой маленькой щели, свое помѣщеніе. Ничего не нашла.

— Судьба!

Печально и мрачно было путешествіе на сѣверъ. Двигались медленно, потому что то метель, то оттепель, здѣсь рѣка не стала, тамъ ее распустило. Засиживались на станкахъ по суткамъ и больше. Ъхали то на колесахъ, то на полозу. Въ первые три дня Лиза съ Тимоѳеемъ не сказала ни слова. Сидѣла въ кибиткѣ прямая, какъ истуканъ, и, почти не моргая, глядѣла въ бѣлую степную даль. Каждая встрѣчная повозка пугала Лизу. На стаянкахъ Тимоѳею приходилось долго уговаривать ее и, наконецъ, чуть не силою тащить, чтобы не оставалась въ кибиткѣ на морозѣ, но шла бы въ тепло, къ людямъ.

День былъ сѣрый снѣжный, съ кисейными сѣтками густо летающихъ тяжелыхъ бѣлыхъ мухъ. Дорога шла въ гору. Впереди чернѣли таежныя холмы. Лиза сидѣла въ кибиткѣ. Тимоѳею, чтобы облегчить трудъ коньямъ, шагаль рядомъ съ санями, понукая, по-

¹ 12 декабря

свистывая, припрягаясь къ оглоблѣ, когда подъемъ крутѣль.

— Тимоѳей! — внезапно раздался глухой голосъ Лизы.

— Ась? — обрадовался Тимоѳей, что, наконецъ-то, заговорила.

— Куда мы ѣдемъ?

— Не знаю, какъ станокъ называется. Къ ночи, люди сказываютъ, въ Маріинскомъ будемъ.

— А дальше куда?

— Куда приказывала...

Тимоѳей назвалъ городъ Пермской губерніи, намѣченный для Лизы Потапомъ.

Кони взяли гору. Тимоѳей далъ имъ вздохнуть, потомъ сѣлъ въ кибитку и погналъ шибкою рысью. Бубенцы звонко заплакали жалобнымъ смѣхомъ.

— Тимоѳей!

— Что, Ульяна Митревна?

— Мнѣ нечего дѣлать въ Н-скѣ, Тимоѳей... Явку я потеряла, время потеряла, всю себя потеряла. Судьба!..

— Перестань ужъ ты убиваться, Ульяна Митревна! Кое время себѣ мучишь занапрасно. Брось!.. Кабы польза была, а то сама знаешь, что непоправимое, брось!.. Тише вы, уносные!

Кони пошли шагомъ.

— Если въ Н — скѣ не желаешь, прикажи, куда? Я сказалъ, что доставлю, и доставлю. Хоть въ самое Москву!

Въ Москву? Къ теткѣ? На Бронную? — вскрикнула Лиза.

— Ни за что! Никогда!

— Не желаешь къ своимъ, значить?

— Нѣту у меня больше своихъ... Стыдъ одинъ есть! Какъ я своимъ въ глаза глядѣть буду? Умру отъ стыда. Страхъ какой!.. Не надо, Тимоѳей, не надо!

— Положимъ, что полиція признаетъ тебя тамъ, на Москвѣ-то, — подумавъ, согласился Тимоѳей.

Лиза молчала. Разговоръ возобновился только на слѣдующій день уже далеко за Маріинскомъ.

Я не только своихъ боюсь, Тимоѳей, мнѣ и чужіе-то страшны, — говорила Лиза.

— Если бы можно было найти; нору какую-нибудь, забила бы въ нее, да такъ и не выглядывала бы, или вотъ ѣхать бы всю жизнь, какъ мы теперь ѣдемъ, чтобы пристанища не имѣть, чтобы никто не могъ привязаться съ разспросомъ, кто ты, откуда, зачѣмъ. Не могу я! Умирать жалко, а вся жизнь моя сломалась. Не могу я на жизнь оглядываться! Не могу, чтобы меня прошлое окликало знакомымъ голосомъ!.. Заново надо жить... Не могу!..

— Да что же мнѣ съ тобою дѣлать? Куда мнѣ тебя дѣвать? — лепеталъ смущенный Тимоѳей: онъ тоже начиналъ подозрѣвать, что Лиза сходитъ съ ума. Угрызенія совѣсти мучили его. И не только за «грѣхъ» противъ Лизы, а и еще кое за что. Дѣло въ томъ, что ладанку-то онъ нашель въ тотъ самый день, когда Лиза рассказала ему о своей потерѣ. Она провалилась между двумя разохшимися половицами въ подклѣтъ и лежала одноцвѣтная съ ними, доступная только сибирскимъ рысьимъ глазамъ. Тимоѳей зналъ уже, что въ ладанкѣ таится политическій секретъ, и, значить, она — штука опасная.

«Однажды потеряла и въ другой разъ не убережетъ, — думалъ онъ о Лизѣ. — А кто знаетъ, чего тутъ Потапъ наколдовалъ? Сохрани Богъ: попала бы въ чужія руки? За клочокъ бумажки люди въ рудники уходятъ».

И, недолго мѣшкая, онъ отправилъ роковую ладанку въ топившуюся печь.

«Ей же лучше, о ней же стараюсь, — мысленно оправдывалъ онъ себя передъ Лизою. — Что потеряла, погорюетъ и перестанетъ, а свою петлю на своей шеѣ возить не рас-

четь».

— Куда? — въ задумчивой тоскѣ отзывалась Лиза на безпокойные вопросы спутника. — Почему я знаю?.. Если бы такую глушь найти, чтобы никогда никого изъ прежнихъ знакомыхъ не встрѣтить.

— А жить чѣмъ станешь?

— Работать могу. Въ люди служить готова идти, мастерскую открою, прачечную, булочную я все умѣю...

— Деньги нужны.

— У меня есть четыреста рублей.

— О? — сказала Тимоѣй и хлснулъ лошадей. Промчавшись съ версту, онъ раскурилъ трубку, затянулся, выпустилъ дымъ и серьезно обратился къ Лизѣ. — На эти деньги, ежели приложить къ нимъ маленькій капиталецъ, можно и торговишку начать въ небольшомъ городѣ или селѣ хорошемъ.

Фабричный врачъ В — скій, административно высланный изъ подмосковнаго посада на сѣверъ за «литературу» и «неумѣстныя собесѣдованія» съ рабочими, только что прибылъ въ Т., уѣздный городъ N — ской губерніи. Онъ уже выдержалъ обычный искусь въ полицейскомъ управленіи, съ подписками, чтеніемъ закона о ссыльныхъ, наставленіями власти предержавшей о мѣстномъ «режимѣ», и теперь искалъ себѣ квартиру.

— Трудное это у насъ дѣло, ваше благородіе, квартиру найти, — говорилъ В — скому, шагая по т — скимъ непролазнымъ грязямъ, великодушно навязавшійся ему въ качествѣ чичероне, полицейскій солдатъ. — Вы, въ столицѣ обитая, привыкли жить чисто, а у насъ обыватель, прямо надо сказать, свинья. Въ хлѣву живетъ, въ навозѣ дрыхнетъ. Развѣ попробовать на слободкѣ?

— Я города не знаю. Гдѣ хотите. Мнѣ лишь бы клопы не обижали.

— Безъ клопа, ваше благородіе, прямо говорю, не найти. Такой городъ. Даже въ присутствіи клопъ преизбыточествуетъ. По зеркалу ползаютъ, окаянные. Гдѣ безъ клопа? Не найти!

В-скій тяжело вздохнулъ, уныло размышляя: «Ужъ лучше бы меня опустили прямо въ девятый кругъ Дантова ада!» Но мирмидонъ вдругъ круто повернулъ:

— Есть! Пойдемте на Соборную горку, ваше благородіе. Попробуемъ счастья у лавочника.

— Неужели безъ клоповъ?

— Не должны бы еще развестись, подлые: новый домъ лавочникъ поставилъ. Только что перебрались хозяева тѣ, до осени проживали въ старомъ, при магазинѣ. Богатѣютъ прытко у насъ черти лавочники, ваше благородіе. Хоть бы этого взять: всего четвертый годъ, какъ онъ проявился въ нашемъ городѣ, а ужъ экую домину построилъ. Здѣсь, пожалуйста, ваше благородіе.

— А вы развѣ не войдете? Воинъ сконфузился.

— Не обожаетъ этого хозяинъ здѣшній, чтобы нашъ братъ къ нему жаловалъ. «Ты, приказываетъ, ко мнѣ въ лавку приходи, я тебя, чѣмъ хочешь, убоготорю, а на домъ ко мнѣ безъ надобности не шляйся. Не люблю!» Ничего, мы не обижаемся. Человѣкъ обходительный. А что нравный, всѣ они, сибиряки, свободаго духа наперлись. Сибирскій онъ, ваше благородіе, изъ тамошнихъ мѣщанъ... Вы извольте итти, ваше благородіе, я у калитки подожду.

Двѣ минуты спустя, В — скій стоялъ въ довольно чистенькомъ зальцѣ, какъ обыкновенно бываютъ мелко купеческіе зальцы въ сѣверныхъ уѣздныхъ городахъ: съ геранью, канарейкою, часами, которые кричатъ кукушкою, съ портретами царя и царицы, съ большими образами и лампадкою подъ низкимъ бѣлымъ потолкомъ. По крашеному полу тянулась суровая домотканная дорожка, а по дорожкѣ ходили два четвероногихъ: толстый сѣрый котъ и здоровый лупоглазый ребенокъ.

— Что? Прїѣзжій? Квартиру ищеть? Какая же у насъ квартира? Нѣтъ у насъ квартиры. Зачѣмъ пускала? — слышалъ В — скій сердитый женскій шопоть за перегородкою: хозяйка бранила работницу, открывшую В — скому двери.

— Да ужъ, хорошо, хорошо, что съ тебя взять, если дура?.. Иду сейчасъ, поди, самого позови.

— Простите, пожалуйста, я, кажется, совершенно напрасно васъ побезпокоилъ — началъ было В — скій навстрѣчу входящей женщинѣ, но поднялъ на нее глаза и осѣкся, разиня ротъ...

Передъ нимъ — въ замасленной, бѣлой съ розовыми цвѣточками, ситцевой блузѣ и съ годовалымъ ребенкомъ на рукахъ — стояла молодая особа лѣтъ 28. Въ рослой полной фигурѣ ея, въ расплывшихся красивыхъ чертахъ румянаго лица, въ русыхъ волнахъ пышныхъ волосъ, въ сѣрыхъ вопросительныхъ глазахъ, внимательно на него глядѣвшихъ, В-скому мелькнуло что-то знакомое, далекое, давнее.

— Басова! Лиза! это вы же! вы! — вскричалъ онъ, наконецъ, простирая обѣ руки. — Какими судьбами? Какъ я вамъ радъ! Вотъ неожиданность...

Съ лица женщины сбѣжалъ румянецъ, и руки ея, державшія ребенка, задрожали.

— Ой, какъ вы меня испугали, господинь!.. — произнесла она бѣлыми губами, притворно и оторожко улыбаясь.

— Что вы? Я васъ не знаю. Обознаться изволили...

И въ ту же минуту, вывернувшись изъ боковой двери, застегивая на ходу пиджакъ, передъ В — скимъ явился, уже лысоватый спереди, мужчина, съ лицомъ курносаго Сократа, въ окладистой курчавой бородѣ. У него тревожно бѣгали глаза, но ротъ улыбался.

— Поди къ себѣ, Ульяна Митревна, поди къ себѣ. Оеня плачетъ, — быстро сказалъ онъ женщинѣ. И — сейчасъ же къ В — скому:

— Очень прїятно познакомиться, Тимоѣей Степановичъ Курлянковъ, домовладѣлецъ здѣшній, ха-ха-ха, коммерсантъ. Квартирку изволите искать? Крайне сожалѣю, однако, нѣтъ у насъ квартирки нѣтъ, нѣтъ-съ. Это васъ дуракъ полицейскій привелъ? Несообразная публика-съ! Видятъ — новый домъ и воображаютъ. Какія квартирки. Намъ съ супругою едва повернуться. Трое дѣтей-съ!

— Это вашу супругу я имѣлъ удовольствіе сейчасъ здѣсь видѣть?

— Да-съ. Супруга-съ. Законная моя жена-съ. Ульяна Митревна Курлянкова. Да-съ.

— Ваша супруга имѣетъ поразительное сходство съ одною моею хорошею знакомою.

— Бываетъ-съ. Бываетъ-съ. Чего не бываетъ на свѣтѣ?

— Можетъ-быть, близкая родственница? Мою знакомую звали Елизавета Прокофьевна Басова.

— Басова? Не слыхалъ-съ. Басова? Нѣтъ, такой родни у насъ нѣту-съ. Курлянковы, Хворовы, Черныхъ, а Басовыхъ — нѣтъ, не имѣемъ. Да вы гдѣ ихъ изволили знать?

— Въ Москвѣ, студентомъ еще.

— Въ Москвѣ не только родни, знакомыхъ не имѣемъ. Еще не бывали мы даже въ Москвѣ. Супруга моя, какъ и я, изъ Сибири происходитъ-съ. Сибиряки-съ. Соленныя уши, — ха-ха-ха! Я-Курлянковъ, а она, по отцу, Черныхъ. Да-съ. Очень сожалѣю, что не могу услужить квартиркою очень...

— Извините за безпокойство.

— Помилуйте, за честь понимаю... Покорнѣйше прошу. Не оступитесь. Пожалуйста-ста...

— Поладили, ваше благородіе? — спросилъ В—скаго ожидавшій мирмидонъ.

— Нѣтъ, братъ, не отдають — раздумчиво отвѣчалъ тотъ, весь въ мысляхъ о только

что пережитой встрѣчѣ.

— Такъ я и зналъ, что не отдадутъ. Характерные сибиряки. Что же? завтра еще поищемъ. Теперича свести васъ, что ли, на постоялый дворъ?

— Веди на постоялый дворъ. Въ грязной комнаткѣ постоялаго двора В-скій лежалъ на облупленномъ клеенчатомъ диванѣ и думалъ:

«Двойниковъ на свѣтѣ не бываетъ. Если я видѣлъ не Лизу Басову, то ея оборотня».

Въ дверь постучали.

— Можно-съ?

— Пожалуйста.

Пробѣжали часы. При полыхающемъ пламени пятериковой свѣчи В-скій жалъ на прощаніе руку человѣку въ окладистой курчавой бородѣ, съ лицомъ лысаго Сократа, а тотъ ему объяснялъ:

— Истинно говорю вамъ: въ селѣ семъ подгородномъ вамъ не въ примѣръ лучше будетъ устроиться, чѣмъ въ городѣ. Домикъ тотъ, который я вамъ рекомендую, у попа-съ, — чудеснѣйшій. По близости, несомнѣнно, найдете многихъ товарищей вашихъ. А о разрѣшеніи выбрать мѣстожителство не заботьтесь: только заявите желаніе, чтобы обитать на селѣ — исправникъ у меня, по долгамъ своимъ, во гдѣ сидитъ: даву — запищитъ. Но ужъ, пожалуйста!.. Какъ благороднаго человѣка, васъ прошу: позабудьте! И супруга просить, она и послала меня къ вамъ. Неудобно это, чтобы намъ съ вами въ одномъ городѣ. Сдѣлайте милость! Не тревожьте! Я ежели и деньгами что могу съ! Потому что женщина-съ нервы у нихъ. Трое малыхъ дѣтей, сама тяжелая. Убѣдительнѣйше васъ прошу: гораздо лучше вамъ будетъ на селѣ, чѣмъ въ нашемъ городѣ. Какой это городъ? Одно предисловіе. Смѣхота-съ!

1907. Январь. Парижъ.

ВЪ ГРОЗОВЫЯ ДНИ

ВЪ ГРОЗОВЫЕ ДНИ.

ПОПУТЧИКЪ¹.

О фантастическихъ и странныхъ встрѣчахъ въ вагонѣ, о попутчикахъ сумасшедшихъ, таинственныхъ, попутчикахъ-преступникахъ рассказывается и пишется много чудесныхъ исторій. А я вотъ вамъ, Александръ Валентиновичъ, расскажу правду, какъ мнѣ въ прошломъ году чортъ послалъ такого попутчика, что я отъ него еле ноги уволокъ.

Въ Петербургѣ мы кое-что настряпали, и надо было удирать за границу. Полиція искала меня вообще, какъ революціонера, но специально по дѣлу искать еще не начинала и даже не подозрѣвала моего въ немъ участія. Поэтому удиралъ я безъ особой конспиративности, даже съ нѣкоторою наглостью. Паспортъ у меня былъ прекрасный, а въ Ригѣ ждалъ меня еще прекраснѣйшій. Билетъ я имѣлъ, для устраненія всѣхъ подозрѣній, шикарный — по первому классу, въ курьерскомъ поѣздѣ одѣлся хорошо, бариномъ. Надъ головою моею, въ сѣткѣ вагона качался щегольской чемоданъ, въ немъ лежала на всякій случай полная обмундировка инженера путей сообщенія: за такового я рѣшилъ выдавать себя въ случаѣ надобности, такъ какъ по желѣзнодорожной части кое-что маракую.

Хорошо-съ.

Тронулся поѣздъ отъ Варшавскаго вокзала, ну, значить, наполовину я уже спасень! Хвала тебѣ, перепелъ! Въ купе насъ было двое. Я и пожилой господинъ лѣтъ уже пятидесяти — крупчатая этакая, барская фигура, сразу видать, что изъ «дворянскихъ кадывковъ» и «красныхъ околышей». Рожа красная, глаза навывкатъ, великолѣпнѣйшіе усы съ подусниками и остатки военной выправки. Неопытный новичокъ изъ нашей братіи испугался бы этихъ эксъ-офицерскихъ признаковъ, но я, наоборотъ, имъ чрезвычайно обрадовался, потому что — вѣрная гарантія, что не шпіонъ, а, если и шпіонъ, то ужъ очень глупый: шпіонъ ловкій и хитрый никогда не сохранитъ себѣ образа и подобія, столь обличающаго воинствующую благонамѣренность.

Хорошо-съ. Ёдемъ. Куримъ. Молчимъ.

Шпіонъ не шпіонъ, тѣмъ не менѣе, начинаю я замѣчать, что спутникъ мой смотритъ на меня какъ-то особенно. Что называется, таращится и таращится недружелюбно. Глазищи у него большіе сѣрые, выпучилъ ихъ и вглядывается, будто въ сердцѣ читать желаетъ. И такъ — перегонъ за перегонемъ, полустанокъ за полустанкомъ. Пренеприятно. «Кой чортъ? — думаю. — Неужели я ошибся, и насунуло-таки меня на шпіона? Ну, ужъ если такъ, погоди ты! Живой не сдамся, да и тебѣ не сдобровать...» У меня съ собою два браунинга было!

Прибыли въ Гатчину. Десять минутъ остановки. За это время меня, конечно, десять разъ арестовать было можно, — только мигни жандармамъ на платформѣ. Нѣтъ, ничего. Попутчикъ мой съ мѣста не тронулся. Нѣтъ, значить, не шпіонъ.

По маломъ времени чувствую: опять таращится. Фу ты, дьяволъ!.. И чѣмъ дальше, тѣмъ враждебнѣе. Прямо по нервамъ бьетъ взглядомъ своимъ. Несносно!

Вынимаю изъ кармана газету, нарочно купилъ на варшавскомъ вокзалѣ «Новое Время» для грима вящей благонадежности. Углубляюсь въ фельетонъ г. Меньшикова, а самъ искоса, изъ-за листа, поглядываю на попутчика: каковъ?

Смотрить.

Прочиталъ господина Меньшикова, изучаю господина Столыпина.

Смотрить.

Столыпина кончилъ, «маленькое письмо» самого старика уразумѣлъ, на послѣд-

¹ Герой этого происшествія покойный Чернякъ. *Авт.*

ною страницу перешель, гдѣ печатаются брачныя объявленія и амурныя письма.

Смотрить, извергъ, смотреть!

Не вытерпѣлъ я. Складываю газету вчетверо и подаю попутчику:

— Не угодно ли попользоваться?

Взглянулъ удивленно и какъ будто смягчился.

— Ахъ, говорить, это у васъ «Новое Время»? А я думалъ. Благодарю васъ, читалъ, получаю. Постоянный подписчикъ со дня основанія.

Вру:

— Я тоже.

Потомъ вспоминаю, что мнѣ всего на все тридцать лѣтъ, и объясняюсь болѣе удовлетворительно:

— То-есть, сперва мои родители, а потомъ я.

— Неправда ли, какъ пріятно пишутъ господинъ Меньшиковъ?

Такъ и сказалъ: не пишетъ, но пишутъ. Возражаю. — Да, но, откровенно говоря, я предпочитаю Столыпина. Отвѣчаетъ съ важностью:

— Что жъ? Господинъ Столыпинъ тоже имѣютъ свои достоинства. Они — упористѣе, а господинъ Меньшиковъ — разнообразнѣе.

И вдругъ хохочетъ:

— А вѣдь я издали думалъ было, что вы «Товарищъ» читаете. Ха-ха-ха!.. Совершенно не вижу ныне безъ очковъ. Ха-ха-ха!..

Вторю ему:

— Ха-ха-ха!

А самъ думаю:

«Интересно знать, однако, къ чему бы это съ твоей стороны повело, если бы я читалъ не «Новое Время», но, въ самомъ дѣлѣ. «Товарищъ»?..

— Ха ха ха!

— Ха ха ха!

— Позвольте, — спрашиваетъ, — разъ мы съ вами уже разговорились, съ кѣмъ имѣю честь?

На такой случай — я вамъ говорилъ уже — отвѣтъ у меня имѣлся готовый, и сплетена была цѣлая исторія. Инженеръ путей сообщенія такой-то, служу тамъ-то и тамъ-то, получаю столько-то и столько-то, командированъ провѣрить изысканія для новой желѣзнодорожной вѣтви, ведомой оттуда-то туда-то.

Попутчикъ слушаетъ, киваетъ головою, и ликъ его все проясняется и проясняется. А ѣдемъ мы, надо вамъ сказать, уже за Сиверскою, придвигаемся къ Лугѣ.

Рекомендуется и онъ. Землевладѣлецъ. Штабсъ-ротмистръ въ отставкѣ. Служилъ когда-то въ конной гвардіи, а ныне рантьерствуетъ, управляя въ Петербургѣ тремя собственными домами. Я и дома-то знаю, — все на бойкихъ улицахъ, должны приносить уйму дохода. Пушистый звѣрь. Ыдетъ въ Псковъ, навѣдаться въ имѣнье, гдѣ недавно произошли крестьянскіе беспорядки, и мужики похозяйничали широкою рукою. Призывалась команда, стрѣляли, были убитые и раненые. Рассказываетъ и — поговорка, что ли, у него такая? — чуть не къ каждой своей фразѣ вопросъ лѣпитъ:

— Правда, иль нѣтъ?

Въ упоръ, съ насकोкомъ, басомъ, — ужаснѣйшій бурбонъ!

Надо что-нибудь отвѣчать. А не обращать же мнѣ его въ вагонѣ въ нашу эсэ-эрскую вѣру!

Вздыхаю только.

— Да, — говорю, наконецъ, — должно-быть, нелегкое это занятіе въ наше бурное время быть землевладѣльцемъ. Особенно крупнымъ, какъ вы.

Онъ какъ сверкнетъ на меня глазами.

— А вотъ-съ, каково хорошо стало это занятіе, милостивый государь вы мой, вотъ что значить въ наше время быть крупнымъ землевладѣльцемъ. Извольте вы видѣть сію вещицу?

И достаетъ изъ кармана великолѣпнѣйшій рагабллум.

— Какъ вы думаете: зачѣмъ я эту штуку ношу при себѣ?

— Ну, ѣдете въ бунтующую деревню, предвидите возможность самозащиты, кто же не носить? Ничего нѣтъ удивительнаго! Я тоже ношу. По нынѣшнимъ временамъ иначе нельзя.

— Для самозащиты? Нѣтъ, милостивый государь, ошибаетесь: не для самозащиты, а для нападенія-съ! Я не отстрѣливаться желаю, но атаковать, да-съ!.. Вы видите передъ собою человѣка, который далъ себѣ честное слово уложить хоть одного революціонера изъ собственныхъ рукъ.

— Гмъ...

Я невольно опустилъ руку въ карманъ и тоже слегка поласкалъ ручку браунинга.

— Что-съ?

— Нѣтъ, ничего; я просто сказалъ: гмъ.

— Не вѣрите, что ли?

— Нѣтъ, почему не вѣрить? Всякія бываютъ «честныя слова» и прихоти! Только удивляюсь, что вамъ за охота самому? Довольно ихъ разстрѣливаютъ и вѣшаютъ и безъ васъ!

— Это, почтеннѣйшій, тамъ, гдѣ-то и кто-то въ пространствѣ, а я желаю, чтобы изъ собственныхъ рукъ! Да-съ! Какъ встрѣчу надлежащій экземпляръ, такъ и положу на мѣстѣ, вотъ этимъ самымъ инструментомъ, ужъ будьте благонадежны: не промахнусь. И... и... знаете ли, что я вамъ еще скажу?

— Нѣтъ, не знаю.

— Васъ какъ по имени зовутъ?

— Константинъ.

— Отслужите завтра угоднику вашему молебень, ибо онъ, видимо, спасъ васъ отъ великой опасности, которой вы даже не подозрѣвали.

И виноватымъ этакимъ жестомъ простираетъ ко мнѣ обѣ руки.

— Mea culpa! Mea culpa! какъ говорятъ адвокаты. Простите, почтеннѣйшій: вѣдь я чуть было васъ не ухлопалъ.

— Вотъ тебѣ разъ! — смѣюсь я, чувствуя, что у меня холодѣетъ затылокъ, а рука такъ на браунингъ и замерла.

— Да! Какъ вошли вы въ купе, мнѣ сразу помстилось: вотъ онъ, мой экземпляръ!

— Помилуйте! Но что же вы нашли во мнѣ революціоннаго?

— А и самъ не знаю, что. Какъ-то, — извините, — не подходите вы къ первому классу.

— Вы находите?

— Да нѣтъ! Теперъ не нахожу, а помстилось!

— И вы серьезно думали меня убить?

— До самой Гатчины. Въ Гатчинѣ сталъ колебаться, не ошибиться бы. Ну, думаю, потерплю до Луги, авось обнаружитъ себя чѣмъ-нибудь мой революціонеришка. Тогда ему тутъ и капуть.

Но вмѣсто того вы такъ прекрасно себя аттестовали.

«И терпентинъ на что-нибудь полезень!» подумалъ я, бросая благодарный взглядъ на листъ «Новаго Времени».

Затѣмъ до Пскова ѣхали мы уже безъ всякихъ недоразумѣній, даже водки выпили и ветчиною закусили. Въ Псковѣ попутчикъ мой вышелъ, разсыпаясь въ чувствительныхъ словахъ, какъ онъ меня полюбилъ, и какъ ему пріятно было со мною ѣхать, и въ

умилительнѣйшихъ извиненійхъ, что сперва хотѣлъ было меня застрѣлить.

— Послушайте, — говорю. — Вѣдь все-таки скадаль, преступленіе... Пришлось бы вамъ отвѣчать, ну, хоть за самоуправство.

— О, нѣтъ! Разъ я увѣренъ, что вы революціонеръ, какое же самоуправство? Революціонера можно!

— Вы увѣрены?

— Еще бы нѣтъ!

— Но вообразите себѣ: вотъ убиваете вы свой «экземпляръ», опредѣляя его по предчувствію тамъ или чутью своему, и на экземплярѣ, — возьмите хотя бы меня для примѣра, — не оказывается никакихъ революціонныхъ примѣтъ, но, напротивъ, легальнѣйшій паспортъ и свидѣтельство о служебной командировкѣ?

— Это ничего. Я сказалъ бы, что вы хотѣли меня экспроприировать, и я убилъ васъ въ законной самозащитѣ.

— Это тоже можно?

— Теперь можно. Еще разъ простите меня, старика, ради Бога! До пріятнѣйшаго свиданія-съ.

— До свиданія.

Вышелъ. Затылокъ у него крѣпкій такой, красный, со складкою. Думаю: вотъ шархнутъ-то, чтобы впередъ не хвастался. И шархнулъ бы, если бы только по одному своему дѣлу ѣхалъ. Да нельзя: я курьеръ везъ.

Ну, молебна равноапостольному Константину я, положимъ, не отслужилъ. Но, когда перебрался черезъ границу, сошкольничалъ: послалъ дружку изъ Любека открытку, написалъ, знаете, коротко изъ «Свадьбы Кречинскаго»:

— Гончая ты собака, Расплюевъ, а чутья у тебя нѣтъ! То-то, поди, злился!

1906.

Парижъ.

ИСПОВѢДЬ ЖИВОГО МЕРТВЕЦА.

— Вы спрашиваете меня, гдѣ я былъ на прошлое Рождество и какъ его проводилъ? Очень скверно провелъ я его, товарищъ, потому что былъ я въ могилѣ.

— Какъ же васъ угораздило въ нее попасть?

— Очень просто и на законнѣйшемъ основаніи. Извѣстно, какъ попадаютъ въ могилу — въ качествѣ мертвеца.

— Виноватъ: развѣ я имѣю честь говорить съ привидѣніемъ?

— Нѣтъ, не съ привидѣніемъ, хотя многимъ и очень хотѣлось бы, чтобы я былъ не болѣе, какъ привидѣніемъ. А дѣло въ томъ, что аккуратъ подъ Рождество, 24 декабря 1905 года, въ четыре часа пополудни, на Соборной площади города Я. меня разстрѣлялъ карательный отрядъ.

— Разстрѣлялъ?

— Не вѣрите?

— Признаюсь, такой разстрѣлъ съ живымъ разстрѣляннымъ я видалъ раньше только на сценѣ, въ мелодрамѣ «Донъ-Сезаръ де-Базанъ».

— Тѣмъ не менѣе, такъ оно и есть, какъ я вамъ докладываю: разстрѣлянъ — и живъ, брошень.

Проживалъ я себѣ въ Я., мирно и тихо учительствуя, а между учительствомъ столь же мирно и тихо втолковывалъ любезнымъ моимъ латышамъ, что «въ борьбѣ обрѣтутъ они право свое». Настоящимъ революціонеромъ, каковъ я есмь сейчасъ, я въ то время еще не былъ и самъ себя за революціонера не почиталъ. Такъ сочувственникъ изъ горяченькихъ, обыватель, поющій революціонныя пѣсни и ходящій съ краснымъ флагомъ. Въ пресловутые «дни свободы» я пѣлъ, вѣроятно, немного громче другихъ и крас-

ный флагъ носилъ съ большимъ шикомъ, чѣмъ другіе. Потому что оказался записаннымъ въ сыщическую книгу живота, впрочемъ, скорѣе смерти, чѣмъ живота! — и отмѣченъ въ ней, какъ особо вредный экземпляръ и нарочитый столпъ крамолы. Конечно, я подобной аттестаціи даже и не подозрѣвалъ, въ мысляхъ не было. Хорошо-съ вооруженное возстаніе до Я. не дошло, временнаго правительства мы не учреждали, республики не объявляли, — такъ, поиграли слегка въ словесную революцію до предѣловъ, терпимыхъ магистратомъ, и шабашъ. Тѣмъ не менѣе, 24 декабря, въ сочельникъ, я и еще двѣнадцать обывателей, ходившихъ съ краснымъ флагомъ, были разстрѣляны и брошены во рву на Соборной площади. Я воскресъ, двѣнадцать товарищей остались на томъ свѣтѣ. Да-съ...

Помню, сижу я себѣ дома, какъ добрый человѣкъ, и самымъ смиреннымъ и благодушнымъ манеромъ правлю ученическіе тетрадки. И вдругъ передо мною страшилище: казачина.

- Вы будете учитель?
- Я буду учитель.
- Пожалуйте.
- Куда?
- Такъ что начальство приказываетъ. Пожалуйте.
- Какое начальство?
- Не могу знать. Пожалуйте.
- Твое, что ли, начальство?
- Никакъ нѣтъ. Пожалуйте.
- А если я не хочу жаловать?
- Тогда я васъ нагайкою погоню. Пожалуйте...

Парень серьезный, разговоръ серьезный, нагайка серьезная. Бываютъ аргументы, противъ коихъ возможно спорить только съ револьверомъ въ рукѣ, а его-то какъ разъ у меня и не было. Хорошо. Ничего не подѣлаешь. Иду.

Привелъ меня казакъ къ полковнику. Симпатичнѣйшая рожа. Чистый такой, сытый. Должно быть, вальсъ отлично танцуетъ и ноктюрны на фортепіанахъ можетъ играть. Учтивый.

- Чѣмъ могу вамъ служить?
- Я не знаю, приказано явиться меня вашъ казакъ пригналъ.
- Ваша фамилія?

Называюсь.

Смотрить въ «книгу живота».

— А! Вы такой-то?

— Да, я такой-то.

Черкнулъ въ «книгѣ живота» что-то карандашомъ и говорить ординарцу своему:

— Этого — къ тѣмъ. Ординарецъ отвѣчаетъ:

— Слушаю-съ.

И машетъ рукою солдатамъ, чтобы меня окружили. Цѣлыхъ четыре архангела выросло. Одинъ другого здоровѣе.

А полковникъ — ко мнѣ съ тою же учтивостью:

— Можете итти. Не задерживаю васъ болѣе. Шествую съ архангелами, и кажется мнѣ, что я во снѣ. Ничего не понимаю. «Этого — къ тѣмъ». Почему я «этотъ»? Какіе «тѣ»? Почему, если я — «этотъ», то меня надо «къ тѣмъ»? Хорошо это или дурно? Къ добру или худу? Обращаюсь къ стражамъ моимъ:

— Куда вы меня ведете?

А мнѣ — вмѣсто отвѣта — въ зубы. Молча. Сразу — справа и слѣва. Наотмашъ, муслаками кулаковъ. Только искры изъ глазъ посыпались.

Ну, значить, плохо мое дѣло, — попалъ я на серьезный народъ и готовятъ мнѣ расправу серьезную.

Вывели на Соборную площадь. Гляжу: тутъ и Генрикъ Ользень, и Кристенезерь, и всѣ наши, которые ходили съ краснымъ флагомъ и пѣли революціонныя пѣсни, подъ стражею. Народа на площади, кромѣ насъ и солдатъ, ни души. Всѣ ставни закрыты. Страшно стало. Боялся, не вздумали бы пороть нагайками.

Не долго держали въ недоумѣніи. Тамъ у насъ въ Я. на Соборной площади канава есть, довольно глубокая, почти ровомъ ее назвать можно. Берутъ насъ, рабовъ Божіихъ, и ставятъ рядомъ — всѣхъ тринадцать — на край этой самой канавы, спиною къ ней, а передъ нами вырастаютъ христолобивые воины съ ружьями... Я къ Ользёну:

— Генрикъ, что это?

А у него языкъ отнялся, и только изъ одного угла рта слюна течетъ свѣтлая, длинная.

Я къ Кристенезеру. А онъ гладитъ самъ себя по мѣховой шапкѣ, будто по волосамъ, и колѣни у него гнутся, какъ лайковыя или ватныя. И когда я увидаль это, что у Кристенезера ватныя колѣни, напаль на меня ужась. Кто-то подходилъ, что-то говорилъ. Ничего не понимаю, ничего не помню, ничего не вижу, ничего не слышу, и потомъ сразу — тьма. Такъ и не видалъ и не слыхаль, какъ меня разстрѣляли, и сталъ я, въ нѣкоторомъ родѣ, покойникомъ, по крайней мѣрѣ, официальнымъ.

Очнулся я: темно, тяжело, холодно, страшно холодно отъ холода, должно-быть, и очнулся-то. Лежу на спинѣ, и глыбы или бревна на мнѣ какія-то навалены. Шевельнулъ рукою — чью-то руку встрѣтилъ, шевельнулъ ногою — чья-то нога. Вглядываюсь — Кристенезерь на мнѣ лежитъ, этакъ наискось, холодный. Я въ самомъ низу, а они всѣ на мнѣ, всѣ двѣнадцать, какъ бревна. Брр... У васъ, помнится, коньякъ бываль хорошій?

— Коньяку, къ сожалѣнію, нѣтъ, а вотъ — *vieux marc*.

— Давайте, все равно. А то у меня, когда я это общество милое припоминаю, зубки начинаютъ постукивать и голосъ срывается. Да-съ, двѣнадцать. Руки, ноги переплелись, какъ стропила или балки какія-нибудь, и сквозь нихъ, какъ въ колодезь, прямо мнѣ въ глаза съ неба зеленая звѣзда свѣтитъ. Ощупался, чувствую, что сильно раненъ, крови вышла уйма, слабость страшная. Соображаю, почему я живъ? И прихожу къ такому убѣжденію, что, вѣроятно, въ моментъ разстрѣла я не выдержаль нахлынувшего на меня ужаса и упаль въ обморокъ, а солдаты, по ранамъ моимъ, приняли меня за убитого и спустили въ ровъ. Почему насъ не зарыли, это я потомъ доподлинно узналъ. Вѣдь, на завтра-то, помните, было Рождество. Такъ вотъ и изобрѣли для преступныхъ обывателей Я. этакую милую моральную казнь: у всѣхъ, моля, людей праздникъ, а у васъ, крамольниковъ, пусть мертвечина среди города валяется, любуйтесь трупами разстрѣляныхъ согражданъ вашихъ, да поучайтесь, поминая четыре свободы. Устроилъ, скотъ, я — цамъ хорошую елку, нечего сказать!.. Ну, попадись онъ мнѣ когданибудь въ руки!.. Я вашего *vieux marc*, извините, еще хвачу.

Что раны мои не смертельны и, вѣроятно, даже не опасны, я опредѣлилъ по самочувствію сразу - лишь бы мнѣ выбратъся изъ ямы на свѣтъ бѣлый! Я больше боялся, не замерзнуть бы мнѣ. Морозъ стоялъ не такъ, чтобы большой, но, знаете, лежу на стылой землѣ, неподвижное положеніе, да покойники эти окоченѣлыми бревнами на меня навалились. Сталь изъ-подъ нихъ выбираться. Ужась. Кажется, никакую другую тяжесть въ мірѣ не труднѣ сбросить съ себя, чѣмъ мертваго человѣка. Точно держать тебя: нашъ! оставайся съ нами!.. Карабкался я, карабкался. И страхъ-то, понимаете, и отвращеніе-то у меня къ нимъ, и жаль ужасно, сердце надрывается жалостью. Вѣдь, какъ хотите, всѣ друзья-пріятели были, вмѣстѣ политику нашу маленькую разводили, вмѣстѣ въ кнейпу ходили пиво пить. И всѣхъ — ни за что! Двѣнадцать! Шутка сказать! Какіе они, къ чорту, революціонеры были? И меня-то — истинно говорю вамъ — настоящимъ рево-

люціонеромъ только яма эта сдѣлала, да ночь, когда я, замерзающій, неповинно истекающій кровью изъ четырехъ сквозныхъ рань, разсматривалъ зеленую звѣзду на черномъ небѣ, сквозь плетень изъ рукъ и ногъ моихъ окоченѣлыхъ друзей. Вы хотѣли что-то спросить?

— Я немножко удивляюсь: какъ вы ухитрились выбраться изъ-подъ двѣнадцати труповъ, не надѣлавъ страшнаго шума? Вѣдь это все равно, что разсыпать полѣнницу дровъ.

— Ну, нѣтъ, не такъ громогласно. Но, конечно, былъ шумъ.

— А какъ же часовые-то? Или ихъ не было? Не могу себѣ представить, чтобы къ трупамъ казненныхъ не поставленъ былъ карауль.

— Были часовые, цѣлыхъ два. Только, должно быть, не очень-то веселое это занятіе — караулить ночью тринадцать разстрѣлянныхъ покойниковъ. Словомъ, когда я выползъ изъ канавы, то на площади часовыми и не пахло, и только на паперти соборной побрякивало ихъ оружіе. Подъ покровъ святыни спрятались, голубчики!. Я, какъ ужъ какой-нибудь или ящерица, проскользнулъ въ переулочъ, — патруля посчастливилось не встрѣтить. Городишка маленькій, знаю я его наизусть, — каждую щель и лазейку, — какъ свои пять пальцевъ. Десять минутъ спустя я былъ въ теплѣ и у добрыхъ друзей. А на завтра тѣ же самые друзья вывезли меня изъ Я. въ стогъ сѣна, какъ нѣкогда Бакунина изъ Болоньи. Покуда не закрылись мои раны, я отлеживался на одной мельницѣ, верстахъ въ 50 отъ Я. Хозяинъ ея былъ внѣ подозрѣній у правительства и даже слылъ русскимъ шпиономъ. Да, если хотите, онъ и былъ шпиономъ — только не ихнимъ, а нашимъ. Умереть со смѣха надо, какъ онъ ловко водилъ за носъ полицію, жандармерию и генераловъ всякихъ. Ну-съ, поправился я, далъ мнѣ комитета двѣсти рублей на дорогу, фальшивку въ руки — и айда, живой покойникъ, за границу! Нѣсколько мѣсяцевъ околачивался въ Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ, а потомъ заскучалъ по Европѣ, и вотъ — къ вашимъ услугамъ, здѣсь.

— Думаете осѣсть въ Парижѣ?

— Нѣтъ, знаете, лишь пережду сколько надо, чтобы сколотить малую толику деньженокъ. А топора на родину.

— Вамъ? на родину? Что же — мало вамъ разстрѣла, такъ еще хотите быть повѣшеннымъ?

— Э! Бабушка надвое говорила! А мы, латыши, знаете, такой ужъ народъ: намъ — хоть и висѣть, да надъ своею землею — милѣе, чѣмъ ходить по чужой.

1907. Парижъ.

РАСПЛАТА.

Объ этомъ ночномъ нападеніи на казачій постъ много говорили по всей Эстляндіи. Жаль, что некому было рассказать правду. Вѣдь, когда солнце освѣтило обгорѣлую казарму, ни въ ней, ни близъ нея не оставалось ни одного живого человѣка. Лежало одиннадцать закопченныхъ или обугленныхъ труповъ.

Пошли тогда легенды о могучей революціонной бандѣ, о ночномъ штурмѣ послѣ упорной и долгой перестрѣлки, о гибели казаковъ — всѣхъ до единого — въ рукопашномъ бою. Пустяки. Хоть бы на то обратили вниманіе, что на трупахъ не оказалось ни одной огнестрѣльной раны: только колотыя или рѣзаныя. И все больше по горлу.

Да. Убрать въ одну ночь, въ укрѣпленной и защищенной казармѣ, одиннадцать казаковъ и скрыться безъ слѣда съ ихъ оружіемъ — кто же, казалось бы, способенъ на такое отчаянное дѣло, если не отрекшіеся отъ міра революціонеры? Не такъ ли?

Ну, а я вамъ скажу, что революція была здѣсь ровно не при чемъ и столько же знала обо всемъ этомъ дѣлѣ, сколько.

— Мы съ вами, не правда: ли?

— Нѣтъ, сколько вы одинъ. Потому что я-то знаю и знаю. Какъ же мнѣ не знать? Это — мое дѣло. Я устроилъ его. Я! да — я!

Онъ говорилъ такъ мирно, спокойно, имѣлъ такой кроткій, ласковый видъ, былъ такой слабый, почти женственный, съ глазами, полными яснаго голубого свѣта.

— Я не былъ революціонеромъ. И братъ мой не былъ. Я былъ учителемъ въ городѣ, онъ — мызникъ подъ городомъ. Однажды приходятъ казаки и начинаютъ брать людей по списку. Взяли и насъ.

Многихъ разстрѣляли, а насъ съ братомъ отвели на тотъ самый казачій постъ между городомъ и мызою: насъ оставили на завтра. Лежимъ, связанные, молчимъ... Что же намъ дѣлать? Насъ двое связанныхъ, безоружныхъ, а ихъ одиннадцать человекъ — съ винтовками, молодцы одинъ къ одному. Братъ лежитъ въ одномъ углу казармы, на полу, я — въ другомъ, наискосокъ, на нарахъ.

Вечеромъ подходитъ ко мне казачій урядникъ.

— Завтра разстрѣляемъ.

— За что?

— Не бунтуй.

— Мы не бунтовали.

— Коли взяты, — стало быть, бунтовали. Разстрѣлять вашего брата всегда есть за что.

— Не смѣете вы разстрѣливать насъ, какъ собакъ. Надо судить. Гдѣ ваши офицеры? Вы должны представить насъ своему начальству.

— Ну, вотъ еще, чего вздумалъ: начальство для него беспокоить, на ночь глядя. Нонѣ время военное: только захотѣть, а то мы тебя и сами, безъ начальства. И все — зря. Ты не шебарши: мы ребята добрые, цѣлую ночь срока вамъ даемъ. А къ начальству васъ отвести, — выйдесть приказъ: разстрѣлять на мѣстѣ. Нагнулся ко мнѣ низко-низко, шепчетъ:

— Хотите на волю?

Вы понимаете, какая горячая волна мнѣ въ голову хлынула. Шепчу въ отвѣтъ:

— Сколько? Шепчетъ:

— Я одинъ не могу, долженъ по соглашенію съ товариществомъ. На всю артель пятьсотъ рублей, по двѣсти пятьдесятъ за тебя и за брата. Хочешь?

Я говорю:

— Такихъ денегъ у насъ готовыми нѣтъ.

— Достань.

— Достать могу, но раньше сутокъ мнѣ не обернуться.

— Хорошо. Дадимъ тебѣ сутки срока. Оборачивайся.

— Ты, служивый, издѣваешься надо мною: что же я въ состояніи сдѣлать изъ-подъ ареста, связанный?

— А мы тебя выпустимъ.

— Выпустите?

— Да, на слово выпустимъ. Ничего: мы о тебѣ справки навели, — всѣ говорятъ, что ты человекъ почтенный, слову твоему вѣрить можно. Брата твоего у себя оставимъ въ родѣ какъ бы аманата, что ты не удерешь. А ты ступай, ищи, приноси выкупъ. Принесешь — ваше счастье: обоихъ на волю выпустимъ — и тебя, и брата.

Я весь въ огнѣ горю, но соображаю: мало сутокъ.

— Дайте два дня.

Такіе покладистые ребята попались, — и на два дня согласны: ура!

Вылетѣлъ я изъ казармы, ногъ подъ собою не слышу отъ восторга. Сейчасъ же — на первый возможный поѣздъ и помчался въ городъ Ф. — отъ насъ въ трехъ часахъ разстоянія. Тамъ у меня пріятель нотаріусъ, онъ же ростовщикъ... Сквалыга ужаснѣйшій, на

обухъ рожь молотить, но зато у него во всякое время дня и ночи можно достать денегъ.

— Слушайте, — изъясняю ему, — вотъ какое дѣло приспѣло. Пятьсотъ рублей сейчасъ же на столъ, а въ обезпеченіе — все мое имущество. Вы знаете, у меня земля, у меня мельница. Тысячъ на двадцать, — есть чѣмъ отвѣтить.

— Такъ, говорить, но документы?

— Ахъ, есть ли у меня время, гдѣ же возможность сейчасъ выправлять документы? Вѣдь же я вамъ объясняю, какъ спѣшно нужны мнѣ деньги и зачѣмъ.

Возражаетъ:

— Я все это очень хорошо понимаю и вхожу въ ваше печальное положеніе, но какъ же я могу рисковать капиталомъ, не зная вашихъ правъ на имущество? Вы съ братомъ въ общемъ владѣніи — не раздѣленные.

Словомъ, кончилось дело тѣмъ, что, вмѣсто краткосрочного займа въ 500 рублей подъ залогъ моей недвижимой собственности, совершилъ я условную запродажу этой пьывкѣ двуногой всего моего имущества за 1,500 руб., съ тѣмъ, что 500 руб. покупщикъ даетъ мнѣ на руки сейчасъ же, слѣдующіе 500 — когда мнѣ потребуется, а остальные 500 уплачиваются черезъ годъ. Разорилъ я себя въ единую минуту, но тогда счастливъ тѣмъ былъ, больше того, даже благодаренъ былъ ростовщику проклятому: вѣдь, худо ли, хорошо ли, — а двѣ души спасъ, меня и брата.

Лечу обратно счастливый, какъ вольная птица на крыльяхъ.

Урядникъ встрѣчаетъ:

— Эге?

— Получай. Пересчитай деньги.

— Молодчина. Ну, чортъ съ тобою: ступай на всѣ четыре стороны. Мы свое казацкое слово держимъ.

— Позволь: а братъ?

— Какой братъ?

— Мой братъ, вмѣстѣ взяли.

— А, твой братъ. Такъ бы и говорилъ. Брата твоего мы разстрѣляемъ.

— Какъ, почему, за что?

— Такъ: ты откупился, — ступай себѣ, уходи. А брата разстрѣляемъ.

— Но мы же вмѣстѣ откупались. Вы приказали. Сколько велѣно, я принесъ. За обоихъ вмѣстѣ.

Онъ, дьяволъ, только усмѣхается.

— Окрестись, парень. Это двоихъ-то васъ отпустить за пятьсотъ рублей? Товариществу расчета нѣтъ. Своя шкура дороже.

— Но ты же самъ назначилъ?

— Мало ли, что я назначилъ. Тогда назначилъ, а потомъ передумалъ. Ошибся, стало быть, въ своей выгодѣ. Товарищество не дозволяетъ, не расчетъ. Съ насъ тоже за вашего брата, бѣглыхъ, начальство-то — и-и-и! — какъ взыскиваетъ. Нечего больше разговаривать: ты свободень, а брата — подъ разстрѣлъ. Понялъ я: новый торгъ начинается. Устроили базаръ жизни, крови и слезъ человѣческихъ!

— Сколько возьмешь, чтобы отпустить брата?

— А что съ тебя, то и съ него. Дешевенько, ну, да ужъ по знакомству.

— Пятьсотъ?

— Говорю: что съ тебя, то и съ него. Гдѣ наше не пропадало?

— По рукамъ. Завтра получишь.

Урядникъ руку протягиваетъ, но смотреть на меня сомнительно:

— Осилишь ли?

— Разорвусь, а достану. Завтра получишь. По рукамъ. Засмѣялся.

— Ну, твое дѣло. По рукамъ.

А я опять въ поѣздъ, опять въ Ф., опять къ своему пріятелю, ростовщику, нотариусу. Онъ было отъ меня и руками и ногами: развѣ, молъ, такъ поступаютъ порядочные люди? Вчера — 500, сегодня — 500. И всю эту исторію вы мнѣ соврали, и никакого брата вамъ выкупать не надо, а просто вы въ карты играете, должно быть, несчастливо, или дѣвчонку завели, — вотъ и тянете съ меня мои кровныя денежки не въ срокъ. Но я взялъ въ руки, съ письменнаго стола его, прессъ-папье, — собака чугунная, какъ сейчасъ помню, остромордая такая, — и поклялся ему, что сію же минуту проломлю ему голову, если онъ не отдастъ моихъ денегъ.

Отдашь.

Ни живой, ни мертвый, самъ не свой, мчусь на родину. Когда вышелъ изъ вагона, на своемъ вокзалѣ, до срока назначеннаго оставалось еще восемь часовъ.

На вокзалѣ ходитъ факторъ знакомый. Мигнулъ мнѣ. Укрылись мы въ сторону, за бочки какія то.

— Я васъ нарочно поджидалъ, потому что видѣлъ утромъ, какъ вы въ Ф. уѣхали. Думалъ: не вернетесь ли съ курьеромъ? Не ходите въ городъ. Васъ ищутъ.

— Что случилось?

— То, что... э! мужчина же вы! скрѣпитесь сердцемъ: брата вашего сегодня утромъ разстрѣляли. Скрѣпитесь сердцемъ: мужчина же вы! Въ такое время живемъ. Надо позабыть, какъ въ обмороки-то падаютъ. Брата разстрѣляли, а васъ ищутъ. Скрѣпитесь сердцемъ: мужчина же вы!

Водою меня поить. Я ничего не понимаю, только шепчу:

— Боже мой, да вѣдь привезъ же я, привезъ, выкупъ привезъ, извергамъ по условію, вотъ они, пятьсотъ рублей.

— Видно, опоздали.

— Какъ — опоздалъ? Условились ждать до завтра, до утра. Изверги, предатели. Подлость какая.

— Надули васъ, стало быть, не дождались.

Либо не повѣрили вамъ, что осилите такую сумму привезти... Теперь уже поздно разсуждать: все кончено, не поправите. Будьте мужчиною! скрѣпитесь сердцемъ!

Ну...

Мужчина я, голубчикъ, скрѣпился сердцемъ!

Съ вокзала пошелъ я не направо — въ городъ, а налѣво — въ поле. Иду, на темное небо смотрю, звѣзды въ темномъ небе мигаютъ. А я тропинки ногою нащупываю и въ головѣ одну мысль держу:

«Это вамъ даромъ не пройдетъ. Всѣ вы мнѣ за брата головами отвѣтите. Нѣтъ, даромъ не пройдетъ!» И шель я пустыремъ, покуда не вышелъ въ пригородъ, хорошее мѣстечко! не дай Богъ никому туда попасть! Адъ на землѣ. Туда нашъ братъ, порядочный гражданинъ, и днемъ-то опасается заглядывать, а я ночью пришелъ, будто свой. И перваго же встрѣчнаго спросилъ:

— Гдѣ здѣсь найти кума Ридо?

А этотъ Ридо въ нашихъ мѣстахъ такое честное имя, что на сто верстъ кругомъ всякій богатый купецъ, каждый помѣщикъ, каждый кулакъ-фермеръ, слышавъ его, вздрагиваютъ. Потому что для всѣхъ нашихъ босяковъ, воровъ и проходимцевъ уличныхъ былъ Ридо какъ бы атаманъ или староста. Не пойманъ, не воръ, — охотилась полиція за Ридо усердно, а уличить его никогда не могла. А между тѣмъ всѣ грабежи смѣлые, всѣ разбои отчаянные, всѣ кражи ловкія, всѣ мошенничества наглыя именно Ридо приписывались, либо его молодцамъ, подъ его диктовку.

И — надо же было выпасть случаю! — встрѣчный остановился, оглядѣлъ меня впотьмахъ и вмѣсто отвѣта спрашиваетъ:

— Вы, если я не ошибаюсь, учитель такой-то?

— Да, я учитель такой-то.

— Здравствуйте, учитель. Я видаль васъ на улицѣ, знаю. Вы ищите Ридо? Очень радъ съ вами познакомиться. Ридо — я самъ.

И сидѣли мы вдвоемъ съ Ридо въ шинкѣ, въ задней, хозяйской, каморкѣ. И я впервые въ жизни пилъ горькое, огненное вино.

То, что я предложилъ Ридо, ему понравилось. Онъ сказалъ:

— Это хорошо, что ты хочешь мстить за брата. Мертвецы не должны оставаться неотомщенными. Вотъ моя рука. Я тебѣ товарищъ. Сколько ты можешь заплатить за работу моимъ молодцамъ?

Я положилъ на столъ все, что имѣлъ: пятьсотъ рублей. Они были цѣною жизни моего брата, — пусть же будутъ цѣною его мщенія. Ридо сосчиталь деньги и спряталь ихъ въ бумажникъ.

— Мало.

— Если вы одолѣете казаковъ, то вамъ достанется хорошая добыча: вѣроятно, они еще не успѣли пропить первыхъ моихъ пятисотъ рублей.

— Не знаю, на твои ли, на свои ли деньги, но они ужасно пьянствуютъ вотъ уже третій день. Это очень кстати намъ — понимаешь? Итакъ, пятьсотъ и пятьсотъ, говоришь ты? Все-таки мало.

— Черезъ годъ я могу уплатить тебѣ еще 500 рублей.

— Черезъ годъ я, навѣрное, буду на висѣлицѣ, да и ты тоже. Да и опять таки, братецъ мой, мало! Предпріятіе твое отчаянное. Если изъ нихъ будетъ хоть трое трезвыхъ, мы идемъ на вѣрную смерть.

Я слушалъ Ридо, но слышалъ, что онъ только испытываетъ меня, а, на дѣлѣ, ему жаль и меня и брата, онъ пойдетъ! И я сказалъ спокойно:

— Больше у меня нѣтъ ни гроша за душою и я не имѣю, откуда достать. Отдаю послѣднее. Остаюсь на свѣтѣ — вотъ въ этой одеждѣ, какъ ты меня видишь. Завтра буду такой же голякъ, какъ и ты.

Ридо долго молчалъ. Потомъ спрашиваетъ:

— Я твои деньги въ бумажникъ положилъ. Ты видѣлъ — ничего не сказалъ. Значитъ, согласенъ, чтобы я ихъ взялъ?

— Для тебя принесъ ихъ — тебѣ ихъ и брать.

— Впередъ?

— Какъ хочешь.

— А если я тебя обману?

— Не обманешь.

— Казаки обманули же?

— Ты не казакъ.

Ридо долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза — взглядомъ пронзительнымъ, глубокимъ, голубымъ. У него было лицо добродушнаго бюргера, торгующаго москотильнымъ товаромъ, сандаломъ, мускатнымъ орѣхомъ, а совсѣмъ не плотью и кровью человѣческою.

И вотъ лѣзетъ онъ правою рукою въ карманъ, достаетъ свой бумажникъ и выкладываетъ предо мною — возвратно — мои пятьсотъ рублей.

— Спрячь.

— Ты отказываешься?

— Нѣтъ, напротивъ, соглашаюсь. Сегодня же, въ эту ночь, мы ихъ распотрошимъ. Но денегъ твоихъ впередъ брать не желаю. У всякаго другого взялъ бы — у тебя не возьми. Когда дѣло будетъ сдѣлано, тогда заплатишь. И заплатишь столько, сколько захочешь заплатить. Для другого я въ такую затѣю безумную не вмѣшался бы даже за десять тысячъ рублей, а для тебя теперь — хоть вовсе ничего не плати: пойду даромъ. А затѣмъ онъ шепнулъ шинкарю слово. И понемногу начали приходиться къ намъ, въ каморку,

одинъ по одному, разные люди. То — темные, дикіе, страшные, неизвѣстные мнѣ люди со дна. То — совсѣмъ приличные, обыденные горожане, которыхъ я зналъ даже по имени, и которые меня знали, но теперь мы глядѣли другъ на друга, какъ незнакомые, и не признавались не только словомъ, но хотя бы жестомъ, хотя бы взглядомъ, что когда-либо въ жизни встрѣчали другъ друга.

Со всѣми приходящими Ридо говорилъ что-то словами, которыхъ я не понималъ. Одни соглашались и оставались, другіе отказывались и уходили. Осталось шесть человекъ, Ридо — седьмой, я — восьмой.

Была черная ночь. И мы, восьмеро, вошли въ черную ночь. И по мѣрѣ того, какъ мы шли къ городу, число наше таяло. Но я ни разу не успѣлъ замѣтить, когда отставалъ отъ насъ тотъ или другой. Они расточались въ ночи, какъ нечистые духи.

Когда мы очутились на пустырьѣ, въ пятистахъ шагахъ отъ казачьяго поста, гдѣ спали мои недруги, насъ осталось, изъ восьми, всего двое: я и Ридо.

Я думалъ, что мы всѣми брошены, я смотрѣлъ на Ридо съ ужасомъ, удивленіемъ, отчаяніемъ, которыхъ онъ не видалъ, потому что было темно. Но онъ приказалъ мнѣ:

— Садись вотъ здѣсь на камень и жди. Я оставлю тебя одного и пойду впередъ. Я возразилъ:

— Я не останусь. Хочу съ тобою. Но Ридо запретилъ:

— Нѣтъ. Ты не умѣешь ходить по снѣгу. Снѣгъ хруститъ у тебя подъ ногами. Если ты мнѣ не вѣришь, чортъ съ тобою. Если вѣришь, оставайся здѣсь.

Я сказалъ:

— Ридо, будь спокоенъ: я вѣрю тебѣ. Онъ продолжалъ:

— Вонъ тамъ — смотри внимательно: скоро вспыхнетъ спичка. На всякій случай, я зажгу ихъ три, одна за другою. Когда увидишь огонекъ, бросайся туда смѣло, бѣги, что есть силы бѣжать. Это значить — часовые убиты и казарма наша. Ничего не опасайся — только не кричи. Но если спичка не вспыхнетъ, если вмѣсто того услышишь выстрѣлъ или крикъ, — удирай, братъ, тогда, удирай, куда знаешь, поскорѣе. Это значить — я убить. Прощай.

Ридо исчезъ въ темную ночь. И — когда онъ исчезъ, я опять таки не могъ уловить момента. Если бы я былъ суевѣренъ, то подумалъ бы, что онъ обратился въ кошку, потому что, дѣйствительно, огромная, — казалось въ темнотѣ, — кошка шмыгнула мимо меня.

Я сидѣлъ на камнѣ, ждалъ, смотрѣлъ.

Надъ головою горѣли звѣзды большія, зеленыя, сколько было ихъ, и какъ высоко въ небѣ.

Не знаю, много ли времени я ждалъ. Можетъ быть, пять минутъ, можетъ-быть, часъ, можетъ быть, два. Одно знаю: если бы я услышалъ выстрѣлъ, то сію же минуту перерѣзалъ бы себѣ горло бритвою, которую имѣлъ въ карманѣ.

Вспыхнула искра.

Она едва блеснула въ далекомъ туманномъ мракѣ, а мнѣ показалось, что — вмѣстѣ съ нею — все звѣздное небо ринулось огнями на землю.

Другая, третья.

Я поспѣшилъ по ихъ направленію, какъ приказалъ Ридо. И по мѣрѣ того, какъ бѣжалъ я, — вдали, предо мною, возникли три свѣтящіяся пятна. Сперва они темно и мутно алѣли навстрѣчу мнѣ, сквозь черную ночь, потомъ стали свѣтлѣть, пунцовѣть, наливаясь червоннымъ золотомъ. То были окна казачьяго поста. То былъ пожаръ внутри казармы.

Ридо схватилъ меня за руку.

— Стой.

У самыхъ ногъ моихъ лежалъ трупъ часового. Я чуть не споткнулся, чуть не

упаль. Казакъ, какъ быкъ на хорошей бойнѣ, былъ заколотъ въ затылокъ. Ридо кошкою подползъ къ нему въ темнотѣ по снѣгу, кошкою вспрыгнулъ къ нему на плечи и вонзиль въ него свои стальные когти. Другого часового — съ противной стороны постаточно такъ же безшумно и бархатно «снялъ» одинъ изъ товарищей Ридо.

— Войди въ казарму, — сказалъ Ридо, — ты увидишь, что я сдержалъ свое обѣщаніе. Согласись, что тебѣ есть за что заплатить деньги.

Итти къ посту было свѣтло. Снѣгъ сталъ розовый отъ пламени изъ оконъ и мигаль золотомъ.

Фасадъ казармы съ другой стороны былъ еще не тронутъ пламенемъ. Я вспрыгнулъ на фундаментъ, приникъ къ окну.

Ихъ было одиннадцать, лежали на нарахъ. Казалось, что всѣ они спали крѣпкимъ сномъ, кто на боку, кто ничкомъ, кто навзничъ. Урядникъ, который со мною торговался и который меня обманулъ, спалъ всѣхъ ближе къ моему окну. Раздѣтый, въ растегнутой рубахѣ, онъ откинулъ голову на грядку. На шеѣ у него виднѣлось что-то, что я по первому взгляду принялъ было за черный галстукъ. Миръ его праху! То была рана, перерѣзавшая горло его отъ уха до уха.

Люди Ридо шмыгали изъ казармы во дворъ и исчезали въ темнотѣ. Они обобрали съ убитыхъ деньги, цѣнныя вещи, оружіе. И опять казалось мнѣ, что они не люди, но огромныя дикія кошки, принявшія видъ человѣческой лишь на время борьбы своей съ человекомъ. Мигъ кроваваго очарованія прошелъ, и дикія кошки опять убѣгають въ лѣсъ свой безслѣдными дикими кошками.

Въ городѣ замѣтили пожаръ, зазвонили. Мы съ Ридо были уже далеко, далеко. Молча подаль я ему должную сумму. Онъ отсчиталъ себѣ четыреста рублей, а сто возвратилъ мнѣ:

— Удирай, любезный. Бѣжать тебѣ надо далеко. А безъ денегъ бѣжать нѣльзя.

Я взялъ.

Парижъ, 11 февраля 1907 года.

МЕЖДУСОСЛОВНЫЯ ПАРЫ

МЕЖДУСОСЛОВНЫЯ ПАРЫ

КЕЛЬНЕРША.

I.

Сидимъ мы съ знакомымъ нѣмцемъ, профессоромъ русскаго университета въ ученой командировкѣ, въ нѣкоторомъ константинопольскомъ кафешантанѣ. Скука страшная; безголосыя пѣвицы, силыя «дизѣзки», дамскій оркестръ aus Wien, кто въ лѣсъ, кто по дрова. Въ Константинополѣ по вечерамъ туристу некуда дѣваться: день очень интересень, по крайней мѣрѣ, для охотника до старины, византійщины и азіатчины, а ночью, если вы избалованы удовольствіями, лучше спите, — все равно ничего не найдете путнаго.

Молодая рослая кельнерша поставила передъ нами по рюмкѣ коньяку, повернулась и ушла

— Посмотрите, какая прелестная фигура, — указаль я компаньону въ догонку ей.

Кельнерша остановилась и обратила къ намъ улыбающееся лицо.

— Благодарю за комплиментъ, — услыхаль я насмѣшливый отвѣтъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

— Соотечественница?!!

— Какъ видите.

— Такъ присаживайтесь къ намъ, пожалуйста, разделите компанію.

Кельнерша согласилась. Это была очень красивая женщина, лѣтъ двадцати пяти-шести, не старше, съ настоящимъ великорусскимъ лицомъ, круглымъ и розовымъ; каріе глаза смотрять бойко и весело, а главное — умно; сочный ротъ улыбается, русыхъ волосъ хватить на три хорошихъ косы, прелесть, что за созданіе!

— Ну-съ, господа, — начала она, укладывая на столъ холеныя бѣлыя руки, — во-первыхъ, требуйте чего-нибудь порядочнаго, подороже, чтобы я имѣла право какъ можно дольше просидѣть съ вами; я давно не встрѣчала русскихъ и рада поболтать.

Спросили шампанскаго.

— Во-вторыхъ, — продолжала молодая женщина, разливая вино по стаканамъ, — говорите, кто вы такіе? Я терпѣть не могу сидѣть съ незнакомыми людьми и только для васъ, какъ соотечественниковъ, дѣлаю исключеніе.

Мы назвали свои имена.

— Вамъ не сродни писатель Амфитеатровъ? — спросила она меня.

— Это я самъ, но откуда вы знаете мое имя? Оказалось, что кельнерша выписываетъ большую петербургскую газету, гдѣ я въ то время преимущественно работаль.

— Вы не удивляйтесь, что я трачу свой заработокъ на журналы, — улыбалась она.

— Хоть я оторвалась отъ Россіи, а скучно безъ родного слова. Я вѣдь истая русачка, очень русская, какъ говорить тутъ у насъ въ оркестрѣ одна еврейка.

— А можно узнать ваше имя?

— Наталья Николаевна Голицына.

— Ой, какое громкое! — пошутилъ я.

— Да, это мое несчастіе. Помню, какъ въ «Подросткѣ» Достоевскаго: ваше имя? — Долгорукій. — Князь Долгорукій?. Нѣтъ, просто Долгорукій. Вотъ и я просто Голицына.

Чась отъ часу не легче! Выписываетъ русскія газеты, толкуеть о Достоевскомъ, что за фениксъ такой?

— Вашу фамилію, г. А., я запомнила, главнымъ образомъ, вотъ почему. Вы какъ-то разъ напечатали рассказъ на такой сюжетъ. Молодая дѣвушка дворянка, которой опостылѣли домашнія притѣсненія отъ любовницы ея отца, безхарактернаго и дряннаго че-

ловѣчишки, убѣжала изъ дому и поселилась въ деревнѣ у своей кормилицы. Вернувшійся изъ Америки братъ застаётъ сестру совсѣмъ опростѣлой; она даже собирается замужъ за крестьянина. Такъ я передаю?

— Да, была у меня такая повѣстуха¹), и остается лишь дивляться, какъ вы ее запомнили?

— Скажите: это вымышленная исторія или изъ дѣйствительной жизни?

— Развитие сюжета, конечно, вымыселъ; но основа — дѣйствительное происшествіе.

— Такъ.

Она тяжело вздохнула.

— Вы хорошо сдѣлали, что оставили свою героиню въ тотъ моментъ, когда она только собирается выйти замужъ за крестьянина. Потому что, если бы вы продолжили свою повѣсть, вамъ врядъ ли удалось бы выдержать тотъ сочувственный тонъ, какимъ вы все это рассказывали.

— Вы полагаете?

— Да, потому что я знаю это по опыту. И, если вы спросите меня: «какъ дошла ты до жизни такой?» — какъ угораздило меня, женщину изъ порядочнаго общества, не безъ образованія, недурную собой, попасть кельнершей въ константинопольскій кафе-шантанъ, — я вамъ отвѣчу: всему виною мое наизаконнѣйшее супружество съ Василиемъ Павловичемъ Голицынымъ, крестьяниномъ, вамъ всѣ равно, какой губерніи, уѣзда, волости и села. Положимъ, что «Горѣлова, Неѣлова, Неурожайки тожь». Въ супружество это меня толкнули чортъ и идея. А изъ супружества — послѣ двухъ лѣтъ каторги, слышите ли? *каторги* — вырвали необходимость и добрые люди.

Моя дѣвичья фамилія Сарай-Бермятова. Какъ видите, «во мнѣ кипѣла кровь татаръ». Однако, должно-быть, кипѣла очень давно. Я помню родословное древо въ кабинетѣ моего отца; оно было преогромное — корни крылись гдѣ-то за Дмитриемъ Донскимъ или Иваномъ Калитою. Мой отецъ-покойникъ, не тѣмъ будь помянуть, проѣлъ на своемъ вѣку нѣсколько состояній и, чтобы поправить дѣла, женился на купеческой вдовѣ, очень красивой, нельзя сказать, чтобы умной, но довольно богатой: тысячъ на двѣсти-триста капитала. Единственный плодъ этого брака — ваша покорнѣйшая...

Матери я не помню: мнѣ было три или четыре года, когда она умерла. Отца помню отлично: изящный такой, сѣдоватый джентльменъ съ постоянно французскою рѣчью и манерами маркиза. Говорять, смолоду былъ красавецъ и великій побѣдитель сердець. Сорокъ лѣтъ онъ прожилъ на свѣтѣ баловнемъ судьбы и превосходнѣйшихъ наслѣдствъ: все прямо въ ротъ летѣли жареные голуби. «Птичка Божія не знала ни заботы ни труда». Подъ старость онъ вдругъ вообразилъ себя дѣльцомъ. Выбрали его директоромъ банка. Какъ шли въ банкѣ дѣла, не знаю, но въ одинъ скверный день была назначена экстренная ревизія. Папаша въ это утро всталъ очень веселый. За кофе онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, шутилъ со мною и съ моей гувернанткою — весьма хорошенькою офранцузенной полькой; какъ я потомъ узнала, этой барынькѣ недоставало только развода съ первымъ мужемъ, чтобы сдѣлаться моей мачехой. Пришелъ изъ банка разсылный — сказалъ папашѣ, что его ждуть.

— Сейчасъ, сейчасъ, сейча-а-ась, — пропѣлъ папаша на мотивъ изъ «Периколы», — я готова, готова, готова... но тсс! объ этомъ ни слова... молчи!

Всталъ изъ-за стола, поцѣловаль меня въ голову, пожалъ руку гувернанткѣ, прошелъ, что-то насвистывая, въ свой кабинетъ и пустилъ себѣ пулю въ лобъ! Недѣли три шумѣли газеты о его рыцарскомъ расчетѣ съ собою: вотъ, молъ, какъ умираютъ Сарай-Бермятовы — порядочные люди, безъ страха и упрека — римляне XIX вѣка! Не

¹ См. рассказъ „Домашнія Новости“

знаю:можетъ-быть, это и впрямь очень красиво быть самоубійцей a la romaine, только римляне, кажется, не растрачивали предварительно чужихъ денегъ и не дѣлали нищими своихъ дочерей.

Осталась я одна-одинешенька: мнѣ шель уже восемнадцатый годъ. Моя гувернантка, оплакавъ своего покойнаго благодѣтеля, осушила глазки и поступила экономкою a tout faire къ одному мѣстному тузу. На прощаніе она дала мнѣ дружескій совѣтъ послѣдовать ея примѣру, если къ тому представится выгодный случай.

— У васъ ничего нѣтъ, вы ничего не знаете, избалованы, не готовы къ жизни; вы погубите свою молодость въ бесполезной борьбѣ съ нуждою. А между тѣмъ молодость и красота — капиталъ. Ma petite chérie! помните, что люди бываютъ молоды только разъ въ жизни. Берите счастье такимъ, какимъ оно васъ найдетъ.

Порядочное таки дрянцо была эта госпожа! Я ея не послушала, а вмѣсто того собрала свои пожитки, сколотила кое-какія деньжонки и махнула въ Питеръ учиться. Чему — я, когда ѣхала, еще сама не знала. Призванья у меня не было; все равно — чему, лишь бы потомъ самой зарабатывать хлѣбъ. Приѣхала: тпру! безъ диплома никуда не пускаютъ. Сунулась я экзаменоваться на домашнюю учительницу: провалилась! Хорошо, значить, учили дома. Пришлось готовиться сызнова.

Жилось ужасно бѣдно и чрезвычайно весело. Номерная жизнь и кухмистерскія свели меня съ множествомъ такихъ же, какъ и я, чающихъ движенія научной купели. Сложился живой кружокъ, подвижной и разнообразный; люди мѣнялись въ немъ, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ. Перевидала я молодежь всякихъ окрасокъ: и нигилистовъ rig sang, и социалистовъ по Марксу, и неосоциалистовъ, и народниковъ, и почвенниковъ, и толстовцевъ — и во всѣ эти окраски, разумѣется, и сама понемножку отливала цвѣтомъ, въ каждую по очереди. Я настоящая русская по натурѣ: въ какую среду ни упаду, сейчасъ же попаду въ тонъ, заражусь ея взглядами, вкусами, манерами. Одинъ ученый челоуѣкъ доказывалъ мнѣ, будто это великое качество русскихъ, будто, благодаря ему, они стали лучшими изъ колонизаторовъ. Лермонтовъ похвалилъ за него Максима Максимовича, а Гончаровъ — русскихъ матросовъ въ Японіи. Можетъ-быть, они и правы, судить не смѣю; только это качество, какъ мнѣ кажется, носить въ себѣ задатки большой безхарактерности, отсутствія самостоятельной мысли и самостоятельныхъ убѣжденій. Я ни на одномъ языкѣ не встрѣчала пословицы равносильной «съ волками жить по-волчьи выть»: это принципъ русской податливости и уступчивости.

Совсѣмъ было приготовилась я къ экзамену, — вдругъ въ одномъ кружкѣ наткнулась на проповѣдь опрощенія.

Проповѣдовалъ челоуѣкъ весьма интересный; я вамъ его не назову, но вы, вероятно, о немъ слышали.

Въ одномъ изъ его имѣній, въ глубокой провинціальной глуши уже образовалась маленькая колонія опростѣлыхъ. Онъ предложилъ и мнѣ поѣхать туда и тамъ отвѣдать трудовой жизни, покупая самоудовлетвореніе потомъ, болью въ поясницѣ и мозолями на рукахъ. Я согласилась. Экзамены — къ чорту, и помчалась.

Жизни моей въ колоніи рассказывать не стану.

Скажу только, что и здѣсь я, какъ кошка, упавшая изъ окна, сразу стала на четыре лапы: освоилась, вошла въ колею. Всего насъ было челоуѣкъ десять: изъ нихъ три женщины. Опростѣлыхъ колонистовъ враги ругаютъ кто лицемѣрами, кто бездѣльниками, кто шутами гороховыми. Я этого не скажу. Были въ нашей колоніи люди неискренніе, дурные, актеры, тартюфы, но были и славные ребята: честные, убѣжденные, съ глубокою вѣрою въ правду своего ученія и цѣлесообразность своихъ дѣйствій. И этихъ было большинство. Крестьяне немножко трунили надъ ними, считали насъ какъ бы юридами, а — какъ рабочую силу — презирали, но въ общемъ относились скорѣе дружелюбно, чѣмъ враждебно. Съ гордостью могу сказать, что я много способствовала этому дру-

желюбію. Мужики презирали колонистовъ и колонистокъ, главнымъ образомъ, за ихъ слабосиліе. Намѣренія-то у нихъ были самыя усердныя, да не хватало мускульной силы и выносливости, чтобы ихъ оправдать. Худенькая, истощенная, голодная, беременная крестьянская баба легко кончала въ полчаса работы, надъ которыми бились по два часа, измаивались до полного изнеможенія наши, здоровенные на взглядъ, мужчины. Между ними были настоящіе атлеты, а не выдерживали, надрывались.

— Что же это? — сокрушался нашъ общій любимецъ Сереженька Н. — Я вытягиваю на силомѣрѣ двѣнадцать пудовъ, поднимаю карету за заднее колесо, а пройду полосу съ сохою — и никуда не годенъ. А эти тщедушные мужичонки — какъ ни въ чемъ не бывало!..

Мое воловье здоровье и выносливость пришлось въ этомъ случаѣ очень кстати. По деревнѣ такъ и говорили:

— Всѣ господа съ усадьбы не стоятъ на работѣ мѣднаго гроша, а изъ Натальи Николаевны будетъ прокъ.

Дѣйствительно, работа у меня спорилась легко и весело; въ полѣ я не только не отставала отъ деревенскихъ дѣвокъ, а еще и обгоняла ихъ. Ничто такъ не сближаетъ, какъ общность работы. Впослѣдствіи я убѣдилась, что опроститься, т.е., стать крестьянкою вполне, переработать свою натуру на мужицкій ладъ, примѣнить себя цѣликомъ къ мужицкой средѣ — дѣло трудное. Но омужичиться — схватить внѣшность, хватки, рѣчь, даже на время пошибъ мысли, — очень легко; это совершается совсѣмъ незамѣтно, особенно, если Богъ надѣлилъ васъ хамелеоновскою подражательностью, про которую я вамъ говорила.

II.

Мѣсяца не прошло, а я омужичилась во всемъ, начиная съ наружности: коричневый загаръ, «румянецъ сизый на щекахъ», — всѣ эти прелести простонародной красоты получились налицо. У меня набралось полное село подругъ и пріятельницъ. Никого изъ нашей колоніи крестьяне не приглашали на помощь, какъ этого намъ страстно ни хотѣлось: вѣдь это было бы съ ихъ стороны признаніемъ нашей рабочей равноправности, равносильно блистательно выдержанному экзамену трудовой зрѣлости. Не тугъ-то было:

— Ну ихъ, господь, одно баловство: только портятъ, либо другихъ задерживаютъ, — говорили несокрушимые пейзажи и управлялись въ полѣ одни. Для меня дѣлали исключеніе и даже въ своемъ родѣ почетное: когда началась страда, меня не только звали нарасхватъ, но и ставили въ первые серпы. Первое время было страшно трудно: «ноетъ спинушка, руки болятъ», не разогнутся потомъ. Такъ тѣло изболить — хоть плачь! Но самолюбіе заставляло меня владѣть собою: помилуйте! какъ же! такой почетъ, — мы горимся за мужиками, а они насъ знать не хотятъ, и только одну меня считаютъ своею, и вдругъ я покажу имъ, что я такая же слабосильная, слабовольная и неумѣлая дрянь, какъ всѣ?! Да еще оглядишься: больныя, беременныя — всѣ бабы въ полѣ, всѣ гнутъ спину и не жалуются. Такъ мнѣ-то какъ же уставать и жаловаться? Даже, бывало, станеть совѣстно за свою силу и здоровье, когда сравнишь себя съ другими. Перетерпѣла я нѣсколько дней усталости непомѣрной, до слезъ доходящей, а потомъ и обошлась; стало все легче, легче. Вообще мое мнѣніе таково: нѣтъ физической работы, съ которою нельзя свыкнуться, — нужно только упорство и постепенность упражненія. Не надорвешься сгоряча по первому началу, тогда одолѣешь трудъ, втянешься въ него и даже его полюбишь.

— Наталья уважить, не выдасть, — хвалили меня въ деревнѣ.

Да съ, изъ Натальи Николаевны я была пожалована въ Натальи, Наташи и даже Наташки. Какое упоеніе! Я увѣрена, что за такую честь три нашихъ колонистки отдали бы по году жизни; но — уввы! — одна изъ нихъ была чахоточная, другая истеричка, а тре-

тъя, хоть и здоровая, но говорила иной разъ удивительныя фразы.

— Ахъ, дорогая Наталья Николаевна, я такъ боюсь, что, когда прїѣдетъ NN (нашъ хозяинъ — покровитель), онъ останется мною недоволенъ. Я далека отъ народа, ужасно далека. Но что же мнѣ дѣлать? Намѣренія у меня самыя добрыя, но отъ нихъ такъ пахнетъ.

— Отъ намѣреній?!

— Ахъ, вы привязываетесь къ словамъ! Отъ мужиковъ.

Или:

— Вотъ вы не побоялись загорѣть, и это вамъ даже идетъ. А я? Вѣдь это ужасъ подумать: на что я буду похожа при загарѣ съ моими бѣлыми волосами?

Однажды же она разрѣшилась искрениѣйшимъ и поистинѣ великолѣпнымъ афоризмомъ:

— Если бы NN разрѣшилъ мнѣ пудру и, хоть цвѣточный одеколонъ, я думаю, что мое опрощеніе пошло бы гораздо лучше.

— Вы, Лида, напишите объ этомъ Толстому: спросите, можетъ быть, и позволяется, -посоветовала я насмѣхъ.

Она подняла на меня свои наивные круглые глаза.

— А что? Вѣдь это идея!

Писала она Толстому о пудрѣ и одеколонѣ или нѣтъ, — не знаю. Въ колоніи она пробыла недолго: очаровала мѣстнаго земскаго врача и вышла замужъ, утративъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякое тяготѣніе къ опрощенію, какими наградила ее NN... Впослѣдствіи она откровенно говорила:

— Если бы я не была влюблена въ NN. какъ кошка, разумѣется, не пошла бы въ эту несносную мужицкую кабалу. Я думала, что мое геройство ему понравится, а онъ и вниманія не обратилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, NN. какъ истый фанатикъ, былъ совершенно равнодушенъ къ женщинамъ; это доходило въ немъ до наивности; самъ весь отдавшись одной идеѣ, онъ не понималъ и въ другихъ иныхъ стремленій, желаній и слабостей.

Опишу вамъ и другихъ моихъ товарокъ. Одна — чахоточная дѣвушка изъ купеческаго званія — пришла въ колонію потому, что «все равно, гдѣ ждать смерти». Ей было лѣтъ подъ тридцать. Это было существо молчаливое, кроткое, спокойное и съ огромною силой воли. Она имѣла рѣшимость отказать любимому жениху потому, что, вѣря въ наслѣдственность своей болѣзни, не считала себя въ правѣ имѣть потомство. Въ колонію она поступила, какъ другія поступаютъ въ монастырь. Она прїѣхала къ намъ, глядя на осень, и, протянувъ кое-какъ зиму, умерла съ первыми вѣшними водами.

Другая — совсѣмъ молоденькая — была изъ типа «талантливыхъ неудачницъ»: плохая копія съ Маріи Башкирцевой. Очень хорошенькій черноглазый вертлявый чортенокъ съ оливковымъ лицомъ, лихорадочными глазами въ столовую ложку величиной, безпорядочной насмѣшливой и капризной рѣчью, смѣшными ужимками и двумя непремѣнными истериками въ день. Готовилась въ актрисы, дебютировала, провалилась, спервахватила нашатырю на гривенникъ, а потомъ, когда ее выходили, сама не зная зачѣмъ, попала къ намъ.

Были у насъ гости, временныя и проходящія. Помню одну вдову-купчиху изъ Москвы: красивую, могучую женщину съ спокойною рѣчью и степенными манерами; ей у насъ не понравилось, она ушла «на волю» послѣ недѣли житія въ колоніи и очень звала съ собою и меня, и оливковую Катю.

— Вамъ замужъ надо, — говорила она, — эй, смотрите: плохо будетъ. Раскайтесь, да поздно. Вамъ головы не сносить: скверно кончите.

Помню одну польку изъ Кіева. Что эту къ намъ занесло, рѣшительно не понимаю. Она повертѣлась у насъ дня два въ полномъ недоумѣніи: что мы за люди? Куда это она

попала? Наконецъ, надо полагать, рѣшила, что мы дураки, и не только жить съ нами, но и думать-то о насъ не стоитъ.

— О, душко, якъ же у васъ тенскно, — сказала она мнѣ вечеромъ во вторникъ, а утромъ въ среду я узнала, что нашей гостыи уже и слѣдъ простылъ.

Колонія очень гордилась моею приспособленностью къ крестьянскому быту. NN писалъ мнѣ восторженные письма: онъ видѣлъ во мнѣ какъ бы воплощеніе своей идеи, доказательство, что она не миѡ, не бредъ, что привить культурную натуру къ почвѣ и ручному труду вовсе не такая тяжелая задача, какъ думаютъ. До какой степени все это меня разжигало и прищпоривало, вы и вообразить не можете. Я, не шутя, возомнила себя въ нѣкоторомъ родѣ звеномъ, должнымъ связать въ одно цѣлое великую цѣпь между бариномъ и мужикомъ.

Въ эту-то пору и выплылъ на свѣтъ вопросъ о Василии Павловичѣ Голицынѣ и моемъ съ нимъ законномъ бракѣ.

Васька Голицынъ былъ круглый бобыль: дворъ у него кое-какой былъ, но во дворѣ ни кошки, ни плошки, а только мальченка лѣтъ семи отъ первой жены, которую Василий похоронилъ года три назадъ. Отъ земли онъ отбился, а жилъ — чѣмъ Богъ пошлетъ; мастачилъ на всѣ руки, — и кузнецъ, и столяръ, и слесарь, и мѣдникъ, и лудильщикъ. Способностями природа не обидѣла, но въ отместку наградила необузданною лѣнью, страстью къ выпивкѣ и стремленіемъ къ трактирной культурѣ, къ «спинжаку», какъ окрестилъ это Глѣбъ Успенскій. Онъ презиралъ сѣрое мужичье, водился съ волостнымъ писаремъ и сельскимъ учителемъ, весьма франтоватымъ и недалекимъ по уму юношей изъ купчиковъ, бѣгающихъ отъ воинской повинности. Тогда это еще практиковалось. Къ намъ онъ заходилъ «для образованнаго общества». Мужчины Ваську не любили.

— Это культуртрегеръ кабацкаго пошиба, — горячился Сереженька, — жилетка, гармоника, дутые сапоги, сладкая водка, «барышня, дозвольте раздѣлить компанію», вотъ это что! Дайте ему деньги, — онъ сейчасъ либо кабакъ откроетъ, либо начнетъ торговать землей. Въ немъ кулакъ сидитъ, зерно кулачское.

Мы, женщины, относились къ Василию съ большею терпимостью. Во-первыхъ, съ нимъ было не скучно, а когда онъ старался быть любезнымъ, то оказывался совсѣмъ комикомъ: точно медвѣдъ пытается протанцѣвать качучу. Во-вторыхъ, онъ выглядѣлъ все же почище и болѣе отесаннымъ, чѣмъ сѣрая масса, окружавшая насъ; да — что грѣха таить? — и нѣкоторые изъ нашихъ колонистовъ, въ своемъ благомъ усердіи уподобиться мужику, пересаливали въ неряшествѣ и доходили до немалаго свинства. Иногда это сильно надоѣдало, утомляло, раздражало, казалось актерствомъ, рисовкою: люди кокетничали нечистоплотностью, какъ другіе кокетничаютъ «красой ногтей». Изъ себя Василий былъ молодецъ: большой, широкоплечій парень; зубы — какъ сахаръ, всегда ослепленные улыбкою. Наши мужчины находили эту улыбку фальшивую и непріятную.

— Онъ — каналья, вашъ Васька Голицынъ, — увѣряли они (мы находили особенное удовольствіе дразнить товарищей, выхваляя Василья), — онъ себѣ на умѣ. Балагурить, а въ умѣ считаетъ да прикидываетъ. Вы посмотрите, какіе у него глаза — холодные, жесткіе, наглые; самъ смѣется, а глаза и не улыбнутся.

Какъ-то разъ, на жнивѣ одна изъ подружекъ, полуднуя, говоритъ мнѣ:

— Что Васька Голицынъ къ вамъ все ходитъ?

— Да, бываетъ.

— Гмъ... это онъ для тебя ходитъ!..

— Что выдумала!

— Ничего не выдумала: самъ намедни въ трактирѣ похвалялся — переложилъ лишнее за бѣлую шею и развелъ разговоры.

Помолчали.

— Ты, Наташа, будь съ нимъ осторожнѣе. Онъ — парень, что говорить, ладный, но свинья. Черезъ него не одна дѣвушка плакала.

— Ну, я не таковская, не заплачу. Съ чѣмъ подойдетъ, съ тѣмъ и отойдетъ.

Деревенское ухаживанье не было для меня новостью; молодежь, освоившись съ моимъ обществомъ, не дѣлала большой разницы между мною и своими дѣвушками. Знала я и медвѣжьи ласки — бухъ ладонью со всего размаха въ спину: верхъ любезности! Умѣла и отвѣчать на нихъ кулакомъ и — когда переведешь духъ, занявшійся отъ тяжелаго удара, — градомъ любезной ругани, — не для обиды, а по душѣ. Но серьезно за мною никто не ухаживаль, помнили всетаки, что я имъ не пара.

III.

Мнѣ было двадцать лѣтъ. Я была сильна и здорова, красива, полна жизни. Миръ, куда бросила меня судьба, мнѣ не былъ противень. Раздумавшись надъ словами моей подруги, я убѣдилась, что и Василій мнѣ не противень, даже, пожалуй, нравится. Я написала NN письмо, спрашивая совѣта, какъ думаетъ онъ, итти ли мнѣ замужъ за крестьянина, если представится къ тому случай? Отвѣтъ получила самый восторженный: вы, моль, завершите этимъ подвигомъ такъ блистательно начатое дѣло и т. д., и т. д.

Въ одинъ весьма жаркій полдень Василій Голицынъ подкараулилъ меня на огородахъ и, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, набросился на меня съ самыми рѣшительными объятіями; мнѣ понадобилась вся моя сила, чтобы отъ него отвязаться.

— Баловаться не смѣй, — приказала: я ему, — а садись, да поговоримъ. Если я тебѣ пришлась по нраву, то и ты мнѣ не противень. О дуростяхъ и думать оставь, но коли хочешь сватать — сватай: пойду за тебя.

— А деньги какія-нибудь есть за тобою? — спросилъ онъ, почесывая затылокъ, съ весьма озабоченнымъ видомъ. — Потому — любя ты мнѣ очень, но только безъ денегъ мнѣ никакъ нельзя жениться: прямо тебѣ скажу, — изба врозь лѣзетъ, въ долгу, какъ въ шелку, да вѣдь ты же еще и балованная, — будетъ тяжко.

Я ему указала, сколько у меня денегъ, т.-е. во что я могу обратить все, что имѣю. Вышло, какъ мы посчитали, около шестисотъ рублей. Василій просіялъ.

— Тогда и говорить нечего; этакой другой невѣсты, хоть весь свѣтъ обойди, не найти. По рукамъ, стало-быть, и шабашъ! На Покрова будемъ справлять свадьбу.

Расцѣловались и объявились женихомъ и невѣстой. Въ колоніи извѣстіе о моемъ предстоящемъ бракѣ было принято довольно двусмысленно. Мужчины продолжали толковать, что Васька Голицынъ не мужикъ, и что если ужъ я непременно хочу проявить на своемъ примѣрѣ торжество идеи, то должна бы выбрать въ мужа крестьянина, крѣпко сидящаго на землѣ, настоящаго Микулу Селяниновича. Чахоточная Агнія все вздыхала и качала головой, — очень ужъ ей жаль было меня. Катя по обыкновенію рыдалась до истерики, Лидочка вытаращила на меня свои круглые глаза:

— Но вѣдь онъ пьяница, та chege!! Однимъ изъ непремѣнныхъ условій брака я поставила Василію, что онъ броситъ пить, если не вовсе, то хоть пить допьяна. Онъ обѣщаль, клялся, божился, крестъ цѣловаль, икону снималь.

Наличными деньгами у меня было рублей двѣсти. Сто изъ нихъ я отдала Василью на поправку избы, сто истратила на себя.

Время жениховства летѣло быстро, и не скажу, чтобы неприятно. Я всегда была искательницей сильныхъ ощущеній, а какое же ощущеніе можетъ быть сильнѣе игры со звѣремъ? А Василій былъ именно звѣрски влюбленъ въ меня. Когда я выбѣгала на свиданье съ нимъ, право, иной разъ становилось жутко. Сказывался въ немъ медвѣдь, готовый растерзать, задушить. Раза три или четыре мнѣ приходилось серьезно прибѣгать къ кулаку, чтобы унимать его увлеченія. Это ему даже нравилось.

— Эка дѣвка!.. Эка звѣрь-дѣвка! — восклицаль онъ и, въ знакъ удовольствія, хлопалъ себя картузомъ по колѣнамъ.

Была я въ него влюблена? Не знаю. Глядя по тому, что называть влюбленностью. Въ огонь и воду за своего жениха я не пошла бы, и героемъ романа, хотя бы даже сермяжнаго, его не воображала. Но, повторяю, играть съ нимъ, какъ со звѣремъ, было очень интересно и увлекательно. Его чувственная страстность льстила мнѣ, заражала меня до такой степени, что временами мнѣ становилось скучно безъ этого флирта а la russe, и я съ самой живою радостью встрѣчала своего жениха, когда наступалъ часъ свиданья. Кровь играла, а вѣдь говорю же вамъ: «во мнѣ кипѣла кровь татаръ». Во всякомъ случаѣ, думаю, что въ то время никакія увѣщанія, никакіе совѣты, никакіе запреты не удержали бы меня отъ этого брака.

И вотъ, я— жена, баба. Сначала все, казалось, шло хорошо. Очень много труда, хлопотъ, но ихъ я не боялась. Очень много грубыхъ и наивныхъ ласкъ: отъ нихъ я шалѣла. Вотъ когда я дѣйствительно была влюблена въ моего Ваську! Работа, да ласки, ласки да работа, — такъ и слагалась жизнь. Но уже съ перваго дня я замѣтила, что мой мужъ вовсе не смотритъ на меня, какъ на женщину; что я самка, вещь пріятная, потому что она красива, покорна, доставляетъ много удобства, рабочей выгоды и домашняго наслажденія; но въ то же время — вещь, которая не имѣетъ ни самостоятельной воли, ни мнѣнія, которая должна жить такъ, какъ ей мужъ приказываетъ, и не поднимать своего голоса, если не спрашиваютъ; когда же милостиво спросятъ, поднять робко, просительно, совѣщательно, — не больше. Василій никогда не спрашивалъ моихъ совѣтовъ. Онъ все дѣлалъ самъ и показывалъ мнѣ уже сдѣланнымъ; онъ взялъ мои деньги — и открылъ на нихъ въ селѣ лавочку, меня же усадилъ въ нее торговать, какъ я ни спорила противъ того, что онъ оторвался отъ земли.

— Глупая, — убѣждалъ онъ, — что въ землѣ хорошаго? Земля — грязь, а торговля дѣло чистое.

Не знаю, правъ ли былъ Сереженька, когда увѣрялъ, будто изъ Василія долженъ выработаться кулакъ. Думаю, что нѣтъ. Слишкомъ широкая, разгульная натура была у моего супруга — сбивать деньгу было не въ его характерѣ. Торговля наша шла хорошо, но онъ, ради одного бахвальства, иной разъ пускалъ ребромъ послѣдній грошъ: поилъ пріятелей, зазывалъ и принималъ ночевать проѣзжающихъ купцовъ, съ единственною цѣлью похвастаться, какая у него нарядная изба и красивая жена «изъ барышень». Мои возраженія онъ пускалъ мимо ушей, смѣялся, не давалъ мнѣ спорить, всякій серьезный разговоръ переводилъ въ медвѣжьи ласки, на которыя я, къ сожалѣнію, была слишкомъ уступчива. Потомъ началъ скучать моимъ вмѣшательствомъ, не разъ обрывалъ меня, иной разъ даже при чужихъ, угрюмо замѣчая:

— Ну, поговорила, и будетъ. У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.

Или еще что-нибудь въ томъ же миломъ родѣ. Онъ довольно долго держалъ свое слово: не пилъ.

Но какъ-то разъ его прорвало. Пошелъ въ гости къ сельскому учителю и вернулся пьянѣй вина. Это было мѣсяцевъ пять спустя послѣ нашей свадьбы. Я уже спала. Онъ меня разбудилъ, началъ извиняться и нѣжничать. Я была, въ страшномъ негодованіи и оттолкнула его.

— Поди прочь! ты мне крестъ цѣловаль, что не будешь пить, и присяги не сдержалъ. Ты скотъ. Отъ тебя кабакомъ несетъ. Тогда-съ. Онъ въ эту минуту держалъ въ рукѣ только что снятый сапогъ, и, не сказавъ ни слова въ отвѣтъ, пустилъ мнѣ этотъ сапогъ въ лицо. А затѣмъ на меня посыпался градъ ударовъ. Я не успѣвала ни защищаться, ни кричать; меня молча били, я молча принимала побои. А когда я опомнилась, все было кончено: я уже боялась своего мужа, я была покорена.

Одинъ умный человекъ сказалъ: дикая лошадь покоряется объѣздчику вовсе не потому, что онъ сильнѣе или умнѣе; она только сознаетъ въ немъ волю болѣе упрямую и злую, чѣмъ ея собственная. Она инстинктивно чувствуетъ, что, безопасный отъ ея ко-

пытъ и зубовъ, онъ будетъ ее тиранить до тѣхъ поръ, пока она не сознаетъ его превосходства и своего рабства.

Со мною происходило то же самое. Лежа подъ кулаками, я сознавала лишь одно: если я сейчасъ закричу, стану бороться, онъ забьетъ меня на смерть. И, если бы вы видѣли Василія, вы согласились бы, что онъ способенъ былъ вколотить жену въ гробъ, но не позволить ей торжествовать надъ собою.

Поутру видъ моего, покрытаго синяками, лица нимало его не сконфузиль.

— Помни, Наташка, — пригрозилъ онъ: — я горячій! Мнѣ теперь жаль, что такъ вышло, но сама виновата. И всегда такъ будетъ, коли ты станешь носъ подымать, оказывать надо мною свою волю. Знай сверчокъ свой шестокъ. Бабѣ дѣло — у печки.

Нравственнаго состоянія своего послѣ этой-ужасной ночи я не могу описать. Стыдно себя, стыдно сосѣдей, — сожальють, охаютъ, а за спиною показываютъ пальцами, хохочутъ; что, молъ, барышня, отвѣдала мужниныхъ кулаковъ? И сознание полной безвыходности положенія. Вѣдь, по общему мнѣнію, Василій имѣлъ право распорядиться такъ: вѣдь онъ мужъ. Вся деревня скажетъ это въ одинъ голосъ. Всѣхъ бабъ мужья бьютъ, — чѣмъ я святѣ другихъ, что мой не будетъ меня колотить?

Онъ владѣлецъ, а я вещь, собака, ничтожество. Меня не зачѣмъ любить, меня нельзя уважать, мною можно только распорядиться. Мнѣ — съ позволенія вашего сказать — «набьютъ морду», а потомъ прикажутъ обниматься, и я утирай слезы, обнимайся. Гдѣ же моя волюшка? воля-то гдѣ? Какой злой духъ ослѣпилъ мнѣ глаза, позволилъ мнѣ охотою итти въ каторгу?

Хотѣла бѣжать. Но куда? У меня ни гроша за душой, прежніе знакомые отъ меня отказались, изъ колоніи мужъ всегда меня вытребуетъ. Тамъ сами-то живутъ — дрожать: будемъ ли цѣлы. Полиція, какъ Аргусъ стоглазый, за ними слѣдитъ. Гдѣ же имъ защищать меня? Чтобы уйти въ Петербургъ, въ Москву — нуженъ паспортъ; да и оттуда вѣдь можно выписать бѣглую жену по этапу. Куда ни кинь, всюду клинь. И все-таки я думаю, что убѣжала бы. Но, я была беременна. Какъ же — думалось — бѣжать отъ отца своего ребенка? Да и совѣстно: бѣжать, не выдержавъ перваго же испытанія. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, было итти замужъ съ такими громкими словами, такими красивыми приготовлениями и проектами?

Разсказывать вамъ мою дальнѣйшую жизнь въ супружествѣ было бы неинтересно: слишкомъ однообразно. Скажу одно: къ концу года я ненавидѣла Василія такъ, какъ, я думаю, рѣдкой женщинѣ случалось ненавидѣть мужчину; ненавидѣла тѣмъ злѣе, что приходилось ненавидѣть молча. Каждое неосторожное слово вызывало ссору и драку. Василій чувствовалъ мою ненависть въ самой моей безсловесной покорности; онъ раздражался этимъ чувствомъ, старался, чтобы я высказалась, задиралъ меня и, когда доби- вался своего, приходилъ въ страшный гнѣвъ ну, и билъ, конечно.

Родился сынъ. Это насъ примирило было, сблизило. Что касается Василія, онъ прямо-таки снова влюбился въ меня: такъ онъ былъ счастливъ этимъ ребенкомъ. И... чортъ насъ, женщинъ, разберетъ! Представьте, что и я разнѣжилась, опять повисла къ нему на шею, и мы пережили второй медовый мѣсяцъ. Было же у меня, значить, какое-то серьезное чувство къ нему, скоту!.. Но тутъ примѣшалось новое осложненіе. Онъ со- наваль, что очень много виноватъ противъ меня, и боялся, что я его грѣховъ не прощу, не забуду и уже больше любить его не могу. Конечно, ничего подобнаго онъ не говорилъ, но я это чувствовала, — въ особенности, по новой радости, какую подарила мнѣ судьба: Василій сталъ слѣпо ревновать меня ко всѣмъ мужчинамъ. Я должна была просить колони- стовъ, чтобы они перестали навѣщать меня, потому что каждое посѣщеніе давало поводъ къ страннымъ сценамъ.

— Надоѣло мужичкой быть? Опять въ барыни захотѣлось? — кричалъ Василій, какъ бѣшенный, — и ужъ тутъ надо было либо виснуть на шею: миленькій, молъ, золотой!

да Богъ съ тобою! что ты! что ты! я тебя люблю, люблю... промѣняю ли я тебя на кого-нибудь?!.. Либо, если ужъ слишкомъ кипѣло въ душѣ и не подъ силу было лицемѣрить, то — хоть молчать... молчать, какъ рыба, потому что онъ самъ себя не помнилъ: пѣна у рта, налитая кровью глаза, — и что попало въ руки: полѣно, такъ полѣно, безмень, такъ безмень.

Стоило мнѣ поговорить съ кѣмъ-либо изъ деревенскихъ парней или молодыхъ мужиковъ, — онъ начиналъ сцену по другой логикѣ.

— Если ты, барышня, не побрезговала выйти за меня, Ваську Голицына, такъ не постыдишься повѣситься на шею и Петру, Сидору, Карпу и Ивану.

Словомъ, я жила подъ вѣчнымъ страхомъ, что не нынче — завтра мнѣ проломаютъ черепъ; по той или другой логикѣ, но проломаютъ неизбѣжно.

Между тѣмъ я готовилась быть матерью во второй разъ. На переломѣ этого положенія, Васька, какъ нарочно, запилъ, и сцены повторялись по нѣскольку разъ на день. Изъ колоніи давно уже звали меня бѣжать, предлагали доставить мнѣ, если не отдѣльный видъ, то заграничный паспортъ. И вотъ однажды, когда мой мужъ, утомленный водкою и гнѣвомъ, храпѣлъ на печи, а я подбирала съ пола волосы, выдранные изъ моей косы, я рѣшила, что мнѣ ждать лучшаго нельзя. Моя жизнь вылилась въ общій типъ жизни деревенской бабы: тяжкій, гнетущій трудъ съ утра до ночи, временныя грубыя и оскорбительныя ласки, каждый день синяки и каждый годъ ребенокъ. Надо было спастись, пока была возможность.

Я совершенно хладнокровно взяла изъ зыбки ребенка, накинула на себя тулупъ и вышла изъ избы въ колонію. Два часа спустя, я уже мчалась, — спрятанная подъ сѣномъ, на днѣ саней, — въ городъ къ желѣзнодорожной станціи, а на завтра была въ Москвѣ у вѣрныхъ и добрыхъ людей. Мужъ искалъ меня со всею энергіей, на какую онъ былъ способенъ, когда хотѣлъ. Но найти было трудно: чужой паспортъ далъ мнѣ возможность убраться за границу.

Мои здѣшнія похождения коротки и не интересны. Я очутилась въ Вѣнѣ, съ ребенкомъ на рукахъ и чуть не накануне вторыхъ родовъ. Маленькихъ деньжонокъ, какими снабдили меня въ Россіи, достало, чтобы не умереть съ голода въ это тяжелое время. Мнѣ совѣтовали пробраться въ Швейцарію, слушать лекціи въ Бернѣ или Цюрихѣ. Но когда мнѣ было учиться, если приходилось кормить себя и двухъ ребятъ? Надо было зарабатывать хлѣбъ. Какъ? Чѣмъ? Въ отчаяніе приходила: разставаться съ ребятами не хотѣлось, а съ ними никто не беретъ, конечно, ни въ бонны, ни въ няньки, ни въ горничныя. Скрѣпя сердце, отдала дѣтей въ деревню, въ Штиріи, крестьянкѣ-кормилицѣ, а сама поступила горничною въ отель *des etrangers*. Доходы были плохіе: дѣти все съѣдали. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, поссорилась съ управляющимъ, лишилась мѣста, осталась только что не на улицѣ. Трудно было, ужасно трудно. Лѣзутъ какія-то маклерши съ скверными предложеніями... Попробовала, не гожусь ли я въ пѣвицы, дебютировала въ какомъ-то кафе-концертѣ въ качествѣ *1a belle russe*... то-то проваль былъ! Ни таланта, ни голоса, ни задора. Оставалось одно: либо — продаваться, либо — въ статистки пантомимы, за крону въ вечеръ, то есть опять таки продаваться, такъ какъ на крону въ сутки и kota не накормишь, не то что взрослую женщину, да еще съ двумя дѣтьми за плечами. Тутъ мнѣ подвернулась — проѣздомъ изъ Константинополя — содержательница здѣшняго кафе-шантана. Она французенка и отличная женщина: не смѣйтесь, — очень нравственная, на свой образецъ, разумѣется.

— Милая, — говоритъ, — вы красивы, молоды, производите впечатлѣніе на мужчинъ, можете привлекать публику. Не хотите ли распорядиться у меня въ заведеніи буфетомъ? Вамъ, конечно, придется имѣть дѣло съ самымъ разнообразнымъ народомъ, съ обществомъ смѣшаннымъ, не всегда приличнымъ, но, слова къ вамъ прилипать не будутъ, поступковъ же дурныхъ ни я, никто другой отъ васъ не потребуетъ. А доходы бу-

дутъ: въ два, три года можно сколотить деньжонки:

Я подумала, рѣшила, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, и согласилась. И вотъ второй годъ я здѣсь. Хозяйка была совершенно права: много дурныхъ мыслей, скверныхъ жестовъ, сомнительныхъ словъ, фамильярности, но *факты* зависятъ не отъ публики, а отъ васъ самихъ. Я ихъ не хочу, и ихъ нѣтъ. Меня здѣсь любятъ. Мои «бакшиши» вдвое, втрое больше, чѣмъ даютъ другимъ. У меня уже есть тысяча франковъ, отложенныхъ въ «Credit Lyonnais». Наколочу другую-третью, и тогда видно будетъ, что надо дѣлать...

1896

НЕЛЛИ РАИНЦЕВА.

Когда Нелли Раинцеву, обмытую и одѣтую въ бѣлое платье, положили на столъ въ огромномъ залѣ, изъ простѣнковъ котораго на эту бѣлую неподвижную невѣсту смерти равнодушно смотрѣли, изъ-подъ чернаго крепа, такіе же бѣлые и неподвижные мрачные боги, — Таня, личная горничная умершей барышни, хорошенькая, сама похожая на барышню, дѣвушка съ заплаканными глазками, отправилась убирать комнату покойницы.

Убирала она недолго, а вышла изъ комнаты блѣдная, съ сухими глазами, полными испуга и сердитаго удивленія. Она прошла въ свою каморку, затворила дверь на крючокъ, вынула изъ кармана нѣсколько мелко исписанныхъ листковъ голубой бумаги и, усѣвшись на сундукъ, принялась читать.

Я, Елена Раинцева, пишу эти признанія, намѣреваясь сдѣлать съ собою что-нибудь такое, отчего бы я умерла. Пусть знаютъ люди, отчего я умерла. Если только узнаютъ!.. Потому что передать эти листки лично или сказать, гдѣ ихъ по смерти моей искать, родителямъ ли моимъ, друзьямъ ли, я, пока дышу, не въ силахъ: недостаетъ духа и я ихъ, по мѣрѣ того какъ пишу, прячу подъ матрацъ. Найдеть эти листки, вѣроятно, моя горничная Таня. Она, конечно, ихъ прочтетъ, такъ, какъ она вообще очень любопытная, а потомъ — между мною и ею есть тайна. Таня если ты доведешь мои листки до папа и мама, то, разумѣется, очень огорчишь... нѣтъ: раздражишь ихъ. Поэтому совѣтую тебѣ прибегнуть къ находку до того дня, когда тебя выгонять отъ насъ. А этого — по смерти моей, когда некому будетъ за тебя заступаться — ждать недолго, потому что ты дерзкая, безсовѣстная и распутная. До чувствъ папа и мама мнѣ нѣтъ никакого дѣла: они меня не любили и не берегли, а если бы любили и берегли, не сдѣлалось бы того, что мнѣ надо умирать. Они мнѣ ничего не могутъ за листки мои сдѣлать, потому что я тогда буду мертвая, а что съ ними отъ листковъ моихъ будетъ, мнѣ все равно, все равно.

Папа — дѣлецъ и игрокъ. мама — свѣтская женщина. Мнѣ двадцать четвертый годъ, а она еще кокетничаетъ съ бывающими у насъ молодыми людьми и только ли кокетничаетъ? Я сама слышала, какъ этотъ большой дуракъ въ мундирѣ, Петька Аляповъ, сказалъ про мама своему товарищу, Эльту, что она «невредная баба». Тогда я чуть не расплакалась, мнѣ хотѣлось подбѣжать и ударить Петьку, сказать, что стыдно такъ, что онъ, негодяй. Не знаю, какъ я совладала съ собою.

Петьку я до сихъ поръ ненавижу. Потому что, если прежде мама меня не любила т.-е. нѣтъ: была ко мнѣ безразлична, — любить и не любить она не можетъ! — то я-то очень ее любила, уважала ее, любовалась на нее, у меня къ ней было что-то въ родѣ инстинктукаго обожанія. А теперь мнѣ все равно, все равно...

Папа не до меня изъ-за биржи и клуба; вѣдь состоянія у него нѣтъ, а между тѣмъ онъ ворочаетъ сотнями тысячъ; онѣ то приходятъ, то уходятъ, и разница между ихъ приливомъ и отливомъ составляетъ тѣ десятки тысячъ, что мы проживаемъ въ годъ. Мама не до меня, потому что она — «невредная баба». Ну, а я-то сама что такое? Барышня, владѣющая четырьмя языками, разнообразными будто бы талантами, репутаціей ма-

ленькой эксцентричности и наружностью довольно бы пріятною, не будь въ ней чего-то... какъ это сказать? — ненастоящаго, что ли?.. дряблага, вялага, что меня злитъ и возмущаетъ и отъ чего я никогда и никакими средствами не умѣла отдѣлаться. Точно тѣ цвѣточки земляники, что сдуру, вдругъ, спустя лѣто, возьмутъ и расцвѣтутъ наканунѣ осени на истощенной и отдыхающей почвѣ — жалкіе, мятые какіе-то, безъ завязи.

Репутацію таланта я заслужила тѣмъ, что немножко рисую, немножко лѣплю, немножко играю, немножко пою, немножко сочиняю стихи — и всѣ эти немножко — немножко лучше, чѣмъ у всѣхъ нашихъ знакомыхъ барышень. Однако, когда я, вообразивъ себя будущею великою піанисткою, отправилась къ покойному Антону Рубинштейну и сыграла ему рапсодію Листа, которую долбила два мѣсяца, которою отравила жизнь и себѣ самой, и всѣмъ домашнимъ, Рубинштейнъ поморщился и сказалъ:

— Лучше, барышня, выходите-ка замужъ!

Такъ же безошадны оказались ко мнѣ Семирадскій, Антокольскій, Эверарди... Словомъ я диллетантское ничто, никогда неспособное достигнуть хотя бы микроскопическаго художественнаго нѣчто.

Репутацію эксцентричности я нажила тѣмъ, что стихи мои дурны и тяжелы, но полны дикихъ красокъ и сладострастныхъ образовъ, взятыхъ напрокатъ у Катюль Мендеса, Ришпена, Верлэна, Ростана; тѣмъ, что книги, которыя мои сверстницы читаютъ потихоньку, ночью, изъ-подъ подушки, открыто лежатъ на моемъ письменномъ столѣ; тѣмъ, что я умѣю фехтовать и смѣло скачу на лошади черезъ канавы и заборы; тѣмъ, что я не разъ переодѣвалась мальчикомъ и тайкомъ исчезала съ гусарской компаніей моихъ кузеновъ въ какой-нибудь шикарный шато-кабакъ, при чемъ эти балбесы относились ко мнѣ съ такимъ восторженнымъ удивленіемъ, точно я, по меньшей мѣрѣ, Жанна д'Аркъ и, выпивая стаканъ шампанскаго и слушая двусмысленности, спасаю отечество.

И вся-то моя эксцентричность «съ разрѣшенія начальства». Мама однажды сказала мнѣ:

— Ma petite, je vous salue: vous avez votre petit peu d'esprit. У кого нѣтъ средствъ блистать, какъ Рекамье, той надо заставить замѣтить себя, прикинувшись хоть Маріей Башкирцевой.

Это ли не *carte blanche* на самую широкую программу?

У меня — это входитъ въ программу — есть свои знакомыя; онѣ не приняты у маи, если бывають у меня, проходятъ прямо ко мнѣ, въ мою комнату, и сидятъ въ ней все время визита. Но чаще я бываю у нихъ, потому что онѣ бѣдныя и гордыя и боятся, не подумали бы о нихъ, что онѣ «обивають пороги» у богатой подруги-аристократки. Вѣдь папа и мама увѣрены, что мы аристократы, и я, за неимѣніемъ правъ на болѣе определенное званіе, должна съ ними согласиться: пускай будемъ аристократы! Хотя, на самомъ-то дѣлѣ, я знаю, что такое аристократія, и это ужъ никакъ не мы, конечно. Аристократъ — это князь Липецкій.

Онъ не играетъ на биржѣ, не директорствуетъ въ кредитномъ учрежденіи, нигдѣ не служитъ даже и даетъ всего одинъ большой обѣдъ въ годъ; но когда папа получилъ въ первый разъ приглашеніе къ Липецкому, онъ сдѣлался такъ въ духѣ, что мама, безъ всякой сцены, уговорила его заплатить наши счета. Въ домѣ Липецкаго, наверно, нѣтъ ни одной вещи-имитации, кузены его не ѣздятъ въ его семью, какъ въ трактиръ, и не увозятъ его дочерей на тройкахъ къ цыганамъ. Когда я была представлена княгинѣ Липецкой, заплакала бы, кажется, отъ зависти къ ея дочерямъ: ихъ-то мать никто не посмѣетъ называть «невредною бабою».

Къ своимъ, не бывающимъ у меня, гордымъ пріятельницамъ я ухожу отводить душу, когда становится уже невмочь противно и душно жить въ нашемъ лицемѣрномъ и развратномъ домѣ. Я назвала нашъ домъ развратнымъ... прочтутъ и осудятъ: сама-то какая святая! Да, и я развратная. И не съ тѣхъ поръ, какъ я пала, — въ этомъ я виновата

меньше, чѣмъ во всѣхъ грѣхахъ моей жизни. А зову я себя такъ потому, что чѣмъ же должна быть и зваться дѣвушка-лицемѣрка, у которой нѣсколько гувернантокъ было удалено изъ дома за амурничанье съ ея отцомъ, которой мать — «невредная баба», которая съ одиннадцати лѣтъ уже слышала и понимала, зачѣмъ и какъ мужчины любятъ женщинъ, а въ четырнадцать лѣтъ прочла «Mademoiselle Giraud ma femme» по оригиналу? Прочла, поняла и, если не усвоила, то лишь потому, что случая не было примѣнить теорію къ практикѣ.

У меня есть другъ, которымъ я горжусь: Корецкая, женщина врачъ, уже пожилая. Какъ-то разъ, когда мнѣ было особенно тяжело, я разоткровенничалась съ нею.

— Да это не воспитаніе, не жизнь, — почти въ ужасѣ сказала она, — это какая-то золоченая тина, лакированная грязь. Вамъ надо все это бросить, перевоспитать себя и сдѣлаться новымъ человѣкомъ, полезнымъ для себя и для другихъ. Уйдите вы изъ вашего омута, пока не вовсе имъ васъ затянуло.

— Куда?

— Къ намъ идите: учитесь, служите, работайте. Мало ли русской женщинѣ, если она независима, сильна, не стѣснена нуждою, дѣла на Руси?.. Охоты нѣтъ къ намъ — выходите замужъ, конечно, съ разборомъ: сдѣлать хорошаго работника общественной нивы счастливымъ у его домашняго очага — задача благородная и благодарная не менѣе всякой самостоятельной дѣятельности.

Короче:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,

Обагривающихъ руки въ крови,

Уведи меня въ станъ погибающихъ

За великое дѣло любви...

Все это прекрасно, но витіевато. Со мною надо говорить проще, а то я раздражаюсь и перестаю вѣрить. Въ станъ погибающихъ? А что я тамъ буду дѣлать? Тамъ все рабочіе, а я — бѣлоручка. Воспитаніе — воспитаніемъ, а и натурашку надо принимать въ соображеніе. Яблочко отъ яблоньки недалеко падаетъ, и если вся моя семья дрянъ, то неоткуда и мнѣ стать отборнымъ фруктомъ. Я вотъ браню свой бытъ, а перемѣнить его — мало что не смѣю, мало что не могу: «не имѣю настоящей потребности», какъ выражаются моя ученые знакомыя. Пожалуй, даже страдала бы, если бы перемѣнила, и мнѣ пришлось бы, вмѣсто флѣрта и переливанія изъ пустого въ порожнее, обучать ребятешекъ, какъ

Вотъ лягушки на дорожкѣ

Скачутъ, вытянувши ножки, —

Ква! ква! ква! ква!

И Корецкая права, когда упрекаетъ, что я на словахъ — какъ на гусяхъ, а чуть до дѣла, у меня и пороха на зарядъ нѣтъ. Такъ и вышло — вышло до послѣдняго. Быть мой довелъ меня до паденія, ниже какого не бываетъ, до самопрезрѣнія, жить съ которымъ въ душѣ нельзя, и вотъ я умираю, а ничего въ немъ не перемѣнила — ухожу на тотъ свѣтъ порочною, пустою и лицемѣрною, какъ жила. Смерти не боюсь, а измѣнить нравственному комфорту, — потерявъ въ послѣднія минуты хорошее о себѣ мнѣніе у тѣхъ именно жалкихъ людей, чье мнѣніе я презираю, потому что они еще хуже меня, — оробѣла...

Наслѣдственность, воспитаніе, обстановка — отравы тяжкія. Однако есть же у иныхъ счастливицъ какая то самостоятельная закваска — противоядіе этимъ отравамъ. Есть у меня еще пріятельница: оперная пѣвица на вторыхъ роляхъ. Какъ ни плохъ нашъ домъ, все же — думаю — не безпутнѣе онъ, хоть съ поверхности-то, театральныхъ кулись. А вотъ — подите же! — къ Липѣ никакая грязь не липнетъ. За нею ухаживаютъ, она не недотрога, и кокетка, и хохотушка, и «повратъ» не прочь, — а чиста, какъ стеклышко: честная душа, честное тѣло. Точно у нея въ сердцѣ есть плотина, останавливающая при-

токъ житейской грязи: «Стой! Дальше не смѣй наплывать! Внутри меня святая святыхъ!» Помню: вышла въ свѣтъ «La terre». Я прочла — вещь художественная, мнѣ понравилась; многія пикантности я и сейчасъ помню. А Липа не осилила и десяти страницъ — вернула мнѣ книгу.

— Претить, — говорить, — да и скучно: какой въ этомъ интересъ?

И вѣдь это не такъ, какъ наши *rgdes*, что ахаютъ:

— Ахъ, какой стыдъ! Можно ли рассказывать такія вещи?

И не оторвутся отъ скабресной книги, пока не остановитъ ихъ вождельнное «Fin». Нѣтъ, просто здоровая душа у Липы и нѣтъ въ ней этого первнаго патологическаго любопытства къ злу, живущаго въ нашихъ отравленныхъ душахъ наперекоръ сознательному стыду, наперекоръ негодованію противъ самой себя: зачѣмъ это во мнѣ? за что?

Развратъ и скука, скука и развратъ. Стремленіе избыть ихъ, спрятаться отъ самой себя, — вотъ откуда мои мнимые таланты, мнимая эксцентричность, вся моя глупая призрачная жизнь. Лишь бы жизнь шла непрерывнымъ вертящимъ круговоротомъ, лишь бы быстрая смѣна впечатлѣній, а то — къ Семирадскому, такъ къ Семирадскому, на курсы, такъ на курсы, въ кафе-шантанъ, такъ въ кафе-шантанъ, подъ дружескія распеканія Корецкой — такъ подъ распеканія. Если бы не любовь моя къ комфорту, я сдѣлалась бы путешественницею: есть же такія всемірныя дамы, что шляются по свѣту за приключеніями, и сегодня ее встрѣчаютъ на Авеніе del Опера, послзавтра на римскомъ Monte Rісіо, черезъ годъ — одалискою въ гаремъ афганскаго эмира, еще черезъ годъ — въ какойнибудь Венецуэлѣ невѣстою героя *pronunciamento*, а еще черезъ годъ она въ царевкокшайскомъ клубѣ читаетъ лекцію объ алмазныхъ копияхъ Трансваала. Я обожала Мазини и недѣли три, что называется, и легла, и встала въ окружномъ судѣ, въ качествѣ «уголовной дамы», притворяясь, будто серьезно увлечена Андреевскимъ. Хотѣла поступить на сцену, но здѣсь-то вышла совсѣмъ бездарностью: самое совѣсть зазрила. Познакомилась и дружила недѣли "три съ пожилою и титулованною богачихою, меценаткою то спиритовъ, то теософовъ, то поэтовъ-декадентовъ, — она говорила мнѣ дикія, туманно сентиментальныя рѣчи, странно заглядывала мнѣ въ глаза своими черными глазами съ поволокой, слишкомъ крѣпко жала мнѣ руки и слишкомъ часто цѣловала меня напозаженными губами. Ъздила я и въ Москву къ Толстому, но онъ, должно-быть, прочиталъ меня насквозь, такъ сухъ и коротокъ былъ его пріемъ, такъ холоденъ и безучастно-непривѣтливъ пронизывающій взглядъ его сѣрыхъ глазъ.

Однажды, когда одурь скуки мучила меня больше обыкновеннаго, моя камеристка Таня, дѣвушка бойкая и преданная мнѣ, насколько вообще можетъ быть предана служанка барышнѣ капризной, но не особенно дурно съ нею обращающейся, попросила меня отпустить ее на весь вечеръ до утра на именины своей подруги, экономки богатаго холостяка, далеко, въ другомъ концѣ города. Я позволила. И вдругъ мнѣ пришло въ голову:

— Балъ прислуги... Я этого никогда не видала.

И я потребовала, чтобы Таня показала мнѣ свое веселье. Она долго отнѣкивалась, но я настояла на своемъ. Было условлено, что я пойду въ гости къ обычной укрывательницѣ всѣхъ моихъ проказъ — тетѣ Христинѣ Николаевнѣ, что Таня повезетъ туда для меня свое платье, я переодѣнусь, переодѣну прическу, и мы отправимся.

— Я, барышня, представлю васъ такъ, будто вы служили бонною у пріѣзжихъ господъ, а теперь отъ нихъ отошли и въ ожиданіи хорошаго места...

Поѣхали. Приключеніе занимало меня, и мнѣ было весело. Очутились въ очень приличной квартирѣ: холостякъ позволилъ экономкѣ принять гостей въ своихъ комнатахъ, а самъ уѣхалъ на охоту. Публика вечеринки имѣла видъ довольно чистой. Меня, хотя незнакому, приняли чрезвычайно радушно. Я танцѣвала весь вечеръ.

Не скажу, чтобы вечеръ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе большой оригинальности и

занимательности. Было, право, то же самое, что на нашихъ балахъ, — даже не карриатура, а именно то же самое: только позы и жесты болѣе угловатые, да рѣчь либо застѣнчивая не въ мѣру, либо смѣшно вычурная по фельетонамъ бульварныхъ газетъ. Я поправилась. За мною ухаживали, мнѣ говорили комплименты. Но вотъ что меня поразило: никто изъ кавалеровъ этой «хамской» вечеринки не говорилъ своей даме и тысячной доли тѣхъ пошлостей, двусмысленностей, сальныхъ каламбуровъ, какими занимаюгъ насъ *demi-vierges* — подъ видомъ флѣрта, Петьки Аляновы и комн. Флѣртъ былъ и тутъ, были шутки наивныя, нескладныя, часто грубыя, но не гнусныя. Эта непривычная почтительность мужчинъ къ женской стыдливости даже больно кольнула меня на минуту.

— Вотъ, — думала я, — мою горничную, о которой я наверное знаю, что она падшая девушка, мужчины ея круга уважають, щадягъ ея слухъ, ея предполагаемое — официальное, что ли — цѣломудріе, а наши мужчины? За что они наполпьяють наши уши, отравляють наше воображеніе своею, собранною на улице и въ шато-кабакъ, грязью? Мы невинны, а съ нами обращаются, какъ съ последними. Меня отучили краснеть отъ гадкихъ намековъ, потому что это смешно: какъ же, помилуйте, девушке за двадцать, а она «не понимаетъ».

У закуски хозяйка почти насильно заставила меня выпить две рюмки мадеры. Отъ комнатной жары вино ударило мне въ голову. За ужиномъ мой сосѣдъ, фельдшеръ изъ военного госпиталя, усердно подливалъ мне какую-то шипучку, въ роде плохого шампанскаго, приговаривая:

— Нельзя-съ, извольте кушать, не извольте обижать Лизавету Леоновну, ибо такою ужъ сегодня для нихъ монументальный предѣлъ времени.

Среди ужина въ столовую вошли два запоздалыхъ гостя, судя по шумнымъ привѣтствіямъ, ихъ встретившимъ, изъ почетныхъ. Вглядевшись въ старшаго изъ нихъ, я едва не ахнула, а Таня, сидевшая насупротивъ меня, уронила рюмку: мы узнали въ пришедшемъ Петрова — домашняго письмоводителя и большого любимца моего отца. Онъ сразу призналъ меня; на его спокойномъ вѣжливомъ лицѣ выразилось изумленіе; однако онъ не сказалъ ни слова. На Таню было жаль смотрѣть. Конецъ ужина, а онъ былъ не скорый, я, разумѣется, просидѣла, какъ на иголкахъ.

— Господи! Себя вы осрамили, а меня погубили, — отчаяннымъ голосомъ бросила мнѣ Таня, когда, наконецъ, встали изъ-за стола.

— Какъ же ты не предупредила меня, что здѣсь можно его встрѣтить? — возразила я.

— Да онъ сказалъ мнѣ, что не будетъ, что баринъ Михаилъ Александровичъ занялъ его на весь вечеръ какою-то работой. Да, видно, освободился и принесъ его чортъ на наше несчастье.

Я не потеряла присутствія духа. Отецъ всегда хвалилъ Петрова, какъ малаго честнаго, порядочнаго и — когда надо и захочетъ — умѣющаго держать языкъ за зубами. Я смѣло подошла къ нему и, не конфузясь вопроса въ его удивленныхъ глазахъ, начала съ нимъ тихій разговоръ.

— Петръ Васильевичъ, вы узнали меня?

— Узналъ-съ, Елена Михайловна, и ума не приложу-съ, — откровенно сказалъ онъ.

— Нечего и прикладывать. Просто захотѣлось пошалить. Вы — неправда ли? — будете добрый, не выдадите меня? Никому не расскажете?

Я смотрѣла на Петрова умоляющими глазами. Онъ покраснѣлъ.

— Никому-съ.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Вотъ спасибо! А за это я во весь остальной вечеръ не буду танцѣвать ни съ

кѣмъ, кромѣ васъ.

Таня, когда узнала, что Петровъ далъ честное слово не выдавать насъ, совершенно успокоилась.

— Его слово — каменная стѣна. Послѣ третьей кадрили Таня отозвала меня въ сторону.

— Барышня, — шепнула она, — будьте такія добрыя, если насмотрѣлись на наше веселье, позвольте проводить васъ къ Христинѣ Николаевнѣ.

— Вотъ! Такъ рано? Зачѣмъ?

— Да извольте ли видѣть, Михаило мой приглашаетъ меня въ ресторанъ: что, говорить, здѣсь гнилую селедку жевать? Нешто мы сами себѣ не можемъ сдѣлать удовольствіе? А я страсть давно не была въ ресторанѣ. Кабы вы разрѣшили, — смерть хочется. Я ему говорила, что затруднительно мнѣ, что подругой обязана. А онъ говоритъ: тщи и подругу, васъ, то-есть. Ну, это, извѣстное дѣло, гдѣ же? А я такое придумала, что провожу васъ, а онъ пушай издали слѣдуетъ, и, какъ провожу, сейчасъ съ нимъ въ ресторацію.

Мнѣ было очень весело. Въ головѣ шумѣло. Я расхохоталась.

— Отчего же ты не хочешь взять меня съ собой?

— Барышня, да я бы душою рада, но какъ же?.. Нескладно что-то...

— Шалить, такъ шалить до конца. Я поѣду. Только вотъ что, ты будешь любезничать съ своимъ Михайломъ, тебѣ будетъ весело, а кто же станетъ развлекать меня? Надо четвертаго, либо подружку, либо кавалера, мнѣ все равно.

Таня весело кивнула головой и отошла къ Михаилѣ.

— Петровъ давеча просился, чтобы Михаило принялъ его въ компанію; они пріятели, оба гжатцы, одногороджане, — сказала Таня минутъ черезъ десять. — Какъ полагаете?

— Принимай, — засмѣялась я, тѣмъ лучше: вѣрнѣе не выдастъ насъ, если будетъ виноватъ, вмѣстѣ съ нами...

Она тоже засмѣялась.

— Вѣрно. А вы съ нимъ будьте поласковѣе. Онъ ничего, парень хорошій, какъ есть «комильфотъ», за него даже купчиха хотѣла замужъ выйти.

И вотъ я, Таня, ея женихъ и Петровъ очутились въ кабинетѣ грязенькаго рестораника. Какъ сейчасъ помню его красные съ золотыми разводами обои. Всѣ были слегка навеселѣ послѣ угощенія на вечеринкѣ. Мнѣ не слѣдовало больше пить, но я побоялась обидѣть людей, истратившихся на наше угощеніе, и понадѣялась на себя, что не опьянѣю, — я могу вынести много вина. Ни поддѣльное шампанское, которого потребовала Таня, ошеломило меня, и не прошло четверти часа, какъ мы всѣ были страшно пьяны. Таня стала буйно-весела; а я, наоборотъ, совершенно отупѣла. Помню, что женихъ Тани цѣловалъ ее, что она на меня за что-то сердилась, стучала по столу кулакомъ, а потомъ рвала на себѣ платье и выкрикивала бранныя слова. Ей кто-то зажалъ ротъ. Она перестала буйнить, но во все горло затянула пѣсню. Помню, что пришелъ распорядитель и спорилъ съ мужчинами, запрещая намъ шумѣть, и совѣтовалъ куда-то перейти...

Меня разбудила страшная головная боль. Я приподняла голову съ подушки и уронила ее назадъ, но мнѣ мелькнули незнакомые обои, и я вскочила и сѣла на постели, протирая запухшіе глаза и силясь вспомнить, гдѣ я, зачѣмъ и что со мною. Въ дверь глянуло женское лицо. Я едва узнала Таню. Она была блѣдна, желта, помята, какъ выжатый лимонъ, и въ глазахъ ея застыло такъ много ужаса, что я сразу поняла все и сама застыла въ столбнякѣ... Таня сѣла рядомъ со мною.

— Надѣлали мы дѣла! — прошептала она.

Я молчала.

— Вы не пугайтесь очень; какънибудь спрячемъ, — продолжала она, оживляясь.

— Поправить нельзя, а скрыть нетрудно. Онъ не расскажетъ. Онъ самъ больше васъ испугался, когда отрезвѣлъ и понялъ, въ какую бѣду втравило его вино. Такъ и бросился бѣжать, словно полъ подъ его ногами загорѣлся. Господи! угораздило же васъ такъ перепиться: я сама была какъ мертвая. Не то развѣ я допустила бы? Тутъ и вины-то вашей никакой нѣтъ: хмельная — чужая.

Разсказать, что я чувствовала, пока она говорила, и слова ея медленно будили во мнѣ сознаніе и воспоминанія, я бессильна. Все укоряло меня бездоннымъ паденіемъ, униженіемъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ. Стыдъ и обида душили меня, шаромъ подкатывались къ горлу. И когда, наконецъ, вырвались рыданія, я была довольна: иначе я боялась задохнуться. Таня тоже обрадовалась.

— Выплачьтесь, заплачьтесь, это лучше, — твердила она, отпаивая меня водою, — заплачьтесь, да и поѣдемъ. Уже совсѣмъ свѣтло. Скоро на Невскомъ начнется толчея, чиновники пойдутъ въ должность, — того гляди, налетимъ на знакомыхъ.

По дорогѣ Таня учила меня, что сказать Христинѣ Николаевнѣ въ оправданіе моего отсутствія во всю ночь...

— Да слушайте, барышня! — вскрикивала она, замѣчая мой бессмысленный невнимательный взглядъ, и, спохватясь, что меня обижаютъ, продолжала мягче. — Какая вы, право! Вѣдь надо обдумать дѣло — ловко его обставить: съ какой стати вамъ пропадать?

Оставшись одна, я почти мгновенно заснула, и такъ крепко, что, слава Богу, ничего не видѣла во снѣ, только маялась сухимъ жаромъ да чувствовала сквозь сонъ, что продолжаетъ трещать голова. Таня возвратилась съ приказомъ отъ мама не рисковать собою и, если я нехорошо себя чувствую, переждать нѣсколько дней у тети.

— Вы ничего не бойтесь, — зашептала Таня, когда мы остались однѣ. — Видѣла я его. Говорю: «Бога ты не боишься! Совѣсти у тебя нѣтъ!» А онъ весь затрясся. «Обратно, говорить, боюсь до чрезвычайности и совѣсть имѣю, оттого сейчасъ и бѣгу изъ этого дома, на который навлекъ проклятіе. Я, сказываешь, отъ мѣста отказался. А какъ Михайль Александровичъ не отпустили меня и даже разсердились, что я хочу уйти, то я отпросился у нихъ на мѣсяць въ Гжатскъ побывать къ женѣ. Въ мѣсяць воды утечетъ много. Еленѣ же Михайловнѣ скажи, что сколь я ни много подлець противъ нея, однако, пускай мнѣ вѣрить: никакихъ новыхъ пошлостейъ я не затѣваль, а что было, о томъ буду нѣмъ до гроба и всегда въ раскаяніи».

Эти слова свалили половину тяжелаго камня съ моего сердца. Публичный позоръ отдалился отъ меня, быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, навсегда. Оставалась мука самопрезрѣнія. ну, съ этою-то справиться и сосчитаться можно! Я чувствовала, что не очень ея боюсь, хотя въ то-же время стыдилась, что не очень. Я взглянула въ лицо Тани; его выраженіе мнѣ не понравилось: она понимала меня, мою трусость и позорную радость, что я выскочила изъ захлопнушаго было мена капкана. Мнѣ стало обидно, совѣстно, и я заплакала.

— Мнѣ все равно, я умру! Утоплюсь! — всхлипывала я.

— Ну, вотъ! — равнодушно возразила Таня, и въ тонѣ ея я услышала. — Гдѣ тебѣ? Нешто такія топятся? Жидка на расправу, голубушка.

И она была права: ничего я надъ собою, жизнелюбивой, болебоязливой тварью, не сдѣлала и со всѣмъ примирилась. И когда, мѣсяць спустя, убирая мнѣ волосы, Таня сказала мнѣ сквозь зубы:

— Петровъ приехалъ. Спрашиваль, чтобы я поговорила... Позвольте вы ему стать на прежнее мѣсто при Михайлѣ Александровичѣ?

Я спокойно пожала плечами:

— Разумѣется! Мнѣ-то какое дѣло?!

Въ ноябрѣ наши друзья Кроссовы давали свой обычный ежегодный вечеръ. Я сдѣлала себѣ для него прелестный новый туалетъ. Даже мама, которая не любитъ, чтобы

я рядомъ съ нею была очень красива, сказала мнѣ нѣсколько комплиментовъ. Я стояла передъ трюмо и, разговаривая съ мамою, примѣряла перчатки, когда Петровъ прошелъ черезъ залъ изъ кабинета отца, съ портфелемъ подъ мышкой. Я видѣла въ зеркалѣ его спокойное безстрастное лицо. Его потупленный взглядъ искоса и мелькомъ скользнулъ въ мою сторону и вдругъ въ ясномъ стеклѣ явилось мнѣ совсѣмъ другое лицо, красное и трепещущее, съ внезапно мутными и шальными глазами... И я почувствовала, какъ подъ этимъ взоромъ румянецъ алою волною разливается по моему лицу и шеѣ, и что мнѣ стыдно, стыдно, хоть задохнуться отъ стыда!.. Это была секунда, меньше секунды, но ея было слишкомъ достаточно, чтобы понять, что онъ не забылъ той ужасной ночи и живо вспомнилъ ее сейчасъ, когда взглянулъ на меня. И я, я тоже вспомнила теперь его лицо, какъ плавало оно тогда предо мною: тамъ, въ ресторанѣ, во мглѣ хмельнаго тумана, а такое же тупое и чувственно страшное, какъ сдѣлалось теперь.

Мнѣ стало жутко. Я чувствовала, что замершая было тайна, существовавшая между мною и этимъ человекомъ, снова оживила и протянулась между нами связующей жгучею нитью. Дурной вечеръ провела я тогда у Кроссовыхъ.

Прошло нѣсколько дней. Наблюдая украдкою за Петровыми, я ни разу не замѣчала на лицѣ его ничего подобнаго выраженію передъ кроссовскимъ вечеромъ: обычная одеревянѣлость равнодушной старательной почтительности, безразличный, точно застылый взглядъ. Но я ему не вѣрила уже. Въ воздухѣ чуялась угроза скрытой любви, грубо-страстной и требовательной, и я холодѣла отъ страха, что страсть, покуда еще молчаливая и робкая, осмѣлѣетъ, выскажется, будетъ требовать, грозить. Да, именно такъ: въ своемъ тайномъ позорѣ, я не сомнѣвалась, что если Петровъ осмѣлится преслѣдовать меня своей любовью, то я не услышу просьбъ, а непременно требованія и угрозы...

У насъ были гости. Я пѣла. Молодой Кроссовъ постоянный мой ухаживатель — пристали ко мнѣ, чтобы я спѣла его любимый, старинный романсъ «Si vous n'avez rien a me dire», и я отправилась изъ зала въ боковой кабинетикъ, чтобы взять съ моей нотной этажерки тетрадь, въ которой была вплетена эта ветошь... Въ кабинетѣ было темно, свѣтъ изъ зала падалъ, сквозь портьеру, только на полъ, узкой и блѣдной полосой. Я хотѣла отдернуть портьеру, но вдругъ сильныя руки увлекли меня въ темный уголокъ кабинета, и задушенный голосъ безсвязно зашепталъ мнѣ — онѣмѣлой отъ ужаса неожиданности — глупыя и страстныя слова.

Онъ шепталъ, что любить меня, что жить безъ меня не можетъ, что либо ему пропадать, либо я должна его любить; онъ шепталъ, что если я не сдѣлаю по его, такъ не жаль ему ни себя, ни меня, онъ готовъ на всякій срамъ и скандалъ, себя — въ острогъ, а меня — , на публичный позоръ...

Онъ шепталъ почти беззвучно, но мнѣ казалось, что онъ кричитъ во все горло, что его слышать всѣ, что въ залѣ нарочно всѣ затихли, чтобы къ намъ прислушаться.

— Да оставьте же вы меня, — съ безсильнымъ бѣшенствомъ проскрежетала я, стараясь вырваться, — вѣдь тамъ люди, они могутъ войти. Если вамъ надо говорить со мной, найдите другое время, другое мѣсто.

Онъ сталъ требовать, чтобы я назначила ему свиданіе, сегодня же, когда всѣ въ домѣ заснутъ.

— Это невозможно, вы съ ума сошли, пустите меня, такъ подло!..

Тогда онъ яростно забормоталъ мнѣ на ухо какія то проклятія, сжимая меня еще крѣпче. Я поняла, что этотъ обезумѣвшій звѣрь способенъ сейчасъ убить меня, вытащить въ залъ, закричать на весь домъ, что я была его любовницей.

— Елена Михайловна! Что вы такъ долго? — окликнули меня изъ зала отъ рояля. Кто то двинулъ стуломъ, вставая, очевидно, чтобы итти ко мнѣ. Волосы зашевелились на моей головѣ.

— Да, — отчаянно шепнула я, — только уйдите, уйдите.

Желѣзныя руки отпали, и Петровъ исчезъ въ коридорѣ почти въ тотъ же мигъ, какъ Кроссовъ откинулъ портьеру изъ зала.

Я отговорила, что не нашла романса и пѣть не могу. Сказала, что нахожу темно-ту пріятною и предложила перемѣститься изъ зала въ кабинетикъ. Кроссовъ обрадовался и принялся нашоптывать обычныя сентиментальности, а я сидѣла, счастливая, что онъ говоритъ глупости, не требующія отвѣтовъ, сидѣла въ какомъ-то «ледяномъ бреду»: голова была полна тяжелаго холода, и мысли, масса мыслей, ненужныхъ и безпорядочныхъ, застывали въ мозгу, какъ грѣшники въ девятомъ кругу Дантова ада. Было около часа ночи, когда гости разѣхались. Мама оказалась въ расположеніи разговаривать со мною о Кроссовѣ, поздравляя меня съ побѣдой и недоумѣвая, зачѣмъ онъ тянетъ время и не дѣлаетъ предложенія. Она болтала цѣлый часъ, пока не замѣтила, что я имѣю усталый и больной видъ. Тогда она отпустила меня спать, но перспектива кроссовскаго предложенія сдѣлала ее любезною, какъ никогда; она проводила меня въ мою спальню, заставила Таню, при себѣ, раздѣть меня и уложить и только тогда величественно удалилась.

Когда шаги ея затихли въ коридорѣ, я бросилась къ двери, чтобы запереть ее на ключъ. Но ключа не оказалось въ замочной скважинѣ. Мнѣ не повѣрили, противъ меня приняли мѣры.

Дальше — рассказъ короткій.

Потянулась тайна и чувственное рабство, медленно переродившееся въ чувственную привычку. Ну, да! И пускай стыдно! Я простила моему любовнику его грубость, его насилие, я привыкла къ нему. Привыкла потому, что онъ былъ сильный, смѣлый и нѣжный; потому, что онъ обожалъ меня; потому, что онъ ревновалъ меня, какъ мавръ; потому, что мнѣ было смѣшно, когда онъ ласкалъ меня тысячами глупѣйшихъ названій; потому, что, когда я злила его, онъ осыпалъ меня уличными словами, и мнѣ становилось жутко, глядя на его ужасные кулаки, которые не разъ видала надъ своею головою; потому, что я вѣрила, что если бы я согласилась умереть вмѣстѣ съ нимъ, такъ онъ умеръ бы, не размышляя; потому, что мы мучили и любили другъ друга, какъ тигры, переходя отъ поцѣлуевъ къ побоямъ и отъ побоевъ къ поцѣлуямъ.

Никто въ домѣ не подозрѣвалъ нашей связи. Кроссовъ ѣздилъ къ намъ черезъ день и все замѣтнѣе и замѣтнѣе терялъ голову. А я очень похорошѣла и помолодѣла. Всѣ считали Кроссова моимъ женихомъ, хотя онъ предложенія еще не дѣлалъ. Охъ, сколько сценъ выносила я за этого Кроссова!.. Сколько разъ, слушая его любезности, я искренно ненавидѣла его, потому что у меня болѣли исципанныя за него плечи, и я знала, что будутъ болѣть еще больше.

Наконецъ Кроссовъ сдѣлалъ предложеніе. Я приняла его, я не могла не принять, потому что мнѣ нечего было бы отвѣтить мамѣ и папѣ о моемъ отказѣ. Кроссовъ былъ женихъ изъ самыхъ завидныхъ, а я сидѣла у нихъ на шеѣ; въ двадцать три года не принять предложенія Кроссова, кого же дожидаться? Принца съ луны?

Я приняла предложеніе, сама не вѣря, чтобы бракъ этотъ состоялся, и не зная, какъ же, однако, онъ разстроится. «Авось какъ-нибудь». Но въ это время очень кстати умерла моя тетка Ольга Львовна, и свадьба отсрочилась.

Однажды Петровъ пришелъ ко мнѣ, сильно смущенный. Къ нему пріѣхала на побывку изъ Гжатска жена, и папа, въ знакъ особаго благоволенія къ своему любимцу, разрѣшилъ ему пріютить ее у себя въ боковушкѣ.

Наши свиданья — рѣдкія, случайный и урывочныя — сдѣлались адомъ. Теперь, когда Петровъ былъ не мой, я любила его, ревновала, дѣлала ему бѣшенныя сцены, а онъ попрекалъ меня моимъ согласіемъ на бракъ съ Кроссовымъ, грозилъ, если я его обманываю и свадьба состоится, зарѣзать меня, Кроссова, себя. Онъ все пугалъ да ругался, но

однажды заплакалъ и плакалъ такими грозными слезами, что лучше бы онъ истопталъ меня ногами!

Тайныя волненія извели меня; я изнервничалась. исхудала, поблѣднѣла, меня одолѣвала постоянная слабость, я дрогла и коченѣла, кутаясь днемъ въ пледы и въ нѣсколько одѣяль по ночамъ. Какъ-то разъ я завернула къ Корецкой и, между разговоромъ, упомянула о своемъ недомоганіи. Она спрашивала меня чуть не цѣлый часъ, подробно, мелочно, и потомъ долго молчала; наконецъ, глядя на меня въ упоръ своими огромными черными глазами — этимъ честнымъ зеркаломъ ея прекрасной, прямой души, — сказала:

— Раинцева, если вы дура, то сейчасъ вы смертельно обидитесь на меня и уйдете, рассорившись со мною. Если же вы не дура, то отвѣтите мнѣ откровенно на вопросъ, который я обязана сдѣлать вамъ, какъ медикъ, и который, въ моемъ словѣ вы, конечно, не сомнѣваетесь, — умереть между нами. Вотъ. Вы... вы позволите мнѣ предполагать, что вы въ такомъ положеніи?

Я ахнула и осѣла въ креслѣ. Только этого не доставало!

Отвѣта не понадобилось: его сказало мое лицо. Потомъ началась истерика.

Я выплакалась у Корецкой. Она ни о чемъ меня не спрашивала. Успокоила, что это еще только въ самомъ началѣ, и обѣщала, когда придетъ время, устроить все въ секретѣ.

Но я, замужъ выхожу! — простонала я.

— За него?

Я опустила голову, колеблясь, лгать или нѣтъ. Корецкая приняла мое молчаніе за утвердительный отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, чего же вы струсили? Все будетъ по закону.

Я ушла отъ нея съ нравственнымъ страхомъ передъ Кроссовымъ, — возможность отвѣтственности предъ этимъ мальчикомъ впервые представилась моимъ глазамъ, — и съ физическимъ страхомъ предъ будущими страданіями, предъ трудностью скрывать свое положеніе. Куда ни обернись, стыдъ и позоръ, позоръ и стыдъ. Я ненавидѣла себя, Петрова, Кроссова, Корецкую, всѣхъ! всѣхъ! всѣхъ! Всѣ меня пугали, всѣ дѣлали мнѣ больно, всѣ были мои злодѣи.

Я пришла домой. Когда я поднималась по лѣстницѣ, изъ коморки боковушки, сквозь притворенную дверь, украдкой взглянула на мѣня женщина. Это была жена Петрова. Я видала ее много разъ раньше, но старалась не смотрѣть на нее: у меня къ ней было ревнивое отвращеніе, я брезговала ею. Теперь я ее разглядѣла: дебелая красавица-баба — не то мѣщанка, не то мелкая купчиха, съ румянымъ кормиличьимъ лицомъ и толстымъ тѣломъ. Ея огромная фигура и неуклюжій станъ смутили меня. Я съ отвращеніемъ подумала, что, можетъ-быть, съ нею то же, что и со мною, и мнѣ стало гадко, тошно, гнусно, и... и я не помню, какъ вбѣжала въ свою комнату и заперлась въ ней.

Меня всю перевернуло въ нѣсколько минутъ. Я уже не волновалась, не рыдала, не малодушничала. Я холодно сознавала, что я вся въ грязи, — это доходило до физической галлюцинаціи липкихъ потоковъ, льющихся по тѣлу, отъ которыхъ хотѣлось дрожать, ежиться, и казалось, что отъ нихъ ни укрыться, ни отмыться. Я уже никого не ненавидѣла, ни на кого не жаловалась, да ни о комъ и не думала. И ни о чемъ, кромѣ одного слова:

— Грязь, грязь, грязь.

Приѣхалъ Кроссовъ. Какъ онъ полюбилъ меня, милый юноша! Я слушала его восторженную болтовню — болтовню влюбленнаго, у котораго спутанная мысль и языкъ беспорядочно прыгаютъ съ предмета на предметъ, точно обезьяна вперегонку съ попугаемъ. Я улыбалась, я отвѣчала на вопросы и, кажется, впадалъ, — я не казалась странною. А между тѣмъ въ голову ко мнѣ не заходила ни одна мысль, кромѣ все той же, одной, стучащей, какъ широкой маятникъ дѣдовскихъ часовъ:

— Грязь, грязь, грязь.

По отъѣздѣ Кроссова я подумала:

«Неужели я буду настолько подла, что выйду за порядочнаго, честнаго молодого человѣка опозоренная, съ чужимъ ребенкомъ? За что?»

Воспоминаніе о давишной встрѣчѣ съ женою Петрова встало предо мною. Грязь, грязь, грязь!..

Такъ прожила я два дня, бессонная и безсмысленная, въ закостенѣломъ самоотвращеніи. А на третій день, ввечеру, я приказала Танѣ приготовить мнѣ горячую ванну, и когда, послѣ нея, осталась одна въ своей комнатѣ, то встала на подоконникъ, отворила форточку и цѣлыхъ полчаса стояла, подставляя разгоряченную голую шею подъ вѣтеръ и гнилую мзгу петербургской ночи.

Потомъ я сѣла къ столу и начала эту рукопись.

А теперь я, дастъ Богъ, буду умирать. И я ни на кого не сержусь, но и никого мнѣ не жаль, а себя всѣхъ меньше!

1896 г.

МЕЧТА.

(Посвящ. графу Льву Николаевичу Толстому)

Конка медленно двигалась въ гору по захолустной окраинной улицѣ. Мы съ пріятелемъ, художникомъ Краснецовымъ, ѣхали въ Богородское убивать наступающій лѣтній вечеръ. Вдругъ Краснецовъ воззрился и поспѣшно снялъ цилиндръ.

— Смотри-ка, смотри! — сказалъ онъ, показывая глазами на бѣдно одѣтую, простую женщину, которую обгонялъ вагонъ. Двое малютокъ, мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ четырехъ-пяти, держались за ея платье; на лѣвой рукѣ она несла грудного ребенка, а правою придерживала переброшенный за спину узелъ. Замѣтно было, что она опять на сносяхъ.

— Кто это? — спросилъ я, нѣсколько изумленный знакомствомъ Краснецова.

Краснецовъ отвѣчалъ мнѣ слегка взволнованнымъ голосомъ:

— Это — Мечта.

— Мечта?.. Какая Мечта?

— Моя Мечта, за которую я получилъ въ Мюнхенѣ премію. Я ее лѣпилъ съ этой женщины.

Я обернулся, чтобы разглядѣть Мечту. Этимъ барельефомъ Краснецовъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ положилъ начало своей славы. Я хорошо зналъ и любилъ прелестную головку «Мечты». Рѣшительно ничто не напомнило мнѣ ея чертъ въ желтолицей, худощавой бабѣ, которая понуро плелась позади насъ со своею дѣтворой, согбенная подъ узломъ, тяжело раскачивая животомъ. На мой недоумѣлый взглядъ Краснецовъ отвѣтилъ горькою улыбкой.

— Что, братъ, непохожа?

— Да ужъ такъ-то непохожа. И потомъ: значить, легенда о твоей «Мечтѣ» — дѣйствительно, только легенда?

— А что она гласить?

— Будто ты вылѣпилъ «Мечту» съ какой-то московской красавицы, умницы и богачки баснословной.

— Ну да: съ Софіи Артамоновны Слѣдловской. Это она и есть.

— Эта?!

Я опять обернулся, но конка, взявъ подъемъ, пошла быстрѣе, и баба съ узломъ осталась далеко назадъ. Краснецовъ задумчиво говорилъ:

— Помню залъ дворянскаго собранія, мраморный, бѣлый, блестящій... люстры огромныя и отражаются въ колоннахъ... бездна свѣта... толпа... Рябовъ съ оркестромъ на

красной эстрадѣ... Цѣлый вихрь звуковъ и красокъ: это — вальсъ... И она промчалась мимо меня; ея головка почти лежала на плечѣ какого-то офицера, и я помню — благодарилъ его мысленно за то, что его темный мундиръ далъ такой хорошій фонъ ея профилю... На ней было платье цвѣта чайной розы, брильянты... Оживленная такая, глаза — какъ искорки, румянецъ... А въ ту пору Тургеневъ только что выпустилъ «Стихотворенія въ прозѣ»... Помнишь: — «Стой! Какою я теперь тебя вижу — останься навсегда въ моей памяти!.. Стой! И дай мнѣ быть участникомъ твоего безсмертія, урони въ душу мою отблескъ твоей вѣчности!» Тутъ, братъ, я и задума-лъ мою «Мечту»... а потомъ и сдѣлалъ... Да: «стой! останься навсегда!» А она, вмѣсто того, вонь-какъ... Ахъ-ахъ ахъ!..

Въ 1881 году Софѣ Артамоновнѣ Слѣдловской минуло восемнадцать лѣтъ. Ее только что вывезли въ свѣтъ, и она заблестѣла въ немъ яркою звѣздочкой. Красавица собой, умненькая, образованная, веселая, какъ птичка, она обратила на себя вниманіе «всей Москвы».

Тутъ Краснецовъ слѣпилъ съ Сони свою «Мечту» — и самъ прославился Сонею, и Соню прославилъ: за нею такъ и осталась въ обществѣ кличка «Мечты».

Потомъ «Мечта» исчезла съ столичнаго горизонта: въ глухой самарской или тамбовской деревушкѣ у нея была бабушка, эта бабушка смертельно заболѣла, Слѣдловскіе ждали отъ нея наслѣдства, а бабушка терпѣть не могла всѣхъ Слѣдловскихъ, кромѣ внучки Сони. Слѣдловскіе и отправили внучку Соню ухаживать за больною старухой и ея завѣщаніемъ.

Бабушка умерла, и Соня возвратилась въ Москву. Денегъ Слѣдловскіе никакихъ не получили, потому что старуха завѣщала все свое состояніе на благотворительныя дѣла. Между прочимъ, получили крупныя пожертвованія одинъ столичный и два провинціальныхъ университета.

Ходилъ слухъ, будто Соня Слѣдловская сама уговорила бабушку разорвать первое завѣщаніе, составленное въ ея пользу, и замѣнить его тѣмъ, которое теперь огласилось. Слѣдловскіе были этимъ значительно обездолены, а на Соню въ обществѣ стали смотрѣть, какъ на юродивую.

Она, дѣйствительно, вернулась изъ деревни сильно измѣнившись. Хороша она была попрежнему, но бывшее оживленіе съ нея сошло; она стала серьезна и задумчива; улыбалась не часто, смѣяться же не смѣялась никогда; ласковые синіе глаза. приобрѣли особый взглядъ — важный и проницательный взглядъ внутрь себя.

Два года тому назадъ, — сказалъ ей Краснецовъ, — я хотѣлъ лѣпить съ васъ «Птичку Божию», какъ она «гласу Бога внемлетъ и поетъ себѣ, поетъ»... Вы украли у меня модель!.. Но я вамъ отомщу тѣмъ, что слѣплю съ васъ «Святую Екатерину, встрѣчающую небеснаго Жениха».

— Развѣ что небеснаго... — возразила Софѣя Артамоновна, — земного у меня не будетъ.

Къ веснѣ старикъ Слѣдловскій расхворался и въ два-три дня его свернуло: умеръ. Привели въ порядокъ дѣла: активъ оказался мизерный, а пассивъ — внушительный. Къ счастью, покойникъ выбралъ душеприказчикомъ человѣка ловкаго и преданнаго: онъ разобрался въ наслѣдствѣ, — по крайней мѣрѣ, банкротство вышло хотя полное, но глухое, безъ скандала, и Сонѣ остался небольшой капиталъ, тысячь въ двадцать пять.

Но мѣсяць-другой спустя послѣ того, какъ все это устроилось, пошли слухи о новыхъ чудачествахъ Софѣи Артамоновны: она обратила въ деньги всѣ свои вещи, даже платья и книги, и платила мелкіе долги покойнаго отца. Изъ капитала уцѣлѣла едва пятая часть. Душеприказчикъ пришелъ въ ужасъ и отнял у Сони остальные пять тысячь, кромѣ расходныхъ. Затѣмъ Соня очутилась въ глухой провинціи, на хуторѣ у своей дальней родственницы, — небогатой старушки, весьма кроткой сердцемъ и весьма недалекой умомъ, изъ которого она, какъ сама рекомендовалась, уже выживала «по вдовьему

своему положенію». Душенриказчикъ Слѣдловскаго помѣстилъ Сонины деньги въ какое-то дѣло и выплачивалъ ей каждый мѣсяць сорокъ рублей. Жить бы можно, но Соня навязала себѣ на шею нужды и болѣзни всей деревенской, округи. Здѣсь учила, тамъ лѣчила, утѣшала; обучилась хозяйничать — править всякую черную работу.

— При такой любви къ бѣднымъ людямъ, — сказалъ ей мѣстный священникъ, — вамъ бы слѣдовало пойти въ учительницы или фельдшерицы.

— Къ сожалѣнію, батюшка, эти мѣста всѣ наперечетъ.

— Вы можете имѣть протекцію: вамъ не откажутъ.

— Вы меня не поняли, я не въ томъ смыслѣ. Я хотѣла сказать, что мнѣ пришлось бы заслонить такое мѣсто отъ кого-нибудь изъ нуждающихся болѣе меня. У меня есть сытный кусокъ хлѣба, а обыкновенно такихъ мѣстъ ищутъ люди, только что не умирающіе отъ голода.

Въ околоткѣ о Сонѣ заговорили. Крестьянство видѣло въ ней чуть не подвижницу. Мѣстный становой сперва недоумѣвалъ и заволновался было. Но, годомъ позже, когда кто-то изъ охранителей намекнулъ, что поступки г-жи Слѣдловской неспроста, и не мѣшало бы полицейской власти имѣть за нею глазокъ-смотрокъ становой даже окрысился:

— А вотъ у насъ неподалеку Пафнугтій Боровскій покоится. Вы бы ужъ заодно и къ нему въ раку слазили съ обыскомъ...

И лишь Соня — одна — была собою недовольна. Красненовъ встрѣтилъ ее на тульскомъ вокзалѣ: она ѣхала въ Москву за покупками.

— Меня поразило грустное выраженіе ея глазъ, недоумѣвающихъ, точно ждущихъ. Я высказалъ ей удивленіе къ ея подвигу, о которомъ уже слышалъ раньше. Она покачала головою:

— Не то, все не то... Разве это подвигъ!

— Какъ же иначе-то?

Она задумалась.

— Подвигъ — это, если кто возьметъ на себя ради другихъ великое страдаіе. А мнѣ легко. Я наслаждаюсь.

— Ну, Софья Артамоновна, это ужъ аскетизмъ.

— Я не объ аскетическихъ подвигахъ говорю. Страданія въ міру много больше, чѣмъ въ пустынѣ. На полу валяется; стоитъ только нагнуться и подобрать... И вотъ на это-то надо много мужества. У меня не хватаетъ. Вы читали «Юліана Милостиваго» ?

— Знаю.

— Вотъ...

На хуторѣ она прожила около двухъ лѣтъ и къ концу второго года совсѣмъ замолчала: одолѣли думы и дѣятельность. Ея плотно сложенные губы, не улыбающееся лицо, остановчивый, задумчивый взглядъ смущали домашнихъ: видно было, что Соня мучительною борьбой перерабатываетъ въ себѣ какую-то новую мысль или затѣю. Однажды она уѣхала въ Тулу къ знакомымъ и загостилась у нихъ на цѣлыя двѣ недѣли. На хуторѣ начали уже тревожиться, какъ вдругъ пришло письмо, и не изъ Тулы, а изъ Орла. Соня просила у тетки прощенія, что обманула ее, и извѣщала, что вышла замужъ. Просила также не искать ея и о ней не беспокоиться, потому что «ни бракъ мой, ни мужъ мой вамъ не могутъ быть по сердцу». Подписала письмо: «Софья Тырина». Тревогу и недоумѣніе тетки легко себѣ представить. Наведя справки у душеприказчика, она узнала только, что Соня, дѣйствительно, вышла замужъ и вытребовала у него изъ своего капитала тысячу рублей, которые онъ и переслалъ ей въ Орель. Остальныя же четыре тысячи онъ, по ея распоряженію, внесъ — частью въ университетъ, частью передалъ одному московскому священнику, извѣстному своей благотворительной дѣятельностью среди чернорабочей столичной бедноты. Послушался онъ приказа Софьи Артамоновны пото-

му, что въ ея письмѣ къ нему были такія фразы: «Знаю, что, жалѣя меня и боясь моего неблагоразумія, вы, пожалуй, не захотите исполнить моего желанія; поэтому особенно прошу васъ не смущаться: благодаря моему браку, я въ своихъ личныхъ средствахъ болѣе не нуждаюсь». Какой именно Тыринъ женился на Софьѣ Артамоновнѣ, душеприказчикъ не зналъ; но есть Тырины — крупные кукольныхъ дѣлъ мастера; вѣроятно, изъ нихъ.

Между тѣмъ, когда извѣстіе о свадьбѣ Сони огласилось, въ околоткѣ заговорили иное. А именно: будто Соня вышла замужъ ни за кого другого, какъ за Прошку Тырина, вдоваго мѣдника, лядащаго пьяничку изъ пригородной рабочей слободки, той самой, съ которой, говорятъ, Глѣбъ Ивановичъ Успенскій написалъ Растеряеву улицу.

Вотъ какъ это случилось.

Какъ-то разъ, посѣщая на слободѣ больную старуху, Соня услышала отчаянные дѣтскіе крики: два голоса вопили, точно съ ребячь заживо драли кожу.

— Что это? — съ испугомъ спросила она.

— А это Прохоръ мѣдникъ опять наказываетъ своихъ дѣвчонокъ.

— За что же онъ ихъ наказываетъ?

— Ъсть просятъ, а дать нечего, — пропился, разбойникъ, до нагого тѣла. Ну, слушать-то и невтерпежь... сердце не камень... родитель вѣдь тоже...

— Часто онъ ихъ такъ?

— А день денской... Покуль въ питейномъ, потуль и молчать...

— Пьеть?

— Первый на это Иродъ.

— Нищіе?

— И креста на шеѣ не осталось...

Соня зашла въ хатенку мѣдника и ахнула, — гдѣ и какъ могутъ жить люди. Такого убожества ей еще не случалось видѣть. Дѣвочки — одной шесть, другой пять лѣтъ — были хорошенькіе, несмотря на истощеніе, ихъ сѣдавшее, и на вшивую грязь, облежавшую ихъ личики, тѣльца и лохмотья. Самъ Прошка — маленькій и тощій человѣчекъ въ нѣмецкомъ платьѣ, составленномъ изъ заплатъ, — былъ блѣденъ пьяною сѣро-зеленою блѣдностью человѣка, которому водка замѣняетъ хлѣбъ; его избитое лицо, со шрамомъ надъ бровью, его коричневые недружелюбные глазки, полные трусливой наглости.

— Ты видѣлъ его, что такъ подробно описываешь, — перебилъ я Краснецова, — или это ради пущей трагичности?

— Видалъ, братъ; если хочешь, и тебѣ покажу, порадуйся, — угрюмо проворчалъ художникъ.

Все это безобразіе Соню не испугало. Она сдѣлала Прошкѣ выговоръ, а онъ сталъ оправдываться, и таково уже было обаяніе этой любвеобильной дѣвичьей души, что, неожиданно для самого себя, Прошка въ первый разъ вдумался, откуда берется его пьянство, и заговорилъ съ Софьей Артамоновной горячо и искренно...

— Никакой подмоги-съ! — выкрикалъ онъ, — окончательно! А между тѣмъ онъ въ два рта-съ пить-ѣсть хотятъ, и въ омутъ ихъ никакъ невозможно, потому — душу имѣю и опять же въ Сибирь! Работы не имѣю... Господинъ урядникъ самоваръ чинить въ городъ повезли, а мнѣ говорятъ: ты, пьяница, еще въ кабакъ снесешь, пропьешь, хоть я и начальство. И, такъ надо правду сказать, что они въ своемъ правѣ: пропью-съ. Потому, сударыня, не сообразишь. Что нонче, что завтра — одна судьба. Я самъ-третей теперича живу; я и въ работу, я и въ пропой, а тутъ еще идолята... Съ горя пьешь, съ горя бьешь... Было времечко: не хуже людей жили, сударыня, пока хозяйка моя не померла да этихъ одровъ мнѣ не покинула. Безъ бабы — какъ безъ рукъ, потому разорваться мнѣ не предвидимо никакой возможности...

Выспросивъ Прошку, Софья Артамоновна сдѣлала заключеніе: чтобы выбиться

изъ семейнаго безобразія, ему надо вторично жениться, а чтобы выбраться изъ нужды, — начать свое ремесло сызнова и лучше всего на новомъ месте, потому что въ своей стороне онъ былъ ужъ черезчуръ скверно ославленъ: Прошка — пьяница, Прошка — воръ, Прошкѣ поверить — двухъ дней не прожить...

Софья Артамоновна стала искать ему невесту. Напрасный трудъ!

Больше всего надеялась Софья Артамоновна на Марину, скотницу своей тетки, девку уже — на крестьянскій взглядъ — не молодую, то-есть за двадцать лѣтъ, но честную, доброй души и ражую работницу. Марина обожала Софью Артамоновну и верила ей, какъ иконе. Однако выйти за Прошку Тырина она наотрѣзъ отказалась.

— Да и врядъ ли .вы такую дуру найдете, барышня, — откровенно сказала она.

— Почему? — строго спросила Соня.

— Да помилуйте... у насъ невестъ немного... на каждую добрый женихъ найдется.

За вдовца съ детьми редкую отдадутъ — и за хорошаго-то... А за такое стерво... Обидно даже. И пьяница, и воръ, и бабникъ... ни одной пакости не обижаютъ. — всѣ въ себя приглянь...

— Онъ такой отъ несчастія, а хорошая жена несчастіе съ него сниметъ.

— А какъ онъ ее до той поры въ гробъ вколотить? Первую вколотилъ же...

— Ты не забывай: три души человѣческія спасти надо. Дѣвочекъ пожалеть слѣдуетъ. Ведь онѣ пропадутъ. Такой, какъ сейчасъ, онъ и себя и ихъ загубить. А мы, кто видѣлъ и не помогъ, ответъ за это дадимъ...

Марина уже съ досадою перебила:

— Да что вы, барышня, все о чужихъ душахъ?.. Ту душу спаси, другую спаси, а мою-то, стало-быть, вы уже ни во что ставите?

— Твоя душа тѣмъ и спасется, что ты спасешь три чужія души.

— Какое ужъ тутъ спасенье, коли каторга?.. И, разсердясь, отрѣзала вдобавокъ:

— Хорошо вамъ о душѣ, какъ вы барышня, и васъ это дѣло не касающее. А будь вы нашего званія, къ примѣру скажемъ, хоть какъ я, Маришка, и я стала бы васъ сватать за такую гнусь, — то-то бы вы меня по шеямъ погнали... даромъ, что сердобольница...

Соня посмотрѣла на Марину широкими глазами, какъ бы услыхавъ отъ нея новую и сильную мысль.

— Ты права, — сказала она послѣ долгаго молчанія, — прости меня... это мнѣ въ голову не приходило... ты права!

Неудачная сватовства не отбили Софью Артамоновну отъ мысли спасти ребятшекъ Прошки (ихъ ей было особенно жаль) и его самого. Въ эту-то именно пору, какъ оказалось впоследствии, и встрѣтились мы съ нею на тульскомъ вокзалѣ и, разговорившись, дофилософствовались до Юліана Милостиваго и его легенды... Кстати: ты-то ее помнишь?

— Разумѣется, помню общія черты... Это латинскій апокрифъ, поэтизированный Флоберомъ и такъ удивительно переведенный Тургеневымъ..

— Да. Я, братъ, выучилъ его потомъ наизусть. Не поскучай, если я повторю тебѣ отрывокъ этой легенды... съ того мѣста, какъ Юліанъ принялъ у себя таинственнаго прокаженнаго, накормилъ его послѣднимъ кускомъ хлѣба, напоилъ послѣднею кружкой вина и развелъ для него костеръ среди своего шалаша... «Прокаженный сталь грѣться. Но, сидя на корточкахъ, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, онъ, видимо, ослабѣвалъ, глаза его перестали блестѣть, сукровица потекла изъ ранъ, и почти угасшимъ голосомъ онъ прошепталъ: «На твою постель!» Юліанъ осторожно помогъ ему добраться до нея и даже накрылъ его парусомъ своей лодки. Прокаженный стоналъ. Приподнятая губы выказывали рядъ темныхъ зубовъ; учащенный хрипъ потрясалъ его грудь, и при каждомъ дыханніи животъ его подводило до спинныхъ позвонковъ. Затѣмъ онъ закрылъ вѣки. «Точно ледъ въ моихъ костяхъ! Ложись возлѣ меня!» И Юліанъ, отвернувъ парусъ, легъ

на сухіе листья рядомъ съ нимъ, бокъ о бокъ. Но прокаженный отвернулъ голову «Раздѣнься, дабы я почувствовалъ теплоту твоего тѣла! Юліанъ снялъ свою одежду, затѣмъ нагой, какъ въ день своего рожденія, снова легъ на постель и почувствовалъ прикосновеніе кожи прокаженнаго къ бедру своему; она была холоднѣе змѣиной кожи и шероховата, какъ пила. Юліанъ пытался ободрить его, но тотъ отвѣчалъ, задыхаясь: «Ахъ, я умираю! Приблизься! Отогрѣй меня не руками, а всѣмъ существомъ твоимъ!» И когда Юліанъ согрѣвалъ своего страшнаго гостя «ртомъ ко рту, грудью къ груди», тогда «прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ, и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись, какъ солнечные лучи, дыханіе его ноздрей стало свѣжѣй и сладостнѣй благовонія розы... Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, уносившимъ его въ небо».

Отчаявшись найти Тырину невѣсту, Соня рѣшила измѣнить своему намѣрѣнію — не выходитъ замужъ — и... предложила ему въ жены самое себя!

Надо отдать справедливость Прошкѣ: сколько безпутенъ онъ ни былъ, однако, совсѣмъ ошеломленный этимъ предложеніемъ, онъ выставилъ Софѣ Артамоновнѣ на видъ всѣ неудобства ихъ союза, какія могъ самъ сообразить.

— Я все обдумала и готова итти за васъ такого, какъ вы есть. Только обѣщайте мнѣ, что вы бросите пить, займетесь работой, перестанете мучить дѣтѣй и учить ихъ худымъ дѣламъ и со мною будете обращаться хорошо... По крайней мѣрѣ, о томъ постараетесь?

Прохоръ отвѣчалъ ей на это съ прямою:

— Что дѣломъ своимъ я займусь, коли меня не будутъ тянуть за душу долги и найдутся деньги на новое обзаведеніе, въ томъ готовъ хоть сейчасъ снять образъ со стѣны. А въ остальномъ, барышня, не властенъ присягать. Потому все, что вы говорили, во мнѣ отъ водки. А совладаю ли я съ водкой, того не знаю. Потому что сейчасъ не я надъ нею, подлою, а она надо мною командиръ.

Софѣ Артамоновнѣ очень понравилось, что Тыринъ говоритъ съ нею такъ искренно, и она тоже сказала ему съ полною откровенностью:

— Ну, авось какъ-нибудь сладимся и уживемся. Сѣйчасъ, конечно, вы человекъ нестоющій, и я иду за васъ замужъ, если желаете, не столько для васъ самихъ, сколько для вашихъ дѣтокъ. Имъ мать нужна, Прохоръ Иванычъ, — они у васъ пропадутъ безъ материнскаго призора и женской руки. Такой мачехи, какъ я, ручаюсь, имъ не найти другой; я выращу ихъ дѣвушками честными, такими, что всѣ будутъ ими любоваться.

— Да-съ, дѣвочки... это прекрасно-съ... но какъ же я то? Какое же промежъ насъ можетъ быть супружество, ежели вы обо мнѣ самыхъ пропащихъ мыслей?

— Нѣтъ, Прохоръ Иванычъ, это вы напрасно такъ говорите. Если бы я считала васъ пропащимъ: , не пошла бы за васъ замужъ. Я васъ почитаю несчастнымъ: такъ васъ запутала горемычная жизнь, горькая доля, слабая воля, что одному вамъ не выбратся... Вы въ болотѣ по горло... Я же надѣюсь сдѣлать изъ васъ человека, и если дозволить Богъ сбыться моимъ надеждамъ, то дастъ намъ и привычку другъ къ другу и возможное счастье. Я, Прохоръ Иванычъ, не ищу многого отъ жизни; и если сбудется, какъ я задумала, то ничего другого не пожелаю. А покуда обѣщаю одно: буду вамъ женою вѣрною, покорною и терпѣливою.

— Софья Артамоновна, — сказалъ Прохоръ, — хотя вы не имѣете многихъ капиталовъ, однако приучены къ хорошей жизни, а вѣдь, ежели случится статья такому дѣлу, чтобы намъ впасть въ супружество, придется вамъ отвѣдать нашей грязи и бедноты.

Соня возразила:

— Вы смущаетесь, что я барышня. Не бойтесь. Вѣдь это только названіе, а на са-

момъ дѣлѣ — какая же разница между мною и другими дѣвушками? Я — здоровая, сильная, работы не боюсь, управиться по дому — все могу и умѣю. А что я родилась барышней, съ тѣмъ и пойду за васъ, чтобы вы забыли объ этомъ, какъ теперь забываю я...

Не думаю, чтобы между людьми и повыше Прошкина уровня было много способныхъ долго выдерживать такой убѣжденный и настойчивый искусъ. Что Софья Артамоновна губить себя, конечно, понималъ и Прошка. Но совѣсть у него была малая, а соблазнъ представлялся огромный. Соня приносила ему тысячу рублей и возможность обхозяиться заново. Заиграли и корыстолюбіе, и самолюбіе, и чувственность. Сонѣ тогда шель двадцать четвертый годъ. Она была въ полномъ разцвѣтѣ молодости и красоты. Пока она не прочила себя въ бракъ съ Прохоромъ, онъ, разумѣется, и не замѣчалъ ея красоты, потому что она была не свой человѣкъ, изъ чужого высшаго міра. Но теперь, когда красота эта сама давалась въ руки, у Прохора разгорѣлись глаза: не даромъ же Марина ругала его бабникомъ.

Они обвѣнчались въ Орлѣ, гдѣ и поселились. открывъ лудильное и паяльное заведеніе. Года два тому назадъ, я, проѣздомъ черезъ Орель, видѣлъ старуху-хозяйку постоялаго двора, которая присутствовала при свадьбѣ и даже со своего двора отправила Соню къ вѣнцу. Эта благоразумная баба всячески убѣждала Соню одуматься, пока не поздно, и не вступать въ бракъ каторжный и бесполезный.

— Прошку я давно знаю, — говорила она. — Человѣкъ онъ спутанный. У него, небось, и кровито въ тѣлѣ нѣтъ, одна водка. А водка — водки же и просить. Ничего ты его не поправишь, а все, что ему принсешь, онъ пропьетъ; и придется тебѣ съ нимъ мыкать довѣчное горе. И самъ пропадетъ и тебя погубить... вотъ какой это человѣкъ. Озвѣрѣлый. Благодарности и нѣжности не разумѣть, а изувѣрства — сколько хочешь. Первая жена у него сама была брѣхъ; смертнымъ боемъ дрались съ утра до ночи. Да и то не стерпѣла — надорвалась: заморилъ бабу, безстыжая душа! А тебѣ куда же сладить съ нимъ, Эзопомъ? Если уже хочешь непременно принять на себя въ супружествѣ трудовой подвигъ, такъ найди жениха хорошаго, трезваго, работающаго, а это — что?! Сказано: гнусь-человѣкъ, гнусь онъ и есть...

На уговоры старухи Соня не возражала, но принимала ихъ — «что стѣнѣ горохъ», и все твердила, что заплатить за три спасенныя души удобствами и баловствомъ (это она-то себя баловала!) свое жизни — цѣна недорогая; что, главное, ей бы вырастить дѣвочекъ...

Старуха даже разсердилась.

— Какая тебе, мать, печаль чужихъ детей качать? Вогъ ужъ подлинно «старица Софья по всему міру сохнетъ». Сироты, конечно, жалки; хорошо призреть сироту. Да вѣдь ты не въ монастырь идешь, а замужъ. Сама учнешь рожать — не до сиротъ станеть. Чужую крышу не кроютъ, если своя въ дырахъ...

Соня поблѣднѣла и ничего не сказала.

Уговаривала старуха и Прохора.

— Эй, Проша! не бери грѣха на душу: загубишь дѣвку понапрасну, а себѣ не сыщешь ни пользы ни радости. Неровня она тебѣ и не пара. Взыщется съ тебя за нее, но онъ огрызнулся:

— Пустая ваши слова, тѣтушка, потому взыскивать съ меня окончательно не за что. Я Софью Артамоновну не неволю. Мнѣ и самому боязно, что она затѣяла, но, ежели ея такое желаніе, чѣмъ я тому причиненъ? Она не маленькая, имѣетъ свой разумъ, можетъ разсудить, за кого идетъ и на какую жизнь. А я — дуракъ я, что ли, что счастье само плыветъ мнѣ въ руки, а я стану отказываться?

— Да какое счастье, глупый ты человѣвъ? Не будетъ тебѣ съ нею счастья, не ужиться грачу съ бѣлой лебедью...

— Ужъ это, тетушка, какъ Богъ дастъ. Я же вамъ скажу вотъ что: моя жизнь тепе-

рича такая, что, куда ты меня ни поверни, мнѣ не можетъ быть хуже, чѣмъ сейчасъ, потому хуже ужъ не бываетъ.

Въ церкви, однако, Соня оплошала. Подъ вѣнцомъ стояла бѣлая, какъ мѣль, священнику согласіе сказала — точно въ подушку, никто и не слыхаль, а, когда сняли вѣнцы и священникъ приказаль молодымъ поцѣловаться, пошатнулась.

Послѣ вѣнчанія справляли на новосельи свадебную вечеринку. Улучивъ минутку, старуха вызвала Соню въ сѣни, и, пока она шептала обычныя напутствія и наставленья, какими награждаютъ новобрачныхъ посаженыя матери, молодая билась у нея на плечѣ, рыдая въ истерическомъ припадкѣ...

— Что я надъ собою сдѣлала!.. что сдѣлала!.. О, Боже! И вдругъ все это напрасно?!

— А я совсѣмъ потерялась. Не придумаю, что сказать, что дѣлать. Топчусь возлѣ нея, бормочу, что, молю, дѣло сдѣлано — не раздѣлывать статью; думала бы раньше, а, снявши голову, по волосамъ не плачуть; стерпится — слюбится... всѣ эти наши, знаешь, бабьи присловья! А самой такъ на нее горько, — ну, вотъ точь въ точь, какъ когда сынъ въ солдаты уходиль...

Такъ началась жизнь Сони Слѣдловской, потому что дальше началось уже житіе.

Можетъ быть, расчетъ Сони покорить Прохора своему нравственному вліянію, стать руководительницею и наставницею своей новой семьи, и удался бы. Прохоръ очень хорошо понималь ея превосходство и, въ короткое свое жениховство, мало, что совѣстился, даже побаивался невѣсты-барышни. Онъ сознаваль, что судьба странно связываетъ его жизнь съ существомъ особаго высшаго порядка, съ существомъ мудренымъ и хрупкимъ, съ которымъ и обращаться надо по-особенному, но какъ именно — онъ не знаетъ: выходить, барышнину дѣло будетъ приказать и научить, а его — слушаться и дѣлать, что велѣно. Слѣдовательно, Прохоръ тоже шель подъ вѣнецъ, какъ на послухъ своего рода, и — не вовсе еще пропивъ свое мужское самолюбіе — втайнѣ немножко смущался своею будущностью. Онъ размышляль:

«Остепениться — что говорить? — хорошее дѣло: попито, погуляло, полежано на боку, нагоревано и набѣдовано въ достаточности; пора остепениться, — благо, экій кладъ упаль съ неба... Только что-то сердце щемить, — ровно я воли своей рѣшаюсь... Сейчасъ я, хоть кабацкая затычка, живу самъ себѣ голова; хоть жрать нечего, никому не уважаю. А барышня гнетъ на ту модель, чтобы меня вродѣ какъ бы подъ началъ. Какъ учнетъ она мною верховодить, да не стерплю я, растоскуюсь по прежней жизни»...

Будь Соня менѣ красива, не будь у нея тысячи рублей, Прохоръ, вѣроятно, поддался бы на старухины уговоры и сбѣжалъ бы отъ неравнаго брака, какъ новый Подколесинъ. Но пожива была слишкомъ соблазнительна, и разыгравшіеся аппетиты заглушили въ Тыринѣ его слабыя колебанія...

— Эхъ! — рѣшилъ онъ, — была не была! Куда не вывозить кривая? Авось, — Богъ милостивъ: не вовсе взнуздаетъ меня барышня... Да коли и взнуздаетъ, — говорю: хуже, чѣмъ сейчасъ, мнѣ не можетъ быть ни отъ какой перемѣны въ жизни.

Если бы Соня захотѣла поддержать въ мужѣ его конфузъ и робость передъ нею, сознание, что она, какъ нѣкое полубожество, снизошла до него, чтобы его, недостойнаго, спасти и возвысить отъ образа свинскаго къ образу человѣческому, что онъ всегда и во всемъ должникъ жениной доброты и благодѣяній, по гробъ неоплатно ей обязанный, — игра ея была бы выиграна. Изъ Прохора могъ выйти, если не хорошій мужъ и человѣкъ, то послушный и опасливый рабъ, который, въ рукахъ умной, честной и кроткой госпожи, и самъ толковъ, трезвъ, честенъ и работающъ. Но въ натурѣ Сони не было ни капли властности. Всякое нравственное насиліе претило ей, благая цѣль не оправдывала въ ея глазахъ грубыхъ средствъ. Она надѣялась вліять на Прохора, не возвышаясь надъ нимъ, не господствуя, но мягкимъ равенствомъ отношеній и полнымъ къ нему довѣріемъ. Доброжелавшая Сонѣ хозяйка постоялаго двора совѣтовала ей придержать у себя остатокъ

отъ тысячи рублей, послѣ того, какъ, въ видѣ Сонины приданого, устроилась мастерская, были куплены ремесленные права, приобрѣтено все обзаведеніе для будущаго домашняго хозяйства.

— Пока ты съ деньгами, онъ, пьяница, всегда будетъ у тебя подъ башмакомъ, — убѣждала старуха.

Сонѣ не понравился и этотъ совѣтъ. Она вообще не любила денегъ, считала ихъ зломъ, и господствовать надъ мужемъ ихъ властью показалось ей противно. Если она ввѣряла Прохору самое себя, какой смыслъ былъ не повѣрить ему и денегъ? развѣ деньги дороже самой себя? И передъ тѣмъ, какъ отправиться къ вѣнцу, она передала жениху весь свой крошечный капиталъ.

Это была большая и наивная ошибка. Заполучивъ деньги, Прохоръ почувствовалъ себя на твердой почвѣ и возомнилъ о себѣ чрезвычайно много. Для такихъ людей самостоятельность — опасное оружіе. Они безобидны только, пока они подъ ярмомъ. Если они не рабы, они лѣзутъ въ деспоты. Едва Сонины деньги перешли къ Прохору, онъ заговорилъ и повелъ себя съ невѣстою много развязнѣе.

Трусливое благоговѣніе его предъ Сонею значительно потускло: во-первыхъ, главная основа благоговѣнія, капиталъ, принадлежала теперь ему а не Сонѣ; во вторыхъ, Соня, на Прошкинъ взглядъ, сдѣлала глупость, и, стало быть, не такова мудра и властна, какъ онъ ее воображалъ.. А въ первые же дни брака Соня вторично проиграла игру и уже окончательно и безповоротно.

Какъ большинство очень чистыхъ дѣвушекъ Соня имѣла явственный идеаль брака, какъ союз; духовнаго, но не имѣла никакого представленія о бракѣ, какъ семейномъ сожителствѣ. И, когда выступила впередъ эта сторона супружества, Соня потерялась и не выдержала характера, не сумѣла скрыть брезгливаго ужаса, физическаго отвращенія къ мужу. Прохоръ замѣтилъ. На отвращеніе онъ озлился, а ужасомъ воспользовался, чтобы овладѣть положеніемъ. Какъ только онъ понялъ, что жена, которой онъ такъ конфузился и робѣлъ, сама еще больше его боится, — Прохоръ сразу осмѣлѣлъ и обнаглѣлъ. Суевѣрный культъ его къ «барышнѣ» растаялъ безъ слѣда: необыкновенная жена трясется предъ мужемъ, будто осиновый листъ, какъ и всякая обыкновенная баба, — значитъ, такова она и есть! А на обыкновенную бабу и законъ обыкновенный: жена да боится своего мужа! И первая же недѣля супружества показала Сонѣ, что она — жена-раба въ лапахъ мелкаго, но властнаго деспотика.

Зажавъ въ кулакъ покоренную перепуганную женщину, Прохоръ былъ очень веселъ. А Соня стала какъ неживая, — исполнительная и покорная, она дѣлала все, точно не своею волею и силою, но какъ машина, по заводу. Она имѣла видъ спокойный, охотно и разумно разговаривала, но таилось въ ней что-то новое, жуткое, отчего, — говорила старуха, — даже плакать хотѣлось: точно она закаменѣла въ холодномъ ужасѣ.

— Покуда этотъ страхъ на ней лежалъ, я за нею, какъ тѣнь, слѣдила. Все боялась: не удавилась бы она. Охъ, да и удавилась бы, — чѣмъ бѣсъ не шутить? силенъ лукавый: долго ли до грѣха? Да пожалѣлъ ее Господь: въ скорости отвелъ мысли на другое, — посылалъ дитя понести.

Ну, и ничего, Богъ милостивъ, перешло. А ужъ такъ-то ли было жутко! такъ жутко!

Тайна самоотреченія созрѣла, и Соня справилась съ собою: ей стало легче. Старуха напророчила правду: дѣло у Прохора не пошло. Онъ, дѣйствительно, слишкомъ излѣнился и избражничался. Притомъ же, Зачѣмъ гнаться за работою, когда въ карманѣ звенятъ деньги?

— Погружено, слава тѣ Господи! — разсуждалъ онъ. — Холода, голода, всего принято достаточно. Дай же ты человѣку духъ перевести.

Мастерская работала слабо. Заказы были, но Прохоръ модничалъ, важничалъ,

дорожился, затягивалъ работу. Заказчики шли къ другимъ мастерамъ.

— И прекрасно! и сдѣлайте ваше великое одолженіе! — шумѣлъ Прохоръ, распивая чай въ заведеніи «Нахаль Кэпе», какъ перекрестилъ темный околотокъ «Ахаль Теке». — Чтобы цѣну сбивать, намъ, друзья, нетъ такихъ расчетовъ. Дѣлателью, братъ, довѣсть мзда по дѣламъ его; такъ-то выходитъ справедливость отъ Писанія. Работа моя, пряма скажу, питерская работа. Стало быть, и денежки пожалуйста стоящія. А не угодно — не неволимъ. Но, чтобы за грошъ на рожонъ, нѣ-ѣтъ! Мы, хвала, Создателю, при собственномъ капиталѣ, не нуждаемся.

Соня находила мужа не совсѣмъ неправымъ; въ самомъ дѣлѣ, ему, намаившемуся въ долгой собачьей жизни, не грѣшно легкою передышкой возстановить силы, измотанныя голоднымъ горемъ и пьянствомъ съ голоднаго горя. Кругомъ ихъ, мелкій кустарь задыхался въ каторжномъ трудѣ и кабалѣ долговъ, какъ много лѣтъ задыхался раньше Прощка... Имъ не зачѣмъ лѣзть въ каторгу и кабалу, не зачѣмъ бросаться въ хищную погоню за каждымъ кускомъ на перебой, которая превращаетъ жизнь сосѣдей въ сплошной кошмаръ ненавистной грызни за существованіе. Имъ не зачѣмъ перехватывать заказы у этихъ горемыкъ.

— Они своей нужды переждать не могутъ, а мы можемъ. Они понижаютъ цѣны поневолѣ, потому что только этимъ и могутъ привлечь къ себѣ заказчика, а мы, если понизимъ, — значить, прямо съ расчетомъ разорить ихъ, поморить съ голода...

По такимъ соображеніямъ, Соня смущалась не столько безработицей, сколько хлопотностью, небрежностью, скукою, неаккуратностью мужа, когда работа перепадала. Она хотѣла помогать Прохору, но онъ обругалъ ее:

— Слыханное ли дѣло, чтобы баба въ мастерство лѣзла... этакъ ты и въ солдаты полѣзешь... Знай свое дѣло у печки...

Да, правду, сказать, этого дѣла у печки было по горло. Работницу Тырины держали только первые мѣсяцы послѣ свадьбы, пока Соня не втянулась въ обиходъ своего хозяйства и не убѣдилась, что оно ей подъ силу и одной. Печь, корова, куры, нынче — хлѣба, завтра — стирка, послѣзавтра — мытье половъ, двѣ дѣвочки на рукахъ, общей ихъ, обмой, учи грамотѣ, да сама тяжелая. Къ вечеру Соня не чуяла подъ собой ногъ и, когда куры сажались на насестъ, слипались и ея глаза. Набирать еще работы значило бы надрывать, а силы надо было беречь. Соня смутно чувствовала, что въ одной своей надеждѣ она уже обманулась — работникомъ Прохоръ не будетъ, и, слѣдовательно, когда приданныя деньги выйдутъ, заработокъ ихъ окажется ничтожнымъ, и домъ упадетъ всею тяжестью на ея плечи.

Личныя отношенія супруговъ были ладны на людской взглядъ и дурны на самомъ дѣлѣ. Какіе бы покоры ни взводили на русскую крестьянскую, мѣщанскую, мелкокупеческую, сельскую поповскую семью, сколько бы недостатковъ тамъ ни было, однако жена въ ней рѣдко теряетъ свою нравственную личность. Часто она — прежде всего рабочая и страдающая сила, часто — производящая и кормящая дѣтей самка, но она никогда не наложница, не тварь, введенная въ обиходъ лишь ради чувственной утѣхи: заурядный брачный порокъ городского культурного круга. Народъ даже не любитъ, когда мужъ съ женой черезчуръ нѣжничаютъ между собою. Вонъ, какъ Кабаниха обрываетъ Катерину: «Что на шею лѣзешь, безстыдница? Не съ любовникомъ прощаешься». Да и въ пѣсняхъ, и въ сказкахъ, и въ лѣтописяхъ нашихъ, и у попа Сильвестра, страсть, сентиментальность, чувственность — все любовникамъ и любовницамъ: супругамъ же — «законъ», «благополучное и мирное житіе», «бракъ честенъ и ложе не скверно». Словомъ, цѣли русскаго простонароднаго брака: прямая — упорядоченное рожденіе дѣтей, и косвенная — приобрѣтеніе въ семью работницы. Я самъ зналъ бабъ, искренно несчастныхъ тѣмъ, что мужья (изъ разбалованныхъ питерщиковъ) любили ихъ «не для дѣтей», — и мужья эти кореннымъ деревенскимъ людомъ считались пакостниками и развратни-

ками, потому что:

— Коли ты затѣяль баловство, такъ ступай, срамись по любовницамъ, а жены позорить не смѣй; она — на вѣкъ, она законъ.

Такого несчастною бабой — не только для закона, но и для потѣхи — отчасти вышла и Соня. Прохоръ былъ человѣчишко мстительный. Долгое пьяное вдовство, полное кабацкаго тоскованья и кабацкаго распутства, и обозлило его и изгязнило. Онъ не забылъ перваго отвращенія къ нему Сони; догадывался, что втайнѣ онъ продолжаетъ быть ей противень и презрителень, какъ ни искусно она притворяется; понималъ, что иначе быть не можетъ, не счего быть иначе. За все это онъ мстиль Сонѣ именно преувеличенно, безъ уваженія, грубо повелительною нѣжностью напоказъ:

— Любуйтесь, моль, добрые люди, какой у насъ съ бабой ладъ. А ты, барышня, знай хозяина. Потому что ты — мое: хочу — люблю, хочу — убью.

Совѣтовъ Сони Прохоръ не хотѣлъ знать. Въ каждомъ желаніи подозрѣвалъ:

— Баба норовить зажать меня подъ пяту.

Онъ предпочиталъ поступить глупо, невыгодно, лишь бы по своему, а не по бабьему разуму.

— Моя въ домѣ воля! — тупо рубилъ онъ въ отвѣтъ на всѣ резоны и увѣщеванія.

Слагался быть дикій, не одухотворенный ни любовью, ни дружбою, ни товариществомъ, ни взаимнымъ уваженіемъ. Сонѣ уважать Прохора было не за что. Для Прохора уважать — значило бояться. Когда Соня не сумѣла забрать его въ руки и стать старшею въ семьѣ, онъ, въ побѣдномъ самодовольствѣ запрезиралъ и жену, которую онъ такъ ловко скрутилъ, и положеніе, которое недавно ихъ раздѣляло. Теперь онъ смотрѣлъ на Соню, какъ всякій сѣрякъ смотритъ на свою бабу: существо небезполезное, но безконечно низшее мужчины. Только въ обыкновенномъ сѣрякѣ этотъ взглядъ простъ и добродушенъ, — онъ не со зла, а «по старинѣ». Прохоръ же, какъ маленькій тиранъ, любилъ своею властью оскорбить, огорчить, унижить.

Покуда все это только проскальзывало, а не было общимъ правиломъ. Чувствовалось, но не въявь, — таилось. Таилось, пока Прошку связывали двѣ силы: возможность работать «по-барски», спустя рукава, купленная на Сонину тысячу рублей, и еще не пріевшаяся красота Сони.

Деньги растаяли въ три года. Тыринъ опять лицомъ къ лицу съ повседневной работой или нищетой, на выборъ. У него на рукахъ трое малыхъ дѣтей, прижитыхъ съ Сонею, да еще двѣ дѣвчонки отъ перваго брака, съ которыми неустанно возится, точно со своими, жена, подурнѣвшая, постарѣвшая на десять лѣтъ отъ чрезмѣрнаго труда и частой беременности. Онъ озлобился и выбралъ, что больше подходило ему, развращенному то безработицею, то ненадобностью работы: пьяную и праздную нищету. Словно увѣрился:

— Куда ни кинь, все клинь, одна каторга. Проклять я, и никакими силами прійти въ благополучіе мнѣ нельзя.

Кабакъ побѣдилъ. Дома не стало. Вмѣстѣ съ нищетою и пьянствомъ пришли и побои. Соня нашла свое страданіе и получила его полностью. Если бы не она, если бы не ея сверхсильный и разнообразный трудъ, ребятамъ Прохора пришлось бы стучать подъ чужими окнами за кускомъ хлѣба Христа ради. Откуда только брала она энергію и какъ ее Богъ выручалъ!

Провалившись въ Орлѣ съ своимъ мастерствомъ, Тырины перебрались въ Москву. Здѣсь, въ передней у одной барыньки-заказчицы, я встрѣтилъ Софью Артамонову уже такою, какъ ты ее видѣлъ сейчасъ. Только художническій глазъ могъ признать въ ней былую «Мечту». Потомъ она призналась мнѣ, что очень мнѣ обрадовалась, а между тѣмъ встрѣтила меня сухо, почти съ испугомъ. Я для нея былъ человѣкомъ изъ чужого міра, внѣ ея подвига, — значить, не понимающимъ и враждебнымъ.

Съ тѣхъ поръ я уже не упускалъ Софью Артамоновну изъ вида. Говорилъ съ нею, узналъ ея каторгу во ясѣхъ подробностяхъ. А общее — вотъ оно: вѣчно пьяный лѣнтяй-мужъ, каждый день побои, каждый годъ дѣти и работа не въ подъемъ, съ утра до ночи, — отъ печи къ иглѣ, отъ иглы къ прачечному корыту, отъ корыта къ вязальнымъ коклюшкамъ, чего-чего только она не работала!

— Бросьте вы все! — убѣждалъ я ее. Вѣдь ясно, что вы ошиблись, изъ вашей затѣи ничего не вышло, и вы не на своемъ мѣстѣ.

Она даже не поняла меня:

— Какъ бросить? Какъ не на мѣстѣ? И недоумѣвающей вѣзрѣ ея очей, — пожалуй-ста, не улыбайся, потому что у нея именно очи, а не глаза, — сдѣлался строгъ и свѣтель. А мнѣ стало стыдно, что я ее уговариваю, — стало ясно, что счастье заключается для нея именно въ томъ, что я принимаю за, ея несчастье. И я покраснѣлъ подъ ея взглядомъ, а она смягчилась и добро размѣялась:

— Уйти, бросить, а куда же я дѣну свой муравейникъ? Тоже и его бросить? Ахъ, Василиій Николаевичъ! какъ вы тамъ — въ своихъ умныхъ кругахъ — легко и быстро думаете. У меня дѣти, голубчикъ, у меня мужъ — больной, слабый человѣкъ. А вы говорите: «Я не на мѣстѣ!» Что Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучаетъ. Не на смѣхъ вѣнчались.

— Полно, Софья Артамоновна, говорите, что хотите, только не это. Сами отлично знаете, что сгубили себя ни за что ни про что, какой ужъ Прохоръ мужъ для васъ!

Она опять потемнѣла и нахмурилась:

— Каковъ бы онъ ни былъ, мужъ.

— Ну, Софья Артамоновна, съ вашими строгими религиозными взглядами, такое даже говорить стыдно. Бракъ безъ любви — не бракъ.

Она слегка покраснѣла, отвернулась и говорить, глядя въ сторону:

— Безъ любви, безъ любви, да почему вы такъ увѣрены, что я не люблю Прохора?

— Софья Артамоновна! Хотя въ этомъ-то будьте откровенны. Ну, за что вамъ его любить, можно ли любить? Что же? скажете, пожалуй, что вы и вышли за него по любви?

— Нѣтъ, я не позволяю себѣ лгать. Тогда я его не любила. Онъ былъ мнѣ страшенъ.

— А теперь, когда вы всѣ его безобразія испытали на своей собственной кожѣ, стали любить? Съ какой же это стати?

— Съ такой, что бракъ приноситъ любовь.

— Мистицизмъ все это. Напускаете вы на себя. Она разсердилась и еще гуще покраснѣла.

— Что же? — сказала она прерывающимся голосомъ. — Вы правы въ томъ, что Прохоръ Ивановичъ дурно ведетъ себя, и жить съ нимъ не легко. А я, видите, десятый годъ живу. Захотѣла бы, такъ ушла.

— Сами же говорите: дѣти держать, ишь, ихъ у васъ, дѣйствительно, какой муравейникъ!

— Да вѣдь отъ него дѣти-то, Прохоровы. Что же? И это, стало-быть, безъ любви? Что же вы меня за животное считаете?

Я только руками развелъ.

— Ну, не понимаю я васъ.

— Нѣтъ, вы любви не понимаете. По-вашему, любить значитъ наслаждаться, да красоваться собою, а, по-моему, любить значитъ жалѣть. И если мнѣ никого на свѣтѣ не жаль больше, чѣмъ этого несчастнаго, безвольнаго, порочнаго человѣка, — ну, никого, никого! — такъ неужели же не значитъ это, что я люблю его, и, стало-быть, не проста судьба отдала ему меня въ жены?

Я никогда не могъ уговорить ее взять отъ меня денегъ.

— Зачѣмъ? Намъ достаетъ, — отнѣкивалась она. И, дѣйствительно, я видѣлъ, что достаетъ: ребята были чисты, грамотны, сыты; если бы не пьянствовалъ Прохоръ, да не такъ часто рожались дѣти, домъ былъ бы полною чашей. И все это создавалось исключительно руками Сони, потому что непостоянный, капризный, лихорадочный заработокъ мужа цѣликомъ уходилъ въ такой же лихорадочный загуль.

Пробовалъ я облегчить Сонѣ заработокъ — отбить ее отъ грубыхъ формъ труда; нашель ей заказы на шитье, вязанье, вышиванье. Не тутъ-то было. Дошла до заработка рублей въ тридцать пять на мѣсяць и остановилась:

— Это ужъ, говорить, милостыня. Отдавайте другимъ. Другіе больше меня нуждаются. Мы имѣемъ довольно, а лишняго не хотимъ, — не честно брать, отнимать у другихъ.

Насилу уговорилъ, чтобы она брала на комиссію и передавала работу своимъ знакомымъ женщинамъ.

Теперь ей, разумѣется, легче: старшія дѣвочки, падчерицы, подросли, помогаютъ; умненькія и славненькія; свѣтлоглазыя такія; видно, что любятъ мачеху безъ памяти.

Вогъ тебѣ и вся исторія Сони Слѣдловской. Когда я говорилъ о ней съ умными людьми, мнѣ обыкновенно указывали, что она, какъ юродивая, бесплодно загубила свою жизнь, тогда какъ могла бы быть полезна многимъ, многимъ. Но бесплодно ли? Эти двѣ дѣвушки, изъ которыхъ должны были выйти воровки и проститутки, а, благодаря мачехѣ, вышли честныя и грамотныя работницы; ея собственныя дѣти, изъ которыхъ опять-таки выйдутъ хорошіе и полезные люди, — развѣ это не плоды ?

— Ну, знаешь, это еще бабушка надвое говорила: дѣти алкоголика.

— Ахъ, оставь ты, сдѣлай милость, эту ломбровозщину! Видѣлъ я Сониныхъ ребяташекъ: славные, давай Богъ всякой матери. И иначе быть не можетъ, потому что, каковъ бы ни былъ ихъ отецъ, а у такого мощнаго, благороднаго созданья, какъ Софья Артамоновна, и дѣти должны быть мощныя и благородныя. Ея души, ея природы не одолѣеть въ нихъ отцовская кровь, какъ и самое Соню не одолѣли мужнины безобразія.

Наконецъ видалъ я и Прошку и убѣдился, что даже и этотъ кремешокъ сломила-таки желѣзное упорство кроткой Сониной природы, что онъ уже понимаетъ свое скотство, и ему стыдно жены. Побои, разврать давно прекратились. Не пить онъ не можетъ — будетъ пить до смерти — и подохнетъ отъ водки, но я самъ слышалъ, какъ онъ, пьяный, рыдалъ источнымъ голосомъ:

— Святая! Святая!

И проклиналъ свое свинство. Стало-быть, въ звѣрѣ зашевелился-таки человѣкъ, подъ щетиною заходила Божьею искрой живая душа. Въ концѣ, концовъ, бесполезно погибла жизнь Сони Слѣдловской, только для самой Сони Слѣдловской. Да и то еще вопросъ. Она измучена, она истощена, но глядитъ довольной и счастливой. Гораздо довольнѣе и счастливѣе, чѣмъ мы съ тобою, чѣмъ вотъ эти разряженные люди, обгоняющіе насъ въ своихъ ландо, какъ могла бы, если бы захотѣла, обогнать насъ и Соня Слѣдловская. И всякій разъ, что я вижу ея ясные глаза, меня цѣлый день преслѣдуетъ мысль: не лишнее ли все, чѣмъ мы добиваемся своего довольства и добиться не можемъ? не доступно ли оно лишь тому, кто достигъ тайну самоотреченія и смиренно идетъ по землѣ его тернистою тропой?

1894.

ДОМАШНІЯ НОВОСТИ

I.

Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ Александръ Николаевичъ Чилюкъ лежалъ на диванѣ и самъ себя не вѣрилъ: неужели онъ опять въ Россіи, въ захолустной дере-

вущкѣ своего отца, въ томъ самомъ домѣ, откуда, двѣнадцать лѣтъ назадъ, ушелъ онъ въ свое всесвѣтное бродяжничество?

Да, и даже ничего не измѣнилось съ тѣхъ поръ въ этой тихой обители. Тѣ же темные, поблекнувшіе обои, тѣ же кожаные диваны, тѣ же портреты генераловъ и архіереевъ по стѣнамъ, все старое: точно и не уѣзжалъ. Недостаетъ только, чтобы по дому раздавались быстрые тяжелые шаги и рѣзкій бранчивый голосъ матери Чилюка, умершей въ его отсутствіе, Чилюкъ поморщился; ему припомнилось, какъ здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ теперь наслаждается онъ послѣбобѣденнымъ отдыхомъ, разыгралась, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, горькая, тяжелая сцена.

Мать его ненавидѣла; а ужъ если мать ненавидитъ свое дитя, то ненависть бываетъ ужасна и безпощадна. У Чилюка морозъ по кожѣ пробѣжалъ при воспоминаніи о дѣтствѣ — голодномъ, холодномъ, полномъ слезъ и безчеловѣчныхъ наказаній. Другой ребенокъ не вынесъ бы, но онъ унаслѣдовалъ, точно на зло матери, ея богатырское сложеніе и выросъ молодцомъ. И головой его Богъ не обидѣлъ. Шестъ классовъ гимназіи прошелъ онъ въ первомъ разрядѣ, а тутъ и попуталъ грѣхъ. Чилюкъ переслалъ во время extempore записку слабому товарищу — выручить хотѣлось. Вспыльчивый педагогъ, подмѣтивъ эту штуку, обмолвился, назвалъ Чилюка мерзавцемъ, а Чилюкъ отвѣтилъ пощечиной. Выгнали съ волчьимъ паспортомъ, и хорошо еще, что только тѣмъ кончилось дѣло. Могъ угодить въ тюрьму, въ солдаты.

— Поздравляю, Александръ Николаевичъ, съ повышеніемъ. Теперь вамъ уже и до арестантскихъ ротъ недалеко.

И Чилюку стало немножко жутко, когда онъ воскресилъ въ памяти мать — тучную пожилую женщину, съ желтымъ лицомъ, искаженнымъ отъ гнѣва на ненавистнаго сына. Щеки у нея тряслись, и глаза остановились, какъ у одержимой столбнякомъ, когда она говорила эти злыя, не материнскія слова. Но тогда Чилюкъ не сробѣлъ, самъ поволчьи сверкнулъ на мать своими, похожими на ея, глазами и такъ же злобно и презрительно отвѣтилъ ей:

— Сами не попадите туда раньше меня! Мать прокляла его анаѳемой. Отецъ испуганно зажалъ уши и выбѣжалъ изъ комнаты.

Александръ Николаевичъ улыбнулся: отецъ ничуть не измѣнился за двѣнадцать лѣтъ. Все тотъ же сырой, рыхлый мужчина съ кислымъ, никогда не выглядѣвшимъ молодо, но зато и не старѣющимъ бабьимъ лицомъ. Попрежнему женолюбивъ, слабъ и не можетъ жить безъ опеки. Александрѣ Николаевичу очень не понравилась, по первому взгляду, особа, замѣнившая въ домѣ его мать, — эта Александра Кузьминишна, или какъ тамъ ее? Словомъ, «мой лучший другъ», по рекомендаціи отца. У нея фигура крупичатой уѣздной поповны, а лицо старой дѣвы — носъ башмакомъ и злые сѣрые глаза буравчикомъ; если она разсердится, они, вѣоятно, станутъ зелеными. Такіе глаза бываютъ только у скверныхъ людей. Отецъ, повидимому, у нея въ полномъ подчиненіи, что ни вздумаетъ сказать, сперва взглянетъ на Александрѣ Кузьминишну, точно спросить позволенія. Влюбленъ, какъ котъ, и подъ башмакомъ, — ясное дѣло. Каково-то уживается съ избранницей его сердца сестра Катя?

Александръ Николаевичъ, по крайней мѣрѣ въ десятый разъ съ утра пожалѣлъ, что не засталъ Катю дома.

— Уграздило же ее такъ некстати уехать къ какой-то подругѣ, да еще въ Саратовскую губернію, да еще на цѣлый мѣсяцъ! Этакъ и не увидишь ее, пожалуй. Черезъ мѣсяцъ я за тридевять земель буду. А хотѣлось бы повидать.

Когда, противъ воли порѣшивъ съ гимназіей, Александръ Николаевичъ, съ отчаянія, бросился въ заманчивую, полную тревогъ и переворотовъ, жизнь авантюриста и уѣхалъ добровольцемъ къ Черняеву. Катя одна искренно плакала о немъ. Мать и проститься не захотѣла съ нимъ, отецъ благословилъ какъ-то наскоро и смущенно, словно

втайнѣ радъ былъ, что отдѣлался отъ «мерзавца» сына, съ которымъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать дальше. Катѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ; теперь она — уже двадцати четырехлѣтняя дѣвушка и, вѣроятно, красавица: дѣвочкой она обѣщала много. Но Александръ Николаевичъ не могъ вообразить ее взрослою. Онъ вспомнилъ ея бѣлое и румяное личико съ большими черными глазами, ясными, чистыми и правдивыми, и у него потеплѣло на душѣ. Это личико часто грезилось ему, какъ послѣдній обломокъ немногихъ пріятныхъ воспоминаній о родинѣ, и въ грозныя ночи на алексинацкихъ редутахъ, и когда онъ стоялъ вольнонаемнымъ матросомъ на вахтѣ парохода, уносившаго его изъ Марселя въ Соединенные Штаты, и въ баракѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ десятками товарищей землекоповъ на линіи Тихоокеанской желѣзной дороги, лежалъ въ жестокихъ припадкахъ маляріи. Сколько онъ видѣлъ, пспыталъ, пережилъ и перечувствовалъ въ эти двѣнадцать лѣтъ! Чѣмъ только не былъ онъ въ Америкѣ! Землекопъ, разносчикъ газетъ, посыльный, мелкій бакалейщикъ, матросъ, дрогистъ, распорядитель общества похоронныхъ процессій, адвокатъ, коммивояжеръ и, наконецъ, — для того, чтобы увѣнчать эту лѣстницу состояній, — сперва приказчикъ, а потомъ счастливый компаніонъ крупной мануфактуры, для которой онъ съ чисто російской сметкой, почти нечаянно, изобрѣлъ какое-то приспособленіе, дорого оцѣненное на рынкѣ. Дверь скрипнула.

— Саша, можно къ тебѣ? На порогѣ стоялъ отецъ Чилюка — Николай Евсеевичъ.

— Разумѣется, папенька!

Старикъ вошелъ, тщательно заперъ дверь и опустил мѣдный язычекъ на замочную скважину. Александръ Николаевичъ наблюдалъ родителя, но безъ изумленія.

— Что это, папенька? Къ чему такія предосторожности?

Старый Чилюкъ сдѣлалъ многозначительную гримасу и подсѣлъ къ сыну.

— Видишь ли, другъ мой, — пожевавъ губами, началъ онъ очень тихимъ голосомъ: — ты меня извини, пожалуйста, что я потревожилъ твой сонъ.

— Да я не спалъ.

— Тѣмъ лучше. Но мнѣ надо говорить съ тобой объ очень важномъ дѣлѣ и... и секретно: главное, чтобъ она не слыхала!

— Кто она? Александра Кузьминишна, что ли? А вы, добрѣйшій папа, какъ я замѣчаю, имѣете къ ней не малый респектъ.

Николай Евсеевичъ покраснѣлъ.

— Но... какъ же иначе? Она не кто-нибудь, а дѣвушка хорошей фамиліи, съ образованіемъ и притомъ... гм!.. притомъ, какъ человѣкъ бывалый, наблюдательный, не могъ самъ не замѣтить, что она мнѣ очень дорога!

— Не могъ не замѣтить: вы правы. Что же дальше?

— Саша! — трагически воскликнулъ Чилюкъ послѣ нѣкотораго молчанія: — признайся: очень ты меня презираешь?

— Васъ? За что? До вашихъ сердечныхъ дѣлъ мнѣ нѣтъ дѣла. Я — отрѣзанный ломоть, отдѣленъ отъ васъ и морями, и горами, и рѣками. На такомъ почтенномъ разстояніи мы можемъ существовать, ничуть не нуждаясь въ мнѣніи другъ друга.

— Какъ человѣкъ, какъ посторонній! человѣкъ, Саша! — продолжалъ Николай Евсеевичъ: — я знаю, что потерялъ право видѣть въ тебѣ члена семьи. Но, какъ человѣкъ!

Сынъ пожалъ плечами.

— Что жъ? Вамъ всего пятьдесятъ лѣтъ, и вы не святой. Если вашъ романъ не приноситъ никому зла, никто не станетъ судить васъ строго. Меня же прошу уволить отъ отвѣта. Какой я вамъ судья? Я только что пріѣхалъ, ни къ чему не приглядѣлся. Можетъ быть, дама вашего сердца — ангелъ, а можетъ быть, дьяволъ; можетъ быть, ея присутвіемъ создается рай въ домѣ, а можетъ быть, адъ. Какъ она уживается съ Катей? Вотъ вамъ — судья настоящій, по праву компетентный, съ основаніями и доказательст-

вами. Къ Катѣ и обратитесь. А мнѣ что! Такъ-то, папа!

Александръ Николаевичъ засмѣялся, но старикъ не развеселился, а, напротивъ, сидѣлъ, какъ въ воду опущенный.

— Я долженъ тебѣ признаться, — пробормоталъ онъ, запинаясь и багровѣя, — что это, конечно, очень странно, но Катя не живетъ у меня больше.

Александръ Николаевичъ внимательно взглянулъ въ смущенное лицо отца.

— То-есть?

— Она ушла отъ насъ.

— Какъ ушла? куда?

— Совсѣмъ ушла. Не поладила съ Александрой Кузьминишной и не захотѣла оставаться съ нею подъ одной крышей... такъ, потихоньку и ушла. Ты знаешь Теплую слободу — тутъ близко, подъ городомъ? Тамъ ея кормилица Ѳедосья живетъ... кружевница — помнишь? У Ѳедосьи и поселилась...

Александръ Николаевичъ вскочилъ съ дивана. — Это бредъ какой-то! — вскричалъ онъ. — Неужели вы это серьезно? Да у васъ въ домѣ эпидемія, что ли? То сынъ сбѣжалъ въ Сербію, то дочь куда-то къ чорту накулочки. И потомъ: я помню Катю смирной, кроткой дѣвочкой. Я думаю, надо было неистово оскорбить ее, чтобы она рѣшилась на такую штуку!

— Александра Кузьминишна, дѣйствительно, была рѣзка съ нею...

— А у васъ не хватило характера вступить за дочь? — презрительно замѣтилъ Александръ Николаевичъ.

— Ты напрасно такъ думаешь, Саша! Я, конечно, не смѣю хвалиться: я далеко не богатырь воли, но все-таки помню свои обязанности и... и не далъ бы Кати въ обиду. Но Катя сама была въ этомъ случаѣ словно сумасшедшая. Она возненавидѣла Александру Кузьминишну, едва та вошла въ домъ. Надо тебѣ сказать, что предъ смертью твоей покойницы-матери Катя была съ ней очень хороша, совсѣмъ не такъ, какъ раньше. Ты помнишь, что у Глаши былъ ужасный, тяжелый характеръ... Ревновала ли Катя Александру Кузьминишну къ памяти Глаши, просто ли чувствовала антипатію къ ней, но сцены слѣдовали за сценами. Я былъ мученикомъ между двумя этими женщинами, клянусь тебѣ...

— Охотно вѣрю. Дальше.

— Ну, въ одно прекрасное утро онѣ поссорились сильнѣе обыкновеннаго, и Катя исчезла, оставивъ мнѣ самую рѣзкую записку, какую только можно вообразить.

— Гмъ!

— Ты не вѣришь? Напрасно! Взгляни!

— «Папа, — прочиталъ Александръ Николаевичъ, — мнѣ тяжело въ вашемъ домѣ такъ, что больше терпѣть я не въ силахъ. Я буду жить одна у добрыхъ людей. Тамъ, по крайней мѣрѣ, меня обижать никто не посмѣетъ. Мнѣ ничего не надо, никакихъ денегъ, но не требуйте меня домой. Выгнать Александру Кузьминишну вы не рѣшитесь, а жить вмѣстѣ съ этой подлой женщиной я не стану, лучше умру. Не сердитесь на меня за это, а я не сержусь. Ваша Катя».

— Позвольте, папа: въ этой запискѣ нѣтъ ни одного знака препинанія, мерзкій почеркъ, «вмѣстѣ» черезъ два «есть» написано, не «посмеить» вмѣсто не «посмѣеть»... Неужели это Катя писала?

— Другъ мой, ты знаешь, какъ туга она была на науку, а въ послѣдніе годы она книги въ руки не брала.

— Но все-таки... Кстати: вы ее гдѣ учили?

— Домашнимъ воспитаніемъ.

Александръ Николаевичъ досадливо махнулъ рукой.

— То-то она пишетъ, какъ прачка!.. Но что она можетъ дѣлать тамъ, у этой

Федосья? Ну, я помню ее — отличная женщина, но не станет же она держать Катю на хлѣбахъ даромъ. Вы говорите, Катя денегъ не взяла?

— Ни копейки, и все, что я ни посылалъ, возвращала.

— А звать ее назадъ вы пробовали?

— Да, но она рѣзко отклонила мои просьбы, а потомъ и...

— И Александра Кузьминишна запрѣтила. Эхъ!.. Необразованная, воспитанная бѣлоручкой — на что годится она тамъ?!

— Ахъ, Саша! — Николай Евсеевичъ прослезился. — Мнѣ передавали, будто она ужасно опустилась, стала совсѣмъ *comme une paysanne*; одѣвается по-ихнему, такъ же работаетъ, какъ онѣ.

— Ну, это еще — куда ни шло! Я самъ цѣлыхъ шесть лѣтъ состоялъ хуже, чѣмъ въ пейзажахъ, пока не выбился въ люди.

— Но, Саша, говорятъ, будто она очень дурно ведетъ себя, что она забыла всякій стыдъ и женственность.

— Катя?!

— Да, *cher*... Et on parle enfin, что у ней есть... un *amant*... А? каково это слышать?!

— Продолжайте, — наморщивъ лобъ, мрачно сказалъ сынъ.

— Другіе говорятъ, что ихъ не одинъ, а много... Чего же тебѣ еще? Я все сказалъ...

— Дѣйствительно, вполнѣ достаточно.

— Позволь! Куда же ты? — вскрикнулъ Николай Евсеевичъ, видя, что сынъ взялся за шляпу.

— Въ Теплую слободу, разумѣется. Надо мнѣ взглянуть на Катю. Что ей сказать отъ васъ?

— Я... я не знаю, такъ неожиданно, я совсѣмъ не затѣмъ говорилъ, — залепеталъ старый Чилюкъ.

— Не могу же я оставить свою родную сестру чортъ знаетъ въ какомъ положеніи!

— Да, чортъ знаетъ въ какомъ... Какъ это странно, однако: вообрази, я считалъ тебя демократомъ!..

— Къ чему вы это? — изумился Александръ Николаевичъ на недоумѣлую улыбку отца.

— Нѣтъ, такъ...

— Хотите вы, чтобы я вернулъ ее къ вамъ? Старикъ замялся.

— Другъ, мой! знаешь ли... по-моему, это неудобно... Конечно, я — какъ отецъ... но она такъ компрометировала мое имя, и потомъ... потомъ, если правда, что говорятъ объ ея поведеніи, то, какъ хочешь, держать ее въ домѣ совсѣмъ неприлично... смѣяться будутъ.

— А теперь надъ вами не смѣются развѣ? Я думаю, хохочутъ по всей губерніи?

— Увы! увy! Ты совершенно правъ, мой другъ... и вотъ поэтому-то я имѣю къ тебѣ большую просьбу, очень большую... Уговори ты Катю уѣхать!

— Куда?

— Да чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, — чтобы забыли про нее въ здѣшнихъ мѣстахъ. Согласись, что я въ ужасномъ положеніи: вѣчно подъ бокомъ живой упрекъ, и всякій этотъ упрекъ видить... и, наконецъ, чѣмъ я виноватъ, если она убѣжала?!

— Я вотъ что сдѣлаю, — задумчиво выговорилъ Александръ Николаевичъ, — я предложу ей уѣхать со мною.

— Въ Америку?! — обрадовался Николай Евсеевичъ.

— Зачѣмъ въ Америку?! Я могу ее устроить въ Петербургъ, у однихъ моихъ друзей... Денегъ я предложу ей отъ себя, потому что отъ васъ, какъ я замѣчаю, она, пожалуй, и не возьметъ.

— Не возьметъ! ни за что не возьметъ! Она гордая... Ахъ, Саша, если бы ты это

устроилъ, я бы тебѣ, хоть ты и сынъ мнѣ, въ ножки поклонился! — прочувствованнымъ тономъ говорилъ Николай Евсеевичъ, пожимая руки сына. — Ты и ее, несчастную, спасешь...

— И вамъ руки развяжу?

— Да, освободишь мою совѣсть, Саша! скажи: очень ты меня сейчасъ презираешь? Александръ Николаевичъ отвернулся. Ему было жаль отца...

— Эхъ, папа!.. — выразительно вырвалось у него. Онъ махнулъ рукой, взялъ шляпу и вышелъ.

II.

«Все-таки спасибо матери, — думалъ Александръ Николаевичъ, идя узкимъ проселкомъ между двухъ волнующихся морей желтой ржи, — спасибо, что она родила меня похожимъ на нее, а не на отца. Распущенность, безхарактерность, барство... это чортъ знаетъ что такое! особенно, если долго ихъ не видишь и поотвыкнешь... Право, если подумать, что при другой, болѣе нѣжной маменькѣ и изъ меня, пожалуй, развилось бы что-нибудь этакое расплывчатое, — можно извинить покойницѣ всѣ ея порки, затрецины и колотушки».

Александръ Николаевичъ шелъ пѣшкомъ, потому что не хотѣлъ брать въ Теплую слободу, вмѣстѣ съ повозкою, кучера, чтобы не сдѣлать, въ его лицѣ, всю отцовскую прислугу свидѣтелями свиданія — не совѣмъ-то ловкаго, какъ онъ ожидалъ. Короткую дорогу до Теплой слободы онъ отлично помнилъ: въ дѣтствѣ ему часто случалось бѣгать въ этотъ бойкій пригородокъ поглазѣть на воскресный базаръ, на дѣвичьи хороводы и подвыпившихъ мужиковъ. Теплая слобода была мѣстомъ шумнымъ и люднымъ, — на шоссеиномъ трактѣ, съ постоянными дворами, трактиромъ, панскими лавками, кузницами. Народъ здѣсь жилъ богатый, больше мастеровой и торговый, работящій и трезвый, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ пьяный: поль-слободы было заселено старовѣрами-безпоповцами какой-то мелкой непьющей секты. Ковачи, бабы-кружевницы и огороды Теплой слободы далеко славились.

Стукъ кузнечныхъ молотовъ встрѣтилъ Александра Николаевича далеко за слободской околицей. Въ чертѣ селенія онъ сталъ почти нестерпимымъ для ушей. Слободская улица открывалась цѣлымъ рядомъ ковалень, дымныхъ и грязныхъ, гдѣ кузнецы двигались, черные, какъ черти въ аду.

— Богъ въ помощь! — сказала Александръ Николаевичъ дюжему мастеру, возившемуся съ топоромъ на ветхой крышѣ лошадиного станка. — Здравствуйте!

— Здравствуйте и вы! — отвѣтилъ мастеръ, не отрываясь отъ работы.

— А гдѣ здѣсь, почтенный, живетъ Ѳедосья Ивановна?..

— Которая Ѳедосья Ивановна? три ихъ у насъ, старостиха — разъ, лавочница — два, а третья — тетка Ѳедосья, кружевница...

— Ее-то мнѣ и надо.

— А зачѣмъ вамъ тетку Ѳедосью? — возразилъ мастеръ, сопровождая свой вопросъ цѣлымъ дождемъ щепокъ, брызнувшихъ изъ-подъ топора.

Чилюкъ усмѣхнулся.

— Милый, вѣдь тебя не теткой Ѳедосьей зовутъ? съ чего же я тебѣ буду рассказывать, что мнѣ надо?

Мастеръ воткнулъ топоръ въ крышу и по столбу спустился наземь.

— Нѣтъ, я вѣдь почему спросилъ, — добродушно извинился онъ: — еще здравствуйте, почему спросилъ? Ѳедосья Ивановна-то родная тетка мнѣ выходитъ, вонъ оно что... Я у нея замѣсто сына сызмалу принять...

Александра Николаевичъ, живя съ джонъ-булями и янки, заразился отъ нихъ любовью къ физической силѣ, свойственной западнымъ народамъ гораздо въ большей степени, чѣмъ намъ, русскимъ. Чилюкъ и самъ былъ крѣпышъ, точно изъ мѣди отлитый, но

такихъ богатырей, какъ стоявшій предъ нимъ мастеръ, онъ и не видываль. Лицо мастера было запачкано сажей, только большіе голубые глаза весело и ясно улыбались на этой темной маскѣ. Рукава рубахи мастеръ засучилъ и обнажилъ такіе мускулы, что Чилюку даже весело стало.

— Здоровъ же ты, братъ! — сказали онъ богатырю.

— Что мнѣ дѣлается! — отвѣтилъ тотъ, широко и добро улыбаясь. — А тетки-то нѣту. Вы за кружевомъ вѣрно?

Александръ Николаевичъ нашель, что ему подсказано хорошее incognito...

— Да, за кружевомъ.

— Нѣту ея. Въ городъ ушла плетеное продавать. Нынче въ городъ базаръ, — четвертовъ на дворѣ... Да вы — ничего, пройдите... Коли заказать надо, такъ и Катерина Николаевна принять можетъ... жилища у насъ... — пояснилъ онъ, — покажетъ, что есть готово... Я вамъ мальчонку дамъ, онъ проводить.

Дворъ кружевницы, однако, былъ затворенъ. На калиткѣ висѣлъ замокъ. Мальчонка перевалился черезъ плетень и предложилъ Чилюку послѣдовать его примѣру. Чилюкъ исполнилъ это гимнастическое упражненіе съ ловкостью, заслужившей полное одобреніе его черномазаго вожатаго.

— Добре сигаешь, баринъ... — сказали онъ, — ты посиди часокъ на крылечкѣ, а я за Катериной побѣгу, на огородахъ она...

Оедосьина усадебка была изъ самыхъ исправныхъ въ Теплой слободѣ, а Теплая слобода — изъ самыхъ исправныхъ великорусскихъ пригородовъ. Во дворѣ чувствовалось то, что крестьяне называютъ полной чашей. Чилюкъ видѣлъ и понималъ это относительное невзыскательное довольство, но, съ отвычки отъ русской деревни, ему все-таки казалось, что кругомъ и бѣдно, и грязно...

— Впрочемъ, я и не въ такихъ мурьяхъ живаль, — не безъ самодовольства подумалъ онъ. — Дивны дѣла твои, Господи!.. Вотъ ужъ не подумалъ бы я мѣсяць тому назадъ, что переплываю океанъ затѣмъ, чтобы сидѣть теперь между плетней, смотрѣть на сорный дворъ съ курами и этимъ бравымъ пѣтухомъ... ишь ореть... какой красный чортъ! — И все это — въ ожиданіи таинственной сестрицы, не то барышни, не то мужички, которая еще Богъ знаетъ, кѣмъ окажется и какъ приметъ мое появленіе...

Загремѣлъ замокъ. Скрипнула калитка. Во дворъ вошла высокая дѣвушка... У Чилюка задрожало сердце, и судорога подошла къ горлу.

— Здравствуйте. Вамъ кружевовъ? Не осудите на жданьѣ... клубнику брала... сходить она у насъ... — говорила дѣвушка высокимъ звонкимъ голосомъ, приближаясь къ Чилюку и на ходу вытирая руки о передникъ. Александръ Николаевичъ всталъ ей навстрѣчу.

— Вы Катя Чилюкъ? — спросилъ онъ нѣсколько сдержаннымъ голосомъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ. — А я Александръ Чилюкъ... вашъ братъ... изъ-за границы.

Катя выпустила изъ рукъ передникъ; на лицѣ ея отразилось больше смущенія, чѣмъ радости... Она застѣнчиво сказала:

— Братецъ Саша!

Она, видимо, не знала, какъ поступить при такой неожиданной встрѣчѣ. Александръ Николаевичъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Онъ съ любопытствомъ всматривался въ нее, напрасно стараясь найти въ чертахъ стоявшей предъ нимъ крестьянки черты Кати, такъ памятной и дорогой его воображенію.

— Не смотрите, братецъ, — конфузливо смѣясь, сказала Катя, — я съ огорода, чу-челомъ... вѣдь нынче будни... Войдите въ хату. Я самоваръ вамъ поставлю и приберусь, пока вскипитъ.

Въ хатѣ было чисто и просторно, — сразу видать, что жилье семьи съ достаткомъ и не слишкомъ людной. Полъ не дальше, какъ въ послѣдній праздникъ, мытый, печь

свѣже-выбѣленная, бревенчатая стѣны не черныя, а только бурья: значить, есть смотрѣніе за домомъ; ни паутины, ни таракановъ. Катя исчезла за перегородку, раздѣляющую хату пополамъ отъ печи до двери и, послѣ недолгихъ сборовъ, вышла къ брату принаряженной, въ кумачѣ и бусахъ.

— Теперь хоть на человѣка похожа... — сказала она.

Александръ Николаевичъ похвалилъ ея красоту и нарядъ, взглянулъ въ нее и подивился. Совсѣмъ не видно «барышни» въ Катѣ, — словно она и родилась въ этой избѣ, и вѣкъ здѣсь прожила, а не два только года. Красавица — да! но красавица дикая, деревенская, — «съ румянцемъ сизымъ на щекахъ», какъ пѣлъ нѣкогда Фетъ, — большая, статная и съ такимъ могучимъ мускульнымъ развитіемъ молодого здороваго тѣла, что при каждомъ сильномъ движеніи платье трещитъ и врозь лѣзетъ на груди и въ плечахъ. Лицо — подъ золотистымъ загаромъ, слегка огрубѣвшее отъ вѣтра и солнца. Силы и здоровья здѣсь больше, чѣмъ красоты, или вѣрнѣе сказать, въ нихъ-то здѣсь и красота.

Разговоръ между братомъ и сестрой не клеился. Оба искали удобнаго случая, чтобы заговорить, какъ и почему они, послѣ долгой разлуки, встрѣтились при такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, но Чилюку хотѣлось, чтобы начала рѣчь объ этомъ Катя, а Катѣ, — чтобы началъ Чилюкъ.

— Да... — рѣшился, наконецъ, перейти къ дѣлу Александръ Николаевичъ, — много воды утекло, переиждь въ нашей семьѣ и не сосчитать... О себѣ я уже не говорю; моя исторія старая. Но ты вотъ... признаюсь, никакъ я не ожидалъ тебя встрѣтить здѣсь.

— Братецъ! — перебила его Катя и на минутку глянула совсѣмъ прежнею Катей; черные глубокіе глаза ея широко открылись и заискрились, лицо стало откровеннымъ и довѣрчивымъ, — вы не судите меня строго... право же, мочи моей не стало, братецъ... я вѣдь долго терпѣла...

— Я не про то говорю, Катя, — сказалъ Александръ Николаевичъ, — я очень хорошо понимаю, что положеніе твое могло быть невыносимымъ, что надо было уйти. Меня удивляетъ, зачѣмъ ты *сюда* ушла?

Катя не отвѣтила; она сидѣла у обѣденнаго стола, потупившись, и молча перебирала складки фартука.

— Послушай, — заговорилъ братъ послѣ короткаго молчанія, — ты извини меня... я, можетъ-быть, мѣшаюсь не въ свое дѣло. Вѣдь мы свои только по имени, по крови... я тебя оставилъ малюткой, безъ меня ты выросла, имѣешь право считать меня чужимъ. Но у меня объ одной лишь тебѣ — маленькой дѣвчкѣ — осталась хорошая память отъ всего нашего дома. Я тебѣ очень благодаренъ за это. Если тебѣ неприятно, ты можешь не отвѣчать; но повѣрь, — я спрашиваю тебя только потому, что хочу тебѣ хорошаго и желалъ бы устроить твою жизнь, какъ тебѣ будетъ угодно и какъ только могу я лучше. Поэтому ты будь со мною откровенна.

Катя подняла свои довѣрчивые глаза.

— Да я не скрываюсь, братецъ... — сказала она, — я потому вамъ ничего не отвѣтила, что, боюсь, не сумѣю вамъ объяснить... Вѣдь я дурочка — не дурочка, а около того... Меня маменька аспидной доской — ребромъ да угломъ — по головѣ много била... Сама про себя я много думаю и, что скажутъ мнѣ, соображаю, какъ слѣдуетъ... а вотъ говорить — смерть моя... Тоже памяти нѣтъ... Вѣрите ли? чему меня учили, все я позабыла. Писать стану, буквы путаю... Ну... да вотъ видите!

Она подняла руку ко лбу, на которомъ мелкими каплями выступала легкая испарина; лицо ея нѣсколько поблѣднѣло, — большого напряженія стоила ей долгая, складно обдуманная рѣчь. Александръ Николаевичъ наблюдалъ ее съ удивленіемъ и жалостью.

— Гмъ... вотъ что... — задумчиво протянулъ онъ, — это для меня новость, объ этомъ отецъ мнѣ не говорилъ... Говорилъ, что у тебя не было способностей, — и только...

— Особеннаго ничего и нѣтъ; мнѣ даже и докторъ одинъ сказалъ, что я въ своемъ

умѣ весь вѣкъ доживу; а вотъ именно, что способностей у меня никакихъ...

— Ну, хорошо. Послѣ объ этомъ. Вернемся къ старому. Вотъ вижу я тебя въ этой избѣ, въ этомъ нарядѣ; руки у тебя рабочія... Замѣтно, что ты не даромъ здѣсь живешь и отъ труда не бѣгаешь. Не подумай, что я тебя укоряю этимъ. Я самъ прошелъ рабочую школу, какой — прямо скажу — тебѣ не испытать. Не то, что русскому мужику, — русскому каторжнику легче, чѣмъ нашему брату, вольному рабочему, пока онъ проложить себѣ дорогу и выйдетъ изъ грязи въ князи, какъ вышелъ я. Слѣдовательно, говорить съ тобою, какъ товарищъ, я имѣю право. Хорошо. Ручной трудъ я уважаю столько же, какъ и умственный. Но люди нашего класса берутся за него только въ крайней необходимости, чтобъ уйти отъ него при первой возможности, какъ и я, въ свое время, постарался уйти. А тебѣ не было неизбѣжной надобности выбирать его, да еще въ такой формѣ: у насъ есть родные; навѣрно, ты имѣешь знакомыхъ, даже друзей; тебѣ было бы легко найти себѣ какое-нибудь мѣсто — гувернанткой, компаньонкой, чтицей, продавщицей въ магазинъ, наконецъ... А ты ни къ кому не обратилась, — ушла сюда къ Федосьѣ. Отчего?

— Да все оттого же, братецъ.

— Способностей нѣтъ?

— Да, Александръ Николаевичъ пожалъ плечами.

— Видите ли, братецъ, — съ разстановкой продолжала Катя, и опять мелкія родинки выступили у нея надъ бровями, — я изъ дома давно задумала уйти: какъ только эта Сашка... — съ нескрываемой ненавистью проговорила она; противное ей имя, необыкновенно живо напомнивъ Чилюку его грозную мать, — у насъ проявилась. Вотъ тогда я и передумала обо всемъ, что вы говорите. Магазиновъ у насъ въ городѣ нѣтъ, такъ о продавщицѣ только не думала. Стала я пытаться себя, гоюсь ли куда: въ гувернантки ли, въ учительши ль, въ акушерки очень мнѣ хотѣлось... Нѣтъ, — словно каменная у меня голова: ничего-то къ ней не пристаешь, ничего въ ней не держится. Что сегодня выучу, завтра... какое тамъ, завтра! — черезъ полчаса забуду. Всѣ слова улетають, одинъ только туманъ остается. Тутъ мнѣ докторъ этотъ подвернулся. Ни на что, говорить, вы не надейтесь; у васъ не всѣ дома. Вы и здравомыслящая и все; но у васъ способности къ учобѣ отшиблены... Оно и впрямь: какъ не отшибить? — все тѣмъ же ровнымъ голосомъ встала она, взяла руку брата и положила ее на свою голову, — чувствуете, какой шрамъ?.. У меня тутъ даже плѣшка, съ семитку, пожалуй, а то и больше; волосами зачесываю; хорошо, что густые, — не видать... Такъ, говорить докторъ, и знайте, что дальше не лучше, а хуже будетъ... насчетъ памяти, то есть. Ну, тогда я себя и порѣшила. Скажите, братецъ, вѣдь стыдно человѣку безъ всякаго дѣла жить на даровомъ хлѣбѣ?

— Стыдно, Катя...

— Да еще когда этотъ хлѣбъ такъ дорого, такихъ обидъ стоитъ, что поперекъ горла становится... Я и пустилась своего хлѣба искать. Головой не могу найти, — думаю, руками найду...

— Извини, Катя, — поспѣшно перебилъ ее братъ, — ты Толстого не начиталась ли?

— Нѣтъ... Какой Толстой? — спросила Катя съ откровеннымъ недоумѣніемъ.

— Писатель. Онъ почти то же говоритъ, что и ты. Только онъ вовсе умственный трудъ отменяетъ, всѣхъ зоветъ къ ручному.

— Нѣтъ, я бы учительшей, либо акушеркой больше хотѣла быть, чѣмъ — какъ теперь, — вдумчиво молвила Катя. — Хорошо, у кого въ умѣ свѣтло... Но, какъ я ничего не могу, то, стало быть, и состоять мнѣ при ручномъ дѣлѣ. Заходила я иной разъ къ мамѣ Федосьѣ, — вѣдь она кормила меня, помните, братецъ? — нравилось мнѣ, какъ она живетъ, кружевничаетъ... работа хорошая, тонкая... Мама Федосья была ко мнѣ добра... Я выплакала ей свою бѣду, что у папаша я жить не могу, а итти некуда. Либо я зарѣжу Сашку, либо домъ сожгу, либо сама утоплюсь... Мама Федосья мнѣ и говорить: нѣтъ, ты,

Катя, не рѣжь ее и сама не топись, а какъ станетъ тебѣ не втерпежь, приди ко мнѣ; я тебѣ что-нибудь присовѣтую...

— Подожди, Катя, — перебилъ ее опять Александрѣ Николаевичѣ, — эта Александра Кузьминишна мнѣ самому показалась противна... но съ чего, собственно, началось у тебя такое озлобленіе?

Катя всплеснула руками:

— Братецъ! да какъ же иначе? Вѣдь она какъ у насъ проявилась? Когда мамашу разбилъ параличѣ, и отнялись у нея ноги, — она меня ни на шагѣ отъ себя не отпускала; по хозяйству хлопотать было некому; вотъ и взяли въ домѣ эту проклятую... Мамаша съ мѣста двинуться не можетъ, а она — безстыдная! въ ея же домѣ... Нѣтъ, братецъ! вы со мной про это не говорите, а то я тутъ сбиваюсь... — сказала она съ потемнѣвшимъ лицомъ... Но вдругъ сама близко наклонилась къ Александру Николаевичу:

— Братецъ, а вѣдь она мамашу удушила!.. Чилюкъ невольнo отшатнулся. Мурашки пробѣжали у него по спинѣ.

— Что ты, Катя... Богъ съ тобою...

— Удушила, братецъ, — стояла на своемъ дѣвушка. — Доктора говорятъ, будто мамаша померла отъ второго удара... А отчего же этотъ ударъ приключился какъ разъ въ ту ночь, когда я у мамы въ спальнѣ не спала?.. Прокралась, подлая, въ спальню да подушкой и задушила. Долго ли, трудно ли — безногую? Вы моему слову вѣрите. У меня есть въ сердцѣ такое, что меня никогда не обманетъ. Мамаша, хоть и безъ ногъ, а еще бы десять лѣтъ прожила: она была крѣпкая...

— Бредишь ты, Катя...

— Всѣ такъ вотъ говорятъ, всѣ! — съ горечью возразила Катя. — И папаша и даже мама Ѳедосья, на что уже всякому моему слову вѣрять. А я вратъ не умѣю... Вы слушайте: я въ маменькиной комнатѣ, когда покойницу на столѣ убирала, Сашкину подвязку нашла и спрятала... Тогда у меня и подозрѣнія никакого не было. Послѣ — много послѣ — папаша какъ то разъ говоритъ мнѣ, чтобъ я его простила, если онъ женится на Александрѣ Кузьминишнѣ. Тутъ мнѣ въ виски такъ и стукнуло, такъ все мнѣ и просвѣтлѣло, и, какъ мнѣ дѣло представилось, такъ я все и выложила папашѣ. Онъ разсердился, затопалъ на меня ногами и прогналъ съ глазъ долой; а въ скорости прилетаетъ ко мнѣ сама Сашка, — лица на ней нѣтъ... И давай на меня кричать: какъ я смѣю клеветать на нее... А я вынула изъ ящика подвязку и спрашиваю: это — что?.. Она вся побѣлѣла, прыгъ ко мнѣ, выхватила подвязку изъ рукъ, да въ карманъ ее... Я къ ней бросилась, а она... охъ, братецъ!..

Катя, блѣдная, какъ мертвецъ, опять пригнулась къ брату, почти уронивъ голову ему на плечо.

— Она меня по щекѣ два раза ударила! — глухо прошептала она.

Чилюкъ ничего не сказалъ, но такъ ударилъ по столу, что доски затрещали, и вздрогнула посуда на надстольныхъ полкахъ. Онъ всталъ и медленно прошелся по избѣ. Потомъ наклонился къ сестрѣ и поцѣловалъ ее въ голову. Катя почувствовала слезу, упавшую на ея волосы, и покраснѣла; взоръ ея засверкалъ благодарнымъ восторгомъ и слезами...

Кое-какъ справившись съ волненіемъ, она продолжала:

— Я тогда обезумѣла... къ пруду бросилась... да на самомъ берегу вспомнила маму Ѳедосью: не топись, а приходи, посоветуйся... Такъ, въ чемъ была, и прибѣжала къ ней и выплакалась... «Утро вечера мудренѣе», говоритъ мама. Напоила меня малиной, уложила спать, а Максима — племянникъ ея, кузнецъ, — послала въ нашу усадьбу сказать, чтобы не беспокоились, что барышня де у нея отдыхаетъ. Поутру, рано, съ зорькою будить меня мама Ѳедосья. «Вставай, Катюша, обряжай вотъ эту одежду, — платье мнѣ простенькое припасла, — да пойдѣмъ ка мы съ тобой къ Пафнутію въ Боровскѣ, помолимся!

Авось, въ мозгахъ то у тебя просвѣтлѣеть, — увидимъ, какъ тебѣ дальше быть»... Цѣлую недѣлю до Боровска шли, тамъ три дня пробыли... Назрѣло у меня въ душѣ — пойти къ мамѣ Ѳедосѣ въ жилички... Дальше, — какъ сами видите. Катя умолкла.

— Катя! — сказалъ Александръ Николаевичъ, крѣпко взволнованный, — ты молодець... только этому конецъ положить надо. Что себя мучить? Я тебя увезу отсюда...

Катя, не глядя на брата, покачала головой.

— Ты не хочешь?.. значить, довольна?..

— Довольна, братецъ, я здѣсь при дѣлѣ. Привыкла.

— Дѣло будетъ и въ другомъ мѣстѣ, и привыкнешь къ другому мѣсту.

— Что, братецъ, — какъ слышно? войны не будетъ? — не отвѣчая, спросила Катя.

— Нѣтъ, кажется... а что?

— Я бы въ милосердныя сестры пошла... А такъ, просто — куда мнѣ ѣхать, братецъ? зачѣмъ?..

— Я тебя устрою въ Петербургѣ къ хорошимъ людямъ...

— Что же я у нихъ дѣлать буду?

— Что понравится, что знаешь...

— А я же ничего не знаю, а что умѣю, тому здѣсь мѣсто, а въ Петербургѣ ни къ чему... Даромъ я хлѣба ѣсть не хочу... дурочкой между людей жить тоже не согласна... у меня гордость есть. Нѣтъ, братецъ, — вы только не обижайтесь, родной! — оставьте меня, какъ нашли, не ворошите... И мнѣ придется привыкать къ новымъ людямъ, и новымъ людямъ ко мнѣ; полюбимся ли другъ другу, еще бабушка надвое сказала, а здѣсь уже дѣло вѣрное. И я люблю, и меня любятъ...

Въ умѣ Александра Николаевича мелькнула быстрая мысль...

— Позволь, Катя, — остановилъ онъ ее, — я вижу, что честная дѣвушка, и тебя не слѣдовало бы объ этомъ спрашивать, но отецъ намекалъ мнѣ о какихъ то дурныхъ слухахъ.

— Я знаю, что на усадьбѣ про меня говорятъ, — спокойно сказала Катя, глядя прямо въ глаза Александру Николаевичу, что у меня любовникъ есть. Вы не вѣрьте. Лгутъ. Никакого у меня любовника нѣтъ. Чудаки! коль на меня плохо надѣются, хоть мамушкѣ бы повѣровали: она у насъ строгая, святая, — всѣ знаютъ... Вотъ, — она улыбнулась, застыдилась и покраснѣла, — замужъ я, можетъ-быть, точно пойду...

— За кого же? за здѣшняго?

— Да... за Максима, мамушкина племянника...

— Ты его любишь?

Катя задумалась.

— Люблю... — не совсѣмъ смѣло начала она и потомъ гораздо рѣшительнѣй договорила: очень ужъ хороши онъ человекъ, мало такихъ на свѣтѣ, и меня крепко любить...

— Совсѣмъ, значить, свяжешь себя съ Теплой слободой?

— Совсѣмъ... что же? Я вѣдь съ нею разставаться и такъ не собираюсь, — сказала Катя и вдругъ неожиданно прибавила: — онъ меня изъ воды вытащилъ... случилось тутъ... тонула я одинъ разъ...

— Какъ же случилось?

— Такъ... Вы не думайте, что я нарочно... просто, на плоту мыла бѣлье, да и сорвалась. Плавать я хорошо умѣю, но меня подъ плоть затянуло. Другія дѣвушки закричали. Максимъ подоспѣлъ, бухнулъ въ воду и вытащилъ... Послѣ того мы съ нимъ и поладили, чтобы повѣнчаться.

— Конечно, дай тебѣ Богъ счастья, но... Скажи, пока ты жила у отца, ты ни разу не собиралась замужъ итти?

— Нѣтъ... Маменька послѣдніе годы больная была, — какъ мнѣ было уйти отъ нея? А женихи тогда наѣзжали. Александра Кузьминишна тоже подыскивала мнѣ жени-

ховъ, — сбѣить меня ей хотѣлось. Да какъ же можно за нелюбимаго человѣка замужъ итти?.. зачѣмъ?..

— А никто не нравился? Катя промолчала.

— Не уживаются по нашей глуши хорошіе люди изъ нашего сословія, — сказала она потомъ, — скучно имъ тутъ, къ большимъ городамъ ихъ тянетъ... за пьяницу, либо бездѣльника, либо слабодушника, хоть бы и полюбился на грѣхъ, какая радость выйти? Былъ одинъ, — тихо сказала она: — докторъ... хорошій человѣкъ... шибко мнѣ нравился, и я ему... Только я этому доктору сама сказала: вы меня оставьте! я не для васъ... я вамъ не пара...

— Почему же, Катя?

— Умный онъ былъ, очень образованный. Всѣ говорили, что ему въ столицѣ большая дорога будетъ, когда онъ земскій срокъ отслужить. Ну... на что ему такая жена, какъ я? Неучъ, безпамятная... Всюду бы я его осрамила, всякіе бы пути ему завязала. Соколъ въ небо рвется, а я ему — путы на ножки... что хорошаго? И Богъ вѣсть, на долго ли бы его любви хватило?.. Кандалы, хоть изъ золота ихъ слей, милы не будутъ... Да и любовь ли еще была? Глушь вѣдь у насъ... скука... а я не уродъ собой... къ тому же, видѣлъ онъ, что меня крѣпко обижаютъ... вотъ и пожалѣлъ... Подумала я такъ-то ночью, другую, поплакала — и отказала... А очень любила...

— Тяжело тебѣ было! — участливо отозвался Александрѣ Николаевичъ.

— Не-хо-ро-шо, — раздумчиво протянула Катя, — что же? не все медъ пить, напѣешься и водицы... Прошло уже, забылось... Онъ теперь въ Петербургѣ... Жениться сталъ — письмо прислалъ...хорошее письмо... только лучше бы его не писать было! А то что такое? Точно благодарить: спасибо, что меня не погубила...

Катя засмѣялась, и звонкій звукъ смѣха свидѣтельствовалъ что неудачный романъ не оставилъ въ ея душѣ никакой горечи...

— Ахъ, Катя, Катя! — улыбаясь, говорилъ Александрѣ Николаевичъ. — Знавалъ я чудныхъ людей, а такихъ, какъ ты, и не видывалъ... Такъ не поѣдешь со мной?

— Нѣтъ, братецъ... простите... не поѣду. Отъ добра добра не ищутъ.

— Какъ хочешь, дитя мое, неволить я тебя не буду. Насильнаго счастья не бываетъ. Я довольно пожилъ на свободѣ, чтобы знать это... Но я богатъ. Позволь мнѣ помочь тебѣ. Вы... — онъ окинулъ глазами убранство хаты: — не слишкомъ то здѣсь роскошничаете...

— Вы денегъ хотите мнѣ дать? — спросила Катя.

— Если позволишь...

— Денегъ мнѣ дайте, если богаты. Мы оттого и свадьбу не играемъ, что надо новую хату ставить, а денегъ у насъ не богато... Я вамъ скажу, братецъ, правду, что мама Ѳедосья стала на старости къ безпоповцамъ клонить, и они ее очень почитаютъ. Ну, а намъ съ Максимомъ что же ее тяготить? Въ одной хатѣ двѣ вѣры не хорошо... ссориться станемъ...

— Да. Возьми, сколько хочешь. Ты у меня одна, — мнѣ не жаль.

— Чай, женитесь, братецъ!

— Женюсь ли, нѣтъ ли, это еще вилами на водѣ писано... А вѣдь твоего Максима я уже видѣлъ! — весело воскликнулъ Чилюкъ, глядя въ окно. — Право, видѣлъ: онъ станокъ починялъ... Вѣдь это онъ идетъ по двору?

Когда молодой кузнецъ показался на порогѣ хаты, въ ней сразу стало какъ будто тѣсно. Думалось, — шевельнется этотъ богатырь, и либо плечомъ стѣну высадить, либо головой потолокъ проломить. Вымытое лицо, чистыя руки и мокрые волосы показывали, что, по дорогѣ изъ кузницы, онъ забѣжалъ на прудъ искупаться. Александрѣ Николаевичу богатырь показался почти красавцемъ, со своимъ румянымъ лицомъ, рыжеватой бородой и веселыми голубыми глазами, которыми онъ съ великимъ недоумѣніемъ

установился на Катю: что это, моль, за гость такой долгий?

— Максимъ, это мой братъ, Александръ Николаевичъ, изъ-за границы пріѣхаль, — улыбаясь, сказала Катя, — не забылъ меня, спасибо ему, пришелъ навѣстить...

Улыбка Кати отразилась на лицѣ кузнеца такъ свѣтло, быстро и широко, что, казалось, онъ весь засвѣтился: и глаза какъ будто стали ярче, и румянецъ алѣе, и борода рыжѣе. Онъ низко поклонился и несмѣло протянулъ руку Чилюку. Руки были пожаты крѣпко, привѣтствія сказаны горячо, но затѣмъ наступило неловкое молчаніе. Александръ Николаевичъ съ досадою чувствовалъ, что при всей своей опытности, при всемъ своемъ навыкѣ къ обращенію съ самыми разнообразными людьми, онъ не находитъ тона, которымъ надо говорить. Они смотрѣли другъ на друга, какъ люди разныхъ міровъ — съ любопытствомъ, но безъ участія, и съ нѣкоторой боязнью. Всѣмъ троемъ было неловко. Побормотавъ нѣсколько вялыхъ фразъ, шаблонныхъ и безцвѣтныхъ, о своей радости за сестру, о своей увѣренности, что выборъ ея палъ на хорошаго человѣка, Чилюкъ рѣзко оборвалъ рѣчь, всталъ и началъ прощаться. Максимъ, слушавшій Александра Николаевича съ какимъ-то конфузливимъ испугомъ въ глазахъ, былъ, видимо, радъ, когда Чилюкъ замолчалъ. Катя не удерживала брата.

— Я приду въ городъ проводить васъ, — сказала она, любовно глядя въ глаза Александру Николаевичу ; и онъ, по взгляду ея, понялъ, что она отлично чувствуетъ, какъ неловко ему между нею и Максимомъ, но извиняетъ ему это и не сердится. — Въ усадьбу мнѣ нельзя, а въ городъ приду. Вы дайте мнѣ знать, когда будете уѣзжать.

— Завтра вечеромъ я уѣду.

— Скоро такъ? — грустно отозвалась Катя.

— Эхъ, — искреннимъ вздохомъ вырвалось у Александра Николаевича, — что мнѣ тутъ дѣлать, Катя? У васъ здѣсь, на Теплой слободѣ, все свое, новое; тамъ, на усадьбѣ, тоже свое, хоть и старое... И здѣсь, и тамъ я лишній, чужой человѣкъ; отъ стараго отвыкъ, къ новому не привыкъ; старое, Катечка, мнѣ противно, новое непонятно. А времени разбираться нѣту. Жизнь у меня въ дѣлѣ: какъ вода въ котлѣ, ключомъ кипитъ. Прощай, другъ Катя! Шель я тебѣ помочь, а отчасти, каюсь, и поругать тебя, но крѣпко ты мнѣ полюбилась. И жаль мнѣ тебя оставлять здѣсь, и думается мнѣ, что ты хорошо себя понимаешь и устроишь свою судьбу лучше, чѣмъ устроилъ бы я. Оставайся и живи, какъ знаешь. Пусть тебя другіе, какъ хотятъ судятъ, я же тебѣ не судья. Вижу, что ты честная дѣвушка и ничего безчестнаго не то что сдѣлать, даже подумать не въ состояніи... Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто будетъ тебя порочить! А плохо тебѣ придется — напиши: чѣмъ могу — словомъ ли, деньгами ли, всегда выручу... А завтра приходи въ городъ, я тебѣ кое-что хорошее скажу...

Максимъ и Катя проводили Александра Николаевича далеко за околицу. Оглядываясь, онъ долго видѣлъ ихъ стоящими на придорожномъ бугрѣ, надъ золотымъ потокомъ ржи.

Когда предъ Чилюкомъ поднялись изъ-за кудрявой роши красныя кровли отцовской усадьбы, ему стало не по себѣ. Онъ не повѣрилъ тому, что Катя говорила о смерти матери, но провести ночь подъ одной крышей съ Александрой Кузьминишной, послѣ этого разказа, показалось ему невыносимо гадкимъ... Едва ступивъ на крыльцо дома, онъ уже распорядился, чтобъ ему готовили лошадей въ городъ. Николай Евсеевичъ по лицу сына угадалъ, на чьей онъ сторонѣ, и сконфуженно развелъ руками... Александръ Николаевичъ коротко передалъ ему подробности своего свиданья съ Катей, свое намѣреніе помочь ей деньгами и заключилъ:

— А отъ васъ, папа, прошу одного: оставьте вы ее совсѣмъ въ покоѣ, не мѣшайте ей быть счастливой. Мы съ вами слишкомъ мало сдѣлали для нея, чтобъ имѣть право на вмѣшательство въ ея жизнь...

— Воля твоя... я этого не понимаю, — бормоталъ старикъ, — ты сочти, сколько

жертвъ она приносить: выйти изъ сословія, выйти изъ семьи, изъ своего общества... и для чего же? Для благосостоянія, комфорта, покоя? Нѣтъ, для добровольной каторжной работы, для удовольствія перебиваться съ хлѣба на квасъ, въ хатѣ... Чортъ знаетъ, какіе люди на свѣтъ родиться стали!.. И... извини меня: ты мнѣ еще страннѣе Кати. Ея дикости я могу объяснить хоть тѣмъ, что ее мать била по темени аспидной доской. Но ты — сильный, неглупый, образованный человѣкъ — и вдругъ вторишь капризамъ этой безумной. Ради чего? Что ты находишь въ ней отрадного?

— Видите ли, папа, — перебилъ Александръ Николаевичъ, — семья, въ которой житья нѣтъ, общество, членомъ котораго имѣешь право быть, но не имѣешь возможности, и сословіе, значенія котораго не понимаешь, — вовсе не такія драгоценности, чтобъ отъ нихъ не отказался человѣкъ, когда его чутьемъ потянетъ къ счастью, за предѣлами этихъ перегородокъ. Катю потянуло — она и ушла. Вы говорите о покоѣ... Покой хорошъ только, какъ отдыхъ, его знаютъ только тѣ, кто устаетъ. Люди не работающіе знаютъ не покой, а оцѣпенѣніе. И живой душѣ въ мѣрѣ оцѣпенѣнія жутко. Вырвется она за его границы и уйдетъ, куда попало — все равно, на счастье или на несчастье, лишь бы и то, и другое были свои: добытыя своею волею, своими руками, своей головой. Вѣдь только это-то и называется жить. Я знаю это, потому что на себѣ испыталъ. И не пробуйте понимать чужого счастья — не поймете. Я самъ Катинаго счастья не понимаю, и мнѣ ее какъ-то жалко, а между тѣмъ я видѣлъ ее искренно счастливою. Оставьте ее!.. Кромѣ вреда, мы съ вами ничего ей не принесемъ... Она не наша — своя! Пусть же эта чудачка и будетъ счастлива посвоему.

1892.